

Глава III

Где я лично знаколюсь с тоддами.

La verité que je défends est empreinte sur tous les monuments du passé. Pour comprendre l'histoire, il faut étudier les symboles anciens, les signes sacrés du sacerdoce et l'art de guérir dans les temps primitifs, art oublié aujourd'hui...

*Baron Du Potet*¹

Сцена в Мадрасе в первой половине июля 1883 года. Дует западный ветер, начиная с семи часов утра, то есть вскоре после восхода солнца, и затихая только к пяти часам пополудни. Дует он уже шесть недель, а конец его деятельности наступит только в конце августа. Термометр показывает 128^{o2} в тени. Так как в России мало кто знает, что такое «западный» ветер в Южной Индии, то постараюсь дать об этом неумолимом враге европейца хоть слабое представление. Все двери и окна, в направлении которых следует этот ровный, постоянный, бархатисто-мягкий ветерок, завешаны густыми *tammi*³, иначе, циновками из *кузи*⁴, пахучей травы. Все щели законопачены, все отверстия наполнены ватой, почему-то считающейся лучшим препятствием западному ветру. Но это нисколько не мешает ему проникать всюду, даже чрез такие вещества, которые оказались бы достаточно непроницаемыми для воды. Этот ветер пронизывает самые стены, и от его ровного, покойного дуновения происходит следующее замечательное явление. По дороге западного ветра книги, газеты, рукописи и всякая бумага шевелятся сами собою, словно живые. Лист за листом подымается как бы невидимою рукой и под напором горячего, нестерпимо знойного дыхания каждый листок начинает скручиваться все более и более, пока не скрутится в тончайшую трубочку, после чего листья только колышутся, вздрагивая под каждым новым дуновением. На мебель и вещи ложится тонкая, сперва еле осязаемая, затем густейшая пыль. Если она покроет материю, ее уже не выколоти оттуда никакая щетка. А на мебели, если ее не вытирать ежечасно, к вечеру наберется такой пыли на полвершка⁵.

В такое время одно спасение – *панка*⁶: открыть широко рот, повернуться лицом к востоку и сидеть или лежать неподвижно, вдыхая в себя прохладу, искусственно производимую колыханием гигантского, протянутого поперек комнаты веера. Только когда зайдет солнце, можно бывает дышать чистым, хотя и сильно нагретым воздухом.

В марте мадрасское европейское общество, следуя за местным правительством, всегда перекочевывает на Голубые горы – до ноября. Решилась эмигрировать на время и я, но не весной, а именно в половине июля, когда западный ветер успел уже иссушить меня до мозга костей. Получив приглашение от добрых друзей, семейства генерала Моргана, погостить у них, семнадцатого июля, полузадохнувшаяся от жары, я наскоро собралась и в шесть часов вечера садилась в вагон железной дороги. На другое утро до полудня я уже была в Метополаме, у подошвы Нильгири.

Здесь я столкнулась нос к носу с англо-индийскою эксплуатацией, которая у нас зовется цивилизацией, а в то же время и с мистером Селливаном, членом совета и сыном покойного

---

¹ «Истина, которую я защищаю, запечатлена на всех памятниках прошлого. Чтобы понять историю, нужно изучать древние символы, жреческие священные знаки и искусство исцеления первобытных времен, искусство, забытое сегодня» (*Du Potet J. Manuel de l'étudiant magnétiseur. Paris, 1868. P. 391 (Дю Поте Ж. Пособие начинающего гипнотизера. Париж, 1868. С. 391); см. также: Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Т. I. Гл. XI. Психологические и физические чудеса).*

Жюль Денис Дю Поте (1796–1881) – французский магнетизер и писатель, автор трудов о лечении магнетизмом.
² 53° С.

³ Таңгі (*хинди*).

⁴ Куша (*хинди*).

⁵ 2 см.

⁶ Панкха (*англ. punkah, pankha*) – подвесное опахало в Индии.

коллектора куимбатурского. Эксплуатация явилась под видом мерзейшего ящика о двух колесах и с полотняною башней над ним, за который я заплатила вперед еще в Мадрасе под его псевдонимом «закрытой удобнейшей на рессорах кареты». А мистер Селливан представился мне гением-хранителем гор с большим влиянием, конечно, на воздымавшихся пред нами высотах, но беспомощный, как и я сама, пред эксплуатацией частных британских спекуляторов⁷ у подножия Нильгири. Он мог только утешать меня. Представившись и рассказав, что возвращается в лоно требующего его правительства из собственной где-то плантации, он тут же показал мне пример смирения, усевшись без протеста и как мог в другой гнусной двуколке. Великие «высшей расы», столь гордые с браминами, умаляются и часто дрожат пред низшими своего народа – в Индии. Это замечено мною не раз. Быть может, они страшатся их разоблачений, а пуще, вероятно, ядовитого языка и всемогущей клеветы.

Еще не замолкли вдали раскаты сердитого грома так называемой грозы вследствие *Ильбертского билля*⁸, Джон Булль⁹ низших сфер, схватив за шиворот Джона Булля англо-индийской аристократии, увлек его насильно за собой и разом оседлал вице-королевский совет с бабу Рипоном¹⁰ во главе. Напрасно упирался либеральный маркиз. Поникнув добродушною главой, бабу Рипон смирился пред бакалейщиками и сапожниками своей верховной расы. Вздумав положить новую заплату на старую ризу Индии, новоиспеченный римский католик, очевидно, забыл о библейской мудрости своих праотцов. И стало последнее горше первого для бесталанных сирот туземной Индии!..

Так было истолковано мною поведение члена совета, не осмелившегося сказать ни слова грязному приказчику «агента для перевозки пассажиров и клади из Мадраса на Нильгири». Когда тот нахально объявил, что в горах идут дожди и он не станет рисковать новою краской и лакировкой *закрытых* карет, потому что пассажиры могут ехать и в открытых одноколках, то ни мистер Селливан, ни другие ехавшие в Утти британцы не нашли для него ни одного из тех англо-индийских жестов и взглядов, которые повергают в прах наивысшего чином туземца.

Нечего было делать и, сев бочком в таратайку, пред которой *тонга* на дороге в Симлу все равно, что королевский вагон пред ящиком, в котором запирают на поездах железной дороги собак, мы стали подыматься в гору. Одноколку влекли два печальных остова когда-то почтовых кляч. Не успели мы отъехать и полмили, как один из остовов, слабо подрыгав задними косточками, свалился с ног, опрокинув на себя одноколку, а вместе с нею и меня. Все это произошло на три вершка¹¹ от бездны, по счастью, не очень глубокой, да в которую я, впрочем, и не свалилась. Все кончилось неприятным изумлением и порванным платьем.

Весьма любезно подскочивший на помощь какой-то англичанин, у которого одноколка завязла в красной глине, обрушил свой гнев на ямщика, которому не принадлежала ни таратайка, ни тут же издохшая лошадь. Ямщик был туземцем, и его было бы бесполезно задабривать. Пришлось дожидаться другой одноколки и двух других кляч со станции. Но я не сожалела о потерянном времени. Познакомясь с членом совета в силу общего притеснения нас агентом, я разговорилась и с другим англичанином. В этот час, проведенный в ожидании со станции помощи, я узнала много новых подробностей об открытии Нильгири, отце мистера Селливана и о тоддах. Впоследствии я часто виделась в Утти с обоими «сановниками».

Через час пошел дождь, и моя одноколка скоро превратилась в ванну с душем. Вдобавок ко всему, по мере того как мы поднимались выше, холод все усиливался. По приезде в Коттагири,

---

⁷ спекулянтов (*англ.* speculator).

⁸ *Ilbert Bill**, против которого восстали, как один человек, все англо-индийские лавочники, спекуляторы и низший класс высшей расы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Билль Илберта предлагал поправку к существующим британским законам, предоставлявшую магистратам и судьям индийского происхождения право судить английских подданных. Этот законопроект повлек акции протеста со стороны англо-индийцев и в случае его принятия однозначно привел бы Индию к кровавой войне между англичанами и коренным населением. В конце концов, билль провалился, он был принят в сильно компромиссном виде.

Кортни Перегрин Илберт (1841–1924) – британский юрист и государственный служащий, служивший юрисконсультантом в совете вице-короля Индии (1882–1886).

⁹ Джон Булль (*англ.* John Bull, буквально Джон Бык) – собирательный образ типичного англичанина.

¹⁰ Джордж Фредерик Сэмюэль Робинсон (1-й маркиз Рипон, 1827–1909) – британский политик, государственный деятель, дипломат, генерал-губернатор и вице-король Индии (1880–1884), в 1874 г. перешел в католицизм.

¹¹ 13 см.

откуда нам оставался час езды, мне пришлось дрожать от стужи под шубой. Я въезжала в Голубые горы в самый сезон дождей. Густая, красная от размокшей земли вода потоками катилась нам навстречу, и великолепная панорама по обеим сторонам дороги заволоклась туманом. Но вид был очарователен даже при такой печальной обстановке, а воздух, холодный и сырой, после душной атмосферы в Мадрасе был величайшим наслаждением. Он был весь пропитан запахом фиалок и здорового смолистого леса. А этот лес, покрывающий все скаты гор и холмов изумрудным покровом, скольких тайн он был свидетелем на своем долгом веку! Чего только не видали в Голубых горах – глубокой могиле, скрывавшей так долго и так ревниво сцены, напоминающие сцену ведьм в *Макбете*¹², – эти старые, столетние стволы! Теперь легенды давно не в моде: их называют сказками, и это весьма естественно. «Легенда – цветок, распускающийся только на почве веры». А вера давно уже стала исчезать в сердцах цивилизованного Запада, поэтому засыхают и цветы ее под убийственным дыханием современного материализма и общего безверия.

Эта быстрая перемена в климате, обстановке и во всей природе показалась мне волшебством. Я забыла холод, дождь, отвратительную одноколку с башней, под которой я восседала на своих перепачканных в грязи полуразломанных ящиках и чемоданах, – и только спешила дышать, набираться этого чистого, чудесного воздуха, которым я не дышала уже много лет... Только к шести часам вечера мы подъехали к Утти.

Было воскресенье, и мы скоро стали встречать толпы, идущие домой после вечерней службы. То были большею частью евразияты, эти рассиропленные «черною» кровью *европейцы*, ходячие паспорта «с особыми приметами», которые они носят на себе от рождения до гроба в ногтях, в профиле, в волосах и в цвете лица. Я не знаю ничего в мире смешнее и отвратительнее евразия в модной жакетке и круглой шляпе на крошечном лбу, кроме разве евразиятки в шляпе с перьями, в которой она походит на лошадь под черною попоной в страусовых перьях под траурную колесницу. Ни один англичанин не способен чувствовать и особенно показывать такого презрения к индусу, как евразият. Последний ненавидит аборигена ненавистью, пропорциональную количеству заимствованной от туземца крови... Индусы платят евразиятам тою же монетой и еще с прибавкой большего процента. «Кроткий» язычник превращается в свирепого тигра при одном имени евразията.

Но я смотрела не на неуклюжих креолов, вязнувших в сапогах по колено в густой уттакамандской грязи, заливавшей кровавым морем все улицы небольшого городка. С приближением к Утти мой взгляд останавливался не на гладко выбритых миссионерах, которые проповедовали под дождевыми зонтиками и в пустом пространстве, патетически размахивая свободною рукой пред проливавшими слезы деревьями. Нет, тех, кого я искала, не находились там: тодды не расхаживают по улицам и почти никогда не приближаются к городу. Мое любопытство было напрасно, как я скоро узнала. Оно удовлетворилось лишь чрез несколько дней.

Накануне я провела ночь в вагоне на железной дороге и задыхалась от нестерпимой жары и духоты. А теперь с непривычки я дрожала под перинами, и у меня всю ночь топился камин.

В продолжение почти трех месяцев, до конца октября, я работала над приобретением новых сведений о тоддах и курумбах. Я ездила на кочевки к первым и узнала почти всех старшин этих двух необычайных племен. Мистрисс Морган и ее дочери, которые все родились на этих горах и говорят на языке баддагов, как и на тамильском, много мне помогали и старались обогащать ежедневно наш запас фактов. Все, что я узнала от них лично и от других, а также и почерпнутое из доставленных мне рукописей, собрано мною здесь. Отдаю эти факты на рассмотрение читателей.

Можно побиться об заклад, что не найдется на всем земном шаре другого племени, подобного тоддам. Где же и когда, спрашивается, бывало племя, о котором самые близкие его соседи, например, баддаги, аборигены одной страны с тоддами и даже совместные с ними обитатели небольшого уголка земли в горах, так же мало знали бы и не могли бы ничего более о нем сказать, как и майсурцы или дравиды отдаленных берегов Индийского океана? Эти «соседи» никогда и не слыхали о существовании тоддов до дня их открытия шестьдесят лет назад. Баддаги, ныне почему-то называемые *бюргерами*, не только не в состоянии дать каких бы то ни было сведений о прошлом тоддов до собственного прихода в горы, но даже не понимают и языка своих

---

¹² Пьеса У.Шекспира.

сюзеренов: тех, кого они почтительно величают «владельцами гор» (*lords of the Hills*)¹³! Со дня своего переселения в горы баддаги, о которых еще много речи впереди, стали, как уже сказано, пасти многочисленные стада тоддских буйволов, работать на тоддов, служить им добровольно и безвозмездно, и с первого же дня, по собственному признанию, стали молиться на мощных тоддов, взирая на них как на высших небесных существ. На все вопросы англичан они отвечали с убеждением: «Тодды – дивы, посланные Брамой на землю боги», да так и стоят на этом заявлении.

Рассказ о неожиданном открытии этого и других доселе совсем неизвестных в Индии племен, как и самой страны внутри Голубых гор над Куимбатуром, читается словно волшебная сказка. Эта находка была некогда для Мадраса тем же, чем открытие Америки было для Старого Света: она произвела не менее волнения в народах Англо-Индии. Ни европейцы, ни даже туземцы и не подозревали в начале нашего столетия, что над самыми, так сказать, головами их раскаленных городов и сел находится такая страна; что на несколько всего тысяч футов выше их пекла стоит истинная Швейцария с ровным, прохладным климатом, с совершенно отличною от других стран природой и своеобразными флорой, фауной, с совершенно *во всем отличным от других народов племенем!* Из многих прочтенных нами вышедших за последнее полу столетие сочинений касательно Нильгири и тоддов мы еще не встречали ни одного, которое не начиналось и не кончалось бы вопросом: «Кто такие могут быть эти тодды?»

Откуда взялись они, в самом деле? Из каких стран пришли эти великаны, настоящие «бробдигнаги» Гулливерова царства гигантов? С которой из засохших, давно вымерших и испепелившихся ветвей человечества сорвался и упал в Голубые горы этот странный, никем незнаемый плод? Положим, что для туземцев вообще, а для суевверных подгорных малабарцев и майсурцев в частности, тодды суть прямые потомки *див*, богов этих прелестных гор, которым они, как древние критяне своим таинственным «кабирам»¹⁴, поклоняются, не спрашивая об их происхождении. Но проживающим в Южной Индии европейцам тодды решительно представляются необъяснимым явлением, вопросительным знаком, на который невозможно получить ответ. О них, как выше показано, совещались, спорили, составляли самые невозможные, дикие гипотезы, пока, наконец, несколько лет тому назад их не предали, как обыкновенно предают темные вопросы, воле Божией. А теперь, когда англичане прожили с ними бок-о-бок более сорока лет, разузнав о них все, что только было возможно узнать, то есть нечто, равняющееся нулю, теперь мадрасские власти немного успокоились и переменили тактику. «Никакой тайны за тоддами не полагается, оттого и разрешить никто ее не мог, – заговорили они теперь. – Ничего в них нет и не было загадочного... Люди как люди. Даже их на первый взгляд непонятное влияние на баддагов и курумбов объясняется весьма просто: суевверным страхом невежественных аборигенов и уродливых карликов пред физической красотой и ростом, пред нравственною мощью другого племени». *Резюме:* «Тодды – весьма красивые, хотя и грязные, дикари, без религии, как и без сознательного прошлого. Они просто – *не помнящее родства племя*, полуживотные, как, впрочем, и все туземцы Индии...» и т.д. и т.д.

Зато все служащие, землевладельцы, плантаторы, весь тот люд, словом, который поселился и живет уже годами в Уттакаманде, Коттагири и других поселках и городках на скатах Нильгири, относится к вопросу немного иначе. Оседлые жители выраставших как по волшебству в тридцатых годах *санитариумов*¹⁵ в Голубых горах знают многое, чего еще и не снилось английским новоприезжим чиновникам, но благообразно молчат. Кому охота служить

---

¹³ Так называют тоддов и сами англо-индийцы в официальных бумагах. Тоддам еще очень недавно англичане платили род арендных денег за Нильгири в виде ежегодной суммы, а теперь, кажется, перестали. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁴ «Кабиры (финик.). Божества, весьма почитавшиеся в Фивах, Лемносе, Фригии, Македонии и особенно в Самофракии. Они были богами мистерий, и ни один профан не имел права произносить их имен или говорить о них. Геродот делает из богами огня и указывает на Вулкана как на их отца. Кабиры руководили мистериями, и их настоящее количество никогда не было открыто, оккультное значение их очень священное» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1998. С. 188–189.*)

¹⁵ Так англичане называют все городки на горах Индии, как Симла, Дарджилинг, Миссури* и пр., куда посылают офицеров и солдат лечиться**. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Массури.

** Sanitarium (*англ.*) – санаторий.

посмешищем для других? Но есть и такие, что не боятся говорить открыто и громко известное за правду.

Между последними назову пригласившее меня семейство, не покидавшее Уттакаманд уже более сорока лет. Это семейство, начиная самым заслуженным генералом Родесом Е.Морганом и его милою и образованною женой и кончая восьмью замужними дочерьми и женатыми сыновьями, имеет свой особый, давно уже установившийся взгляд на тоддов, как и на курумбов, особенно на последних.

– Жена и я, – часто говаривал нам почтенный английский генерал, – состарились на этих холмах. Мы, также как и дети наши, говорим на языке баддагов и понимаем диалекты других местных племен. Баддаги и курумбы у нас работают на плантации сотнями. Они привыкли к нам и любят нас, смотрят на нас как на своих, как на самых верных друзей и защитников их. Стало быть, если кто знает их самих, домашнюю жизнь, обычаи, обряды и верования их, то это мы: жена, я и старший сын, который, служа здесь коллектором, постоянно имеет с ними дело. Поэтому, основываясь на *неоднократно доказанных на суде фактах*, говорю прямо: тодды и курумбы действительно и бесспорно владеют какою-то силой, одарены могуществом, о котором наши мудрецы не имеют понятия... Если б я был *суеверным* человеком¹⁶, то разрешил бы эту задачу весьма просто. Я сказал бы, например, как говорят наши миссионеры: муллу-курумбы – исчадия ада и родились прямо от дьявола. Тодды же, хотя и язычники, но составляют им противоядие; они, видимо, посланное Богом орудие для ослабления власти и козней курумбов. Но, не веря в дьявола, я уже давно пришел к другого рода убеждению: не следует отрицать в человеке и в природе всех тех сил, которых мы не понимаем. Затем, если наша заносчивая наука неразумно отвергает их, то это лишь вследствие того, что не умеет объяснить их и классифицировать¹⁷. Слишком много доводилось мне видеть примеров, прямо доказывавших существование и присутствие такой неизвестной нам силы, чтобы не порицать скептицизма в этом отношении даже самой науки¹⁸!

То, что видал и слышал среди тоддов и курумбов мой уважаемый друг и хозяин, могло бы наполнить целые тома. Приведу пока один случай. За него ручаются как генерал, так и жена его и все семейство. Этот рассказ показывает, как глубоко эти образованные люди верят в колдовство и дьявольскую силу муллу-курумбов.

«Живя в продолжение долгих лет на Нильгири, – пишет мистрис Морган¹⁹ в своей книге *Witchcraft on the Nilghiris* («Колдовство на Нильгири»), – окруженная сотнями разноплеменных туземцев, которых я нанимала работать на наших плантациях, и хорошо знакомая с их языком, я имела случай наблюдать годами их быт и обычаи. Я знаю, как часто они прибегают к демонологии и колдовству между собою, особенно курумбы. Это племя разделяется на три ветви. Первая, просто курумбы, оседлые жители лесов, которые часто нанимаются в рабочие; вторая, тейны-

---

¹⁶ Почтенный генерал – «вольнодум», питающий глубокое уважение к так называемому научному агностицизму школы Гербета Спенсера и подобных этому философов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁷ Интересно сравнить мнение английского генерала-скептика с мнением священника Белюстина, часто писавшего в столичных газетах о русском простонародном суеверии по вопросам о колдовстве и ведьмах*. Также мнение Н.С.Лескова**. Далее взгляд генерала еще более приблизится к взгляду священника. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См., например: *Белюстин И.С. Порченые // Новое время, 1879, №1327, 7 ноября.*

Иван Степанович Белюстин (1819–1890) – священник, писатель, журналист.

** См.: *Лесков Н.С. Случаи из русской демономании // Новое время, 1880, №1529, 1 июня; №1533, 5 июня; №1536, 8 июня; №1542, 15 июня; №1552, 25 июня.*

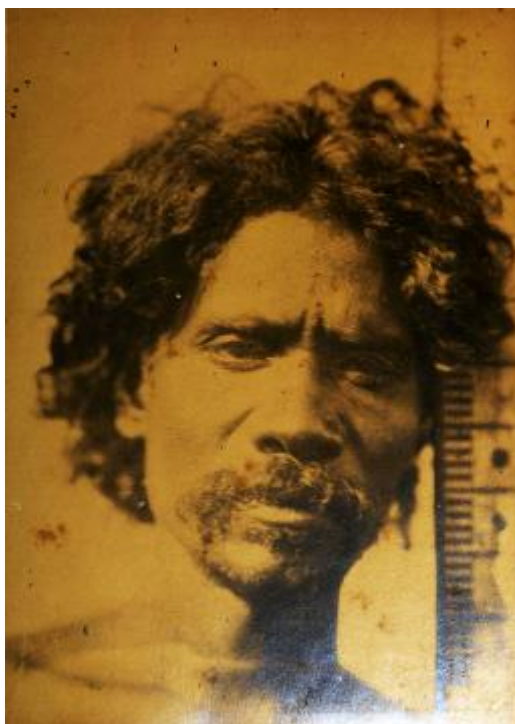
Николай Семенович Лесков (1831–1895) – писатель и публицист.

¹⁸ Извлечение из английской рукописи генерал-майором Морганом. «Донесение» его в комитет, учрежденный главным советом Теософического общества «для исследований религий, нравов, обрядов и суеверий горных дравидских племен». Это донесение одного из главных членов совета и президента Тоддабетского Теософического общества в Уттакаманде было публично прочтено пред 3000 народа, публики и членов во время годовичного собрания членов 27 декабря 1883 года в Адьяре (Мадрас). Семейство генерала Моргана известно всей Южной Индии. Как сам он, так и жена его пользуются большим уважением властей и всего европейского общества. Называю их настоящим именем и фамилией и привожу свидетелями *с полного их согласия*. Отечественные скептики приглашаются адресоваться за дальнейшими сведениями к самому генералу, если желают узнать мнение ученого англичанина о чарах и колдовстве муллу-курумбов. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁹ Дочь генерал-губернатора Траванкорского в Тривандруме*, где она и родилась. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Тривандрам (англ. Trivandrum).

курумбы (от слова *тейн*, мед), живущие медом и кореньями, и третья – муллу-курумбы. Эти встречаются чаще тенов-курумбов в цивилизованных частях гор, то есть в европейских поселках, и их очень много в лесах вдоль Виньяда²⁰. Они употребляют лук и стрелы и любят охотиться на слонов и тигров. В народе существует поверье, часто доказанное на деле, что муллу-курумбы (как и тодды) имеют власть над всеми дикими зверями, особенно над слонами и тиграми, и могут даже принимать образы этих зверей при случае. Посредством ликантропии (оборотничества)²¹ они совершают безнаказанно много преступлений. Они очень мстительны и злы. Другие курумбы постоянно прибегают к их помощи... Если туземец желает отомстить врагу, он отправляется к муллу-курумбе...

Курумба

(фотография из книги:

Brecks J.W. An Account of the Primitive Tribes and Monuments of the Nilagiris. London, 1873)

Несколько времени тому назад между рабочими на моей уттакамандской плантации находилась целая артель баддагов, человек тридцать молодых здоровых людей, которые все до одного выросли в нашем поместье, где работали до них и отцы их и матери. Вдруг без всякой видимой причины началась убыль в их рядах. Я стала замечать почти ежедневно отсутствие то одного, то другого работника. По справкам всегда оказывалось, что отсутствующий внезапно занемогал, а затем вскоре и умирал.

В один из базарных дней я встретила *монегара* (старосту)²² деревни, к которой принадлежала моя артель рабочих. Увидав меня, он остановился и подошел ко мне с поклонами.

– Мать, – сказал он мне, – я печален и попал в большую беду! – и тут же заплакал.

– Чтò такое случилось? Говори скорее...

– Все мои парни умирают один за другим, и я не в состоянии ни помочь им, ни остановить наваждения... Их убивают курумбы!..

Я поняла и спросила о причине такого с их стороны озлобления.

– Все денег более и более хотят... Мы отдаем почти все, чтò сами зарабатываем. Но они все недовольны. Прошлою зимой говорю им, что денег у нас более нет, не могу больше дать, а они нам в ответ: “*Ладно... как знаете... а мы свое получим!*..” Если они так отвечают, то мы знаем наперед, чтò это значит. Эти слова влекут за собою неминуемо смерть нескольких людей из нашей

²⁰ Виндхья (англ. Vindhya) – горный массив в Центральной Индии, достигающий высоты 1100 м.

²¹ Ликантропия (от греч. λικάνθρωπος – оборотень) – способность человека в мифологии и художественных произведениях на определенный срок превращаться в волка-оборотня.

²² Monegar.

артели... Ночью, когда все кругом нас спит, мы вдруг все просыпаемся разом и видим, *что между нами стоит курумб*. Наша артель ведь спит вся вместе в одном большом сарае...

– Так зачем же вы не запираете двери покрепче на засовы? – спросила я старосту.

Курумбы

(фотография из книги:

Watson J.F., Kaye J.W. The People of India. Vol. VIII. London, 1875)

– Запираем, да какая может быть польза в засовах? Запирайте сколько хотите, а курумб пройдет куда угодно, хоть через каменные стены... Смотришь, проснувшись в страхе, а уж *он* тут, среди наших: стоит и разглядывает каждого. Подымет так палец и уткнет его то в одного, то в другого, в *Маду*, в *Куриру*, в *Джоги* (имена трех последних жертв)... Сам не открывает рта, молчит, а только указывает, а затем вдруг и след его простыл! Через несколько дней те, в кого *он* потыкал пальцем, заболевают, начинают гореть, животы у них пухнут горой, и на *третий день*, а то на *тринадцатый* они умирают. Так померло у меня за последние несколько месяцев *восемнадцать* молодых людей из тридцати... Вот нас и осталась всего горсточка!..

И он горько заплакал.

– Но почему же вы не принесете жалобу правительству? – спросила я.

– Да разве *саабы* поверят? Кто же может поймать муллу-курумба?

– Так дайте этим ужасным карликам то, что они требуют, двести рупий, и пусть они обещают оставить хоть остальных в покое...

– Да, надо будет так сделать, – сказал он со вздохом. И поклонившись, ушел»²³...

Этот пример есть один из многих, приводимых г-жою Морган, женщиной умною и вполне серьезною. Он показывает наглядно, что веру в колдовство разделяют с «суеверными» туземцами даже многие англичане.

– Я живу между этими народами более сорока лет, – говорила мне часто генеральша. – Я наблюдала за ними тщательно и долго. Было время, когда и я не верила в эту силу, называя ее абсурдом... Но раз убедившись, я поверила, как и многие другие...

– Но вам известно, что над этою вашею верой в колдовство... смеются? – заметила я как-то.

– Знаю и давно убедилась в том. Но мнение публики, судящей поверхностно, не может изменить моего мнения, коль скоро оно основано на фактах.

– Мистер Беттен говорил мне вчера за обедом, смеясь, что месяца два тому назад и у него была встреча с курумбами, но что он, несмотря на их угрозы, до сих пор жив.

– Что именно рассказал он вам? – спросила она с оживлением, снимая очки и положив в сторону работу.

²³ См.: *Morgan E.H. Witchcraft on the Nilghiris // The Theosophist, Vol. 4, September, 1883. P. 320–321 (Морган Е.Г. Колдовство в Нилгири // The Theosophist, 1883, т. 4, сентябрь. С. 320–321).*

– Что он на охоте ранил как-то слона, но что тот ушел от него в чашу. Животное было великолепное, и он не захотел упустить его. С ним было человек восемь бургеров-баддагов, и он приказал им следовать за собою в погоню за раненым слоном. Но зверь завел их очень далеко, так далеко, что если б они не увидели, наконец, его мертвого тела, то баддаги-шикари не пошли бы далее под предлогом, что могут встретить курумбов. Но это не помогло бы, потому что они и без того встретились с ними лицом к лицу, подойдя к слону. Курумбы объявили, что слон их и что они его только что убили, показывая в доказательство с дюжину своих стрел в его теле... Но Беттен отыскал между ними и рану от своей пули. Выходило так, что курумбы не убили, а только докончили сильно уже раненое животное... Но карлики стояли на своем праве. Тогда, по словам Беттена, невзирая на их проклятия, он прогнал их и, отрезав ногу и клыки слона, уехал домой... «Ну вот я до сего дня здоров и невредим, – смеялся он, – а ведь индусы-чиновники в моем департаменте уж было совсем похоронили меня, услышав о моей встрече с курумбами!»...

Мистрис Морган, выслушав терпеливо мой рассказ, только спросила:

– Он вам более ничего не говорил?

– Нет.

Обед кончился, и разговор сделался общим.

– Ну, так я вам сама доскажу то, что он пропустил, а рассказав, призову свидетеля, единственного, кроме Беттена, пережившего неприятную встречу. А говорил он вам, что при его первой попытке завладеть клыками слона, курумбы прокричали ему: «Тот, кто дотронется до нашего слона, увидит нас у себя пред своею смертью». Это обыкновенная формула их угрозы смертью... Если б его баддаги были из здешних мест, то они скорее позволили бы ему убить себя на месте, нежели пренебрегли бы этой угрозой. Но он их привез с собою из Майсура. Беттен ранил слона, но он слишком гадлив, как он сам сознается, чтобы резать на куски мертвого зверя. Он только полуохотник, лондонский *кокней* (*cockney*)²⁴, – прибавила она с презрением. – Отрезали ногу и вырезали клыки его майсурские шикари, и они же унесли их, повесив на жерди, домой. Их было восемь человек. Теперь желаете знать, сколько их осталось в живых?

И она захлопала в ладоши, призывая этим жестом слугу, которого она тотчас же послала за Пурной.

Пурна оказался стариком-шикари в весьма расслабленном состоянии. Его маленькие черные глаза с желтыми белками как после разлития желчи пугливо перебежали от его госпожи ко мне. Он, видимо, не понимал, зачем его призвали в гостиную саабов.

– Скажи мне, Пурна, – начала решительно генеральша, – сколько вас, шикари, ходило два месяца тому назад с Беттен-саабом на слона?

– Восемь человек, мам-сааб, Джотти-мальчик девятый, – прохрипел с трудом старик, откашливаясь.

– Сколько вас теперь осталось?

– Я один, мам-сааб, – вздохнул шикари.

– Как? – воскликнула я в непритворном ужасе. – Разве все остальные, даже и мальчик, умерли?

– *Мурче* (умерли), все умерли! – простонал старый охотник.

– Расскажи мам-сааб, как и отчего они умерли, – приказала генеральша.

– Муллу-курумбы их убили, животы вспухли у одного за другим, все и перемерли, последний пять недель тому назад...

– Ну а как же этот-то спасся?

– Его я послала тотчас же к тоддам на излечение, – объяснила мистрис Морган. – Других они не приняли... Пьющих они не берутся лечить и всегда отсылают назад: оттого и мои добрые работники умерли... Один за другим, до двадцати человек, – добавила она со вздохом и в виде диверсии. – Ну а этот старик выздоровел, к тому же он не дотрагивался до слона и нес только одно ружье, как он рассказывает. Беттен, как я слышала от него самого и других, угрожал шикари, что если они не унесут трофей слона домой, то он заставит их переночевать в лесу с курумбами до утра. Испуганные такою перспективой, они и отрезали скорее ногу, вырезали клыки, а затем унесли их домой. Пурна, который долго служил у моего сына в Майсуре, прибежал ко мне, и я его

---

²⁴ Кокни – один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения.

тотчас отослала к тоддам вместе с его товарищами. Но они не приняли никого, кроме Пурны, который никогда не пьет. Ну а другие стали с того самого дня хиреть. Они ходили на наших глазах точно привидения, зеленые, худые, с огромными животами, и не прошло месяца, как они все померли один за другим *от лихорадки*, по показанию военного доктора.

– Но ведь бедный мальчик не мог еще быть пьяницей? – спросила я. – Почему же хоть его не спасли ваши тодды?

– Здесь теперь пятилетние дети и те пьют, – ответила она с выражением отвращения на лице.

– До нашего прихода в эти горы в Нильгири никогда не пахло спиртными напитками. Это одно из благоденствий внесенной нами цивилизации. А теперь...

– Что ж теперь?..

– Теперь водка у нас губит столько же людей, как и курумбы. Она их лучшая союзница... Иначе курумбы в таком близком соседстве с тоддами были бы безвредны.

На этом наш разговор кончился. Генеральша приказала запрячь двух огромных волов в такую же огромную карету и предложила мне поехать с ней на ее поселок *за травами*. Мы отправились.

Дорогой она мне рассказывала все время о тоддах и курумбах. Мистрисс Морган – женщина с удивительно наблюдательностью и памятью, женщина энергичная, в высшей степени деятельная и храбрая. А надо иметь большой запас этого качества, чтобы ратовать, как то она делала, во имя правды и человеколюбия в продолжение сорока лет против англо-индийских понятий об общественных приличиях и установленных правилах жизни. Еще в то время как она была женою бедного капитана Ост-Индской компании, которому, как и всем служащим, была воспрещена всякая частная спекуляция, она решилась, видя ежегодное приращение семейства, составить мужу и детям состояние. Она закупила огромное количество земли и лесов, продававшихся сорок лет тому назад за номинальную цену на вновь открытых горах, и стала хозяйничать. Она выписывала семена, засеяла первая несколько сот десятин пустыря эвкалиптусом²⁵, чайными и кофейными деревьями; занялась разведением скота, и в продолжение нескольких лет молоко, масло и сыр ее двухсот превосходных коров наполняли все базары Нильгири. Она продолжала это, невзирая на нарекания гордого англо-индийского общества, даже когда ее муж из капитана сделался генералом. На замечание главнокомандующего она ему прямо отвечала, что так как ее муж не вор, а своего состояния не имеет, то правительство не имеет права пустить ее восьмерых детей по миру, запретив ей, частному лицу, заботиться об их благосостоянии. Она получила должное. Работая день и ночь, любимая туземцами, а поэтому и находя и хороших помощников в своих рабочих, в двенадцать лет, говоря ее словами, она заработала своими руками пять *лаков*²⁶. Она продавала, покупала, спекулировала и собрала огромные деньги. Ее дом, выстроенный ею самою, самый большой и великолепнейший в Уттакаманде. В нем теперь поселился на три года главнокомандующий сэр Фредерик Робертс²⁷ с женой. «Это моя единственная и самая горькая ошибка!» – жаловалась она мне часто.

– Он воображает, что может со мною поступать как с афганцем. Он вырубает мои любимые деревья, переделывает на свой лад мой дом и портит плантации...

Во время моего пребывания с ними у них шла ожесточенная война...

К счастью, ее муж давно в отставке. Если нет героя для его *valet de chambre*²⁸, то тем менее имеется таковой для хозяина дома. Мистрисс Морган держит афганистанского героя в ежедневном страхе.

Добрая мистрисс Морган очень любит свои горы и гордится ими. Она сроднилась с ними и считает всех тоддов и даже баддагов-рабочих как бы частью своего семейства. Она не может простить правительству непризнания «чар» и их ужасающих результатов.

²⁵ эвкалиптом (*англ.* eucalyptus).

²⁶ Лак* – 100000 рупий или 250000 франков. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Lakh.

²⁷ Фредерик Слей Робертс (1-й граф Робертс Кандагарский, 1832–1914) – британский военачальник, войска под его командованием нанесли поражение армии афганского эмира в сражении под Кандагаром 1 сентября 1880 г. во время второй англо-афганской войны 1878–1880 гг., в 1885–1893 гг. главнокомандующий в Индии.

²⁸ камердинера (*фр.*).

Французское выражение: *il n'y a point de héros pour son valet de chambre* (нет героя для своего камердинера; для лакея нет героя).

– Наше правительство просто глупо, – говорила она, волнуясь, в карете. – Оно отказывается назначить комиссию для произведения следствия и не желает верить в то, во что веруют все туземцы всех каст, пользуясь этими ужасными средствами для совершения безнаказанных преступлений гораздо чаще, нежели это может кому-то придти в голову! Страх колдовства так велик у нас в народе, что часто люди готовы убить целую дюжину невинных особ колдовством другого рода, лишь бы вылечить одного больного человека, заподозренного в немощи от *глаза курумбы*... Раз я ехала верхом, вдруг моя лошадь, внезапно фыркнув и захрапев, неожиданно бросясь в сторону, чуть не выбила меня из седла. Присмотревшись, я увидела среди дороги очень странную вещь. То была большая плоская корзина, в которой лежала, тараща на прохожих безжизненные глаза, отрезанная голова барана, затем кокосовый орех, десять рупий серебром, рис и цветы. Эта корзина была поставлена у верхнего угла треугольника, составленного из трех тонких ниток, привязанных к трем колышкам. Все это было расположено так, что кто бы ни шел с той или с другой стороны дороги, должен был непременно наткнуться на эти нитки, порвать их и, таким образом, получить удар во всей его силе от убийственного *сунниума*²⁹, как этот род колдовства называется у нас. Это средство самое обыкновенное у туземцев. К нему прибегают весьма часто в случае болезней, исход которых грозит смертью. Тогда готовят *сунниум*. Кто до него дотронется, хоть до одной из ниток, получит болезнь, тогда как больной выздоравливает³⁰. *Сунниум*, на который я чуть было не наткнулась, был поставлен под вечер по дороге к клубу, по которой более всего ходят в темноте. Меня спасла лошадь, но я потеряла ее, чрез два дня она издохла. Не верьте после этого в *сунниумы* и колдовство! И ведь что меня более всего сердит, – продолжала она, – это то, что смерть вследствие колдовства всегда приписывается нашими докторами какой-то неизвестного качества лихорадке. Удивительная должна быть эта лихорадка, которая так умно и безошибочно умеет выбирать свои жертвы. Она никогда не нападает на тех, у кого нет ничего общего с курумбами. Она является лишь вследствие неприятной встречи с ними, ссоры или их злобы на жертву. Да в Нильгири нет, как и никогда не было, никаких лихорадок. Это самое здоровое на земном шаре место. Мои дети не болели от рождения ни одного часа. Посмотрите на Эдит и Клару. Взгляните на силу и цвет лица этих девочек, – говорила она, указывая на дочерей.

Действительно, всякая мать имела бы право гордиться таким цветущим здоровьем своих детей. Не найдя места в переполненной нами карете, обе молодые девушки, бежавшие более четырех миль без усталости возле ее дверей, переговаривались с нами также спокойно, как если бы они сидели на месте. Их огромные мальчишеские прыжки через рвы и канавы в продолжение часа с лишком только еще более развумянили их и без того розовые щеки.

Но мистрис Морган не слушала моих искренних комплиментов их силе. Она продолжала бранить врачей.

Наконец, она прервала свои нарекания восклицанием:

– Взгляните, вот один из прелестнейших *муррти*, тоддских поселков. Здесь живет их самый древний и святой *капиллол*.

Тодды, как уже сказано, народ полукочевой. От Рангасуами до Тоддабета вся поверхность горной цепи усеяна их *муррти*, деревушками или поселками, если группа трех-четырех пирамидообразных жилищ может считаться поселком.

Такие жилища построены недалеко одно от другого и между ними, отличаясь от прочих величиной и более тщательною постройкой, всегда красуется *тирири*, «священный буйволятник». В нем за первую «комнатой», служащей ночным приютом для буйволов и особенно для буйволиц, комнатой огромных размеров, выстроена всегда другая комната. Эта комната, где царствует вечный мрак, потому что она не имеет ни окон, ни дверей, а единственный в нее вход – просто дыра в квадратный аршин, не более, это и есть, по-видимому, *храм* тоддов, их *Sancta Sanctorum*³¹, где совершаются никому неизвестные таинственные обряды. Даже вышесказанная дыра строится в самом темном углу уже [и] без того темного хлева, там, где желающим забраться в святилище пришлось бы долго искать этот вход. Туда не может вступить ни одна женщина, как и никто из

²⁹ Śūnya (каннада) – колдовство.

³⁰ См.: Morgan E.H. Witchcraft on the Nilghiris // The Theosophist, Vol. 4, September, 1883. P. 321.

³¹ Святая святых (лат.).

женатых тоддов, то есть никто из класса мирян, или *кутов*. Одни *тералли*, «священнодействующие», имеют свободный доступ во внутренний *тирири*.

Само здание всегда окружено довольно высокою каменною оградой, внутри которой двор, или *туэль*, тоже считается священным. Постройки, сгруппированные вокруг *тирири*, издали напоминают своею формой кибитки киргизов. Но они все каменные и смазаны крепчайшим цементом. Здания имеют обыкновенно от 12 до 15 футов³² в длину и от 8 до 10³³ в ширину, имея высоты от земли до края пирамидальной крыши не более 10 футов.

Тодды не живут днем в этих зданиях: они только ночуют в них. Невзирая ни на какую погоду, в самую вьюгу муссунов и под проливным дождем, можно видеть их сидящих группами или же расхаживающих парами. Тотчас после солнечного заката они влезают в крошечные отверстия своих миниатюрных пирамид. Одна огромная фигура за другою начинает исчезать в них; после чего, задвинув изнутри отверстие толстейшею деревянною ставней, очень замысловато движущеюся на стержне и запирающеюся посредством крепкого засова и двух выбоин в стене, тодд уже не показывается до утра. Его нельзя ни видеть, ни выманить из жилища после солнечного заката.

Тодды разделены на семь *кланов* или родов; в каждом клане считается сотня мужчин и дюжины две женщин. По собственному их уверению, эта численность не изменяется, да *и не может измениться*, существуя уже с первой эпохи их поселения в горах. Статистика подтверждает это за последние пятьдесят лет. По мнению англичан, этот странный факт неизменности в цифре их рождений и смертности, как бы замкнувший число тоддов в семь сотен на много веков, следует приписать полиандрии³⁴: у тоддов одна жена на всех братьев одной семьи, будь их дюжина.

Значительное меньшинство женского пола в ежегодных рождениях приписывалось сначала весьма распространенному между племенами Индии детоубийству. Но это никогда не было доказано. Несмотря на все принимаемые меры и неутомимое соглядатайство, несмотря даже на обещанную награду за донос со стороны англичан, почему-то сгорающих желанием поймать и уличить тоддов в противозаконном деянии, до сего дня невозможно было выследить ни одного такого случая. Тодды только презрительно улыбаются на все подозрения.

– Зачем нам убивать маленьких *матерей*? – говорят они. – Если б они не были нам нужны, мы бы и не имели их. Мы знаем, сколько нам необходимо мужчин и сколько матерей, и лишнего мы не станем иметь.

Этот странный аргумент заставляет статистика и географа Торна в его книге о Нильгири писать с каким-то озлоблением. «Эти дикари – идиоты... Они смеются над нами!..» – заявляет он, сам не замечая, что приписывает идиотам способность так ловко мистифицировать высшую интеллектуальную расу.

---

³² 3,7–4,6 м.

³³ 2,4–3,1 м.

³⁴ Многомужество или полиандрия – редкая форма полигамии, при которой женщина состоит в нескольких брачных союзах с разными мужчинами.

Тирири
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Этот странный аргумент заставляет статистика и географа Торна в его книге о Нильгири писать с каким-то озлоблением. «Эти дикари – идиоты... Они смеются над нами!..» – заявляет он, сам не замечая, что приписывает идиотам способность так ловко мистифицировать высшую интеллектуальную расу.

Но люди, давно знакомые с тоддами, изучавшие их самих и быт их годами, думают, что тодды дают свое показание серьезно и глубоко верят в заявленный факт. Они идут еще далее и открыто делают предположение, что тодды, как и многие другие племена, живущие, так сказать, в лоне природы, владеют гораздо бóльшим числом тайн природы, а поэтому знакомы с практической физиологией лучше, нежели наши ученые врачи. Люди эти вполне уверены, что, ссылаясь на бесполезность прибегать к преступлению детоубийства, когда число «матерей» их племени находится в их распоряжении, тодды говорят одну правду, хотя их *modus operandi*³⁵ в этом темном физиологическом вопросе и составляет для всех необъяснимую тайну.

На языке тоддов слова «женщина», «девочка» или «девушка» не существуют. Понятие о нашем поле у них неразрывно связано с понятием о материнстве. Поэтому у них и нет для них другого названия, на каком бы языке они ни выражались. Говорят ли они о старухе или о годовалой девочке, тодды ее всегда называют «матерью», употребляя лишь такие прилагательные для ясности изложения, как «старая», «молодая» или «маленькая».

– Наши буйволы, – иногда замечают они, – определили раз и навсегда число наших людей, от них зависит и число *матерей*.

Тодды никогда долго не заживаются на одном *муррти*, а переходят из одного в другой по мере истребления буйволами подножного корма. Благодаря почве и изобилию растительности на горах, этот корм не имеет себе подобного в Индии. Поэтому, вероятно, их буйволы и превышают величиной и силой все встречаемые в других частях не только страны, но и всего мира породы. Но опять и в этом даже проявляется нечто загадочное. Есть и у баддагов, и у плантаторов буйволы, которые пользуются таким же хорошим кормом; почему же, спрашивается, *эти* буйволы гораздо менее ростом и слабее, чем тот же скот в «священных стадах» тоддов? Их животные буквально гигантской величины, словно это последние остатки допотопных прародителей. Всем известно, что, невзирая на все улучшения породы, старания собственников-плантаторов не увенчались успехом: их буйволам никогда не сравняться с буйволами тоддов, которые к тому же упорно

---

³⁵ образ действия (*лат.*).

отказываются одолжать свой скот для скрещения пород. Впрочем, благодаря климату, отсутствию мух, оводов и мошек, все породы буйволов и быков, а также и баранов, великолепны на этих горах и составляют исключение в Индии.

Женщина тода
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Но люди, давно знакомые с тоддами, изучавшие их самих и быт их годами, думают, что тодды дают свое показание серьезно и глубоко верят в заявленный факт. Они идут еще далее и открыто делают предположение, что тодды, как и многие другие племена, живущие, так сказать, в лоне природы, владеют гораздо бóльшим числом тайн природы, а поэтому знакомы с практической физиологией лучше, нежели наши ученые врачи. Люди эти вполне уверены, что, ссылаясь на бесполезность прибегать к преступлению детоубийства, когда число «матерей» их племени находится в их распоряжении, тодды говорят одну правду, хотя их *modus operandi*³⁶ в этом темном физиологическом вопросе и составляет для всех необъяснимую тайну.

На языке тоддов слова «женщина», «девочка» или «девушка» не существуют. Понятие о нашем поле у них неразрывно связано с понятием о материнстве. Поэтому у них и нет для них другого названия, на каком бы языке они ни выражались. Говорят ли они о старухе или о годовалой девочке, тодды ее всегда называют «матерью», употребляя лишь такие прилагательные для ясности изложения, как «старая», «молодая» или «маленькая».

– Наши буйволы, – иногда замечают они, – определили раз и навсегда число наших людей, от них зависит и число *матерей*.

Тодды никогда долго не заживаются на одном *муррти*, а переходят из одного в другой по мере истребления буйволами подножного корма. Благодаря почве и изобилию растительности на

³⁶ образ действия (лат.).

горах, этот корм не имеет себе подобного в Индии. Поэтому, вероятно, их буйволы и превышают величиной и силой все встречаемые в других частях не только страны, но и всего мира породы. Но опять и в этом даже проявляется нечто загадочное. Есть и у баддагов, и у плантаторов буйволы, которые пользуются таким же хорошим кормом; почему же, спрашивается, *эти* буйволы гораздо менее ростом и слабее, чем тот же скот в «священных стадах» тоддов? Их животные буквально гигантской величины, словно это последние остатки допотопных прародителей. Всем известно, что, невзирая на все улучшения породы, старания собственников-плантаторов не увенчались успехом: их буйволам никогда не сравняться с буйволами тоддов, которые к тому же упорно отказываются одолжать свой скот для скрещивания пород. Впрочем, благодаря климату, отсутствию мух, оводов и мошек, все породы буйволов и быков, а также и баранов, великолепны на этих горах и составляют исключение в Индии.

Замужняя женщина тогда 16-ти лет
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Каждый клан, которых, как сказано, всего семь, разделяется на несколько больших семейств; каждое семейство, смотря по числу душ, имеет свой особенный домик или даже два или три домика в *муррти* на нескольких пастбищах. Таким образом, каждая семья имеет готовый кров, на которое бы из пастбищ она ни перешла, а иногда и несколько таких одной ей принадлежащих поселков с неизбежным *тирири*, храмом-буйволятником. До прихода англичан и прежде чем они рассеялись как чужеродное растение по всей поверхности Нильгири, тодды, удаляясь из одного *муррти* в другой, оставляли *тирири* пустыми, как и прочие здания. Но заметив любопытство и нескромность новых пришлецов, которые с первых дней своего насильственного вторжения старались проникнуть в их священные здания, тодды стали осторожнее. Они уже не доверяют, как доверяли прежде, и, уходя, оставляют при *тирири* священнодействующего «тералли»³⁷, который ныне стал известен под именем *поллол*³⁸ с его ассистентом *капиллолом* и двумя буйволицами.

³⁷ Безбрачный аскет, отшельник. – Примечание Е.П.Блаватской.

³⁸ Поллол – хранитель, а *капиллол* – буквально «меньший хранитель». – Примечание Е.П.Блаватской.

«Целых сто девяносто семь поколений жили мы спокойно на наших горах, – жаловались тодды властям, – и ни один человек, кроме наших *тералли*, не осмеливался заносить ногу за трижды священный порог *тирири*. Буйволы гnevаются... Запретите белым братьям подходить к *туэлю* (священной ограде), не то беда будет, страшная беда!..»

И власти благоразумно запретили поселенцам из долин, особенно любопытным и еще чаще нахальным англичанам и их миссионерам, вторгаться в *туэли* и даже подходить к ним. Но они успокоились тогда только, когда двое из них были в разное время убиты буйволами: подняты на их острые, огромные рога и буквально раздавлены до смерти под тяжелыми ногами. Это животное презирает даже тигра, который редко смеет меряться с ним.

Так никто до сих пор и не узнал, какая тайна скрывается в комнате за буйволятниками. Даже миссионер Метц не успел разрешить загадки в тридцать лет общего сожительства. Описание и сведения по этой части майора Фрезера³⁹ и других этнологов и писателей оказались теперь вполне фантастическими. Майор «залез в комнату за буйволятником и нашел в этом столь интересовавшем всех *храме* грязную и совершенно пустую комнату» по той простой причине, что участок вместе со зданием на нем был уступлен тоддами городу за другое, более отдаленное пастбище, но гораздо обширнее. Все, что было в домиках и храме, было вынесено и здания предоставлены на слом.

Кроме своих буйволов, тодды не занимаются никаким другим скотоводством или хозяйством. Они не держат ни коров, ни баранов, ни лошадей, ни коз, ни даже какой-либо птицы. Они не терпят кур, потому что «петухи беспокоят ночью и будят своим криком уставших буйволов», объяснил мне один старик. У тоддов, как уже сказано, нет даже собак, хотя и можно найти у каждого баддага в доме это полезное и даже необходимое в таких лесных труппах животное. Тодды не занимаются и теперь, как не занимались до прихода англичан, никакой работой: не сеют и не жнут и, однако, имеют, по-видимому, всего вдоволь, хотя денежными делами не обременяются и в деньгах толк вовсе не знают за исключением немногих стариков. Женщины их очень красиво и оригинально вышивают края своих белых простынь, их единственный покров, но мужчины открыто презирают всякую ручную или телесную работу. Вся их любовь, помышления и религиозные чувства сосредоточены на великолепных буйволах. Но их женщины не допускаются к ним; доение буйволиц и уход за ними принадлежит исключительно мужчинам.

Через несколько дней после моего приезда в сопровождении только дам и детей мы отправились посетить *муррти* в милях пяти от города. В этом поселке теперь жило несколько семейств тоддов и старик-*тералли* с целою свитой «священнодействующих», как нам говорили. Я уже имела случай видеть нескольких тоддов, но не видала еще ни их женщин, ни обрядов с буйволами. Мы ехали с намерением посмотреть, если будет дозволено, церемонию загона буйволов в хлев, о которой мне так много рассказывали и которую мне очень хотелось видеть.

Было уже около пяти часов вечера и солнце близилось к закату, когда мы остановились у опушки леса и, выйдя из карет, пошли пешком к большой поляне. Тодды возились с буйволами и не обратили на нас внимания, даже когда мы подошли к ним довольно близко. Но буйволы заревели. Один из них, очевидно главный, с серебряными колокольчиками на огромных закрученных рогах, отделясь от стада, подошел к самому краю дороги. Повернув к нашей группе высоко поднятую голову, он устремил на нас свои блестящие огненные глаза и громко замычал, словно спрашивая: кто мы такие...

Говорят, что буйволы ленивы и глупы и что глаза их ничего не выражают. Я вполне разделяла это мнение, пока не познакомилась с буйволами тоддов, и особенно с этим животным, словно заговаривавшим с нами на своем языке. У этого глаза горели, словно два угля, и в его косвенном, спокойном взгляде светилось положительно чувство как бы удивления и вместе с тем недоверия...

– Не подходите к нему, – кричали мне спутники, – Это их вожак и самый священный из всего стада!.. Он очень опасен...

---

³⁹ *The Toddas, what is known of them**. – Примечание Е.П.Блаватской.

* «Тодды, что известно о них» (англ.).

Но я и не думала подходить, а напротив, стала было ретироваться быстрее, нежели подошла, когда юноша, высокий и стройный, словно Гермес среди быков Юпитера⁴⁰, очутился одним прыжком между буйволом и нами. Сложив руки и нагнувшись пред «священной» мордой, он быстро наклонился к уху животного и стал шептать вполголоса никому непонятные слова. Тогда произошло нечто весьма странное, до того странное, что если бы факт этот не был мне подтвержден другими, то я сочла бы его за галлюцинацию вследствие множества слышанных мною в эти дни историй и анекдотов об этих священных животных.

Буйвол при первых словах юного *тералли* повернул к нему голову и точно слушал и понимал. Взглянув в нашу сторону, как бы желая осмотреть нас еще внимательнее, он стал кивать головой, испуская короткие, отрывистые, будто осмысленные мычания и как бы отвечая на почтительные замечания *тералли*. Затем, бросив на нашу компанию уже равнодушный взгляд, буйвол повернулся к дороге спиной и тихо пошел назад к своему стаду...

Вся эта сцена была до того комична и так сильно напоминала разговор русского мужика с медведем «Михайло Иванычем» на цепи, что я чуть было не рассмеялась.

Взглянув на серьезные и немного смущенные лица моих спутниц, я невольно удержалась.

– Видите, что я говорю вам правду!.. – полуторжественно, полубоязливо шепнула мне на ухо девочка лет пятнадцати. – Буйволы и *тералли* понимают друг друга, они *разговаривают* между собою как люди.

К моему изумлению, мать не остановила девочку, не сделала никакого замечания. На мой вопросительный, удивленный взгляд она только ответила как бы тоже с маленьким смущением:

– Тодды во всем странное племя... Они рождаются и живут среди буйволов. Они дрессируют их годами и действительно можно подумать, будто они даже ведут между собою разговоры...

Узнав мистрис Т*** и ее семейство, женщины вышли на дорогу и окружили нас. Их было пять: одна с ребенком совершенно голым, невзирая на холодный дождевой вихрь, три молодые и очень красивые и одна старуха, еще очень благообразная, но зато уж очень грязная. Эта подошла прямо ко мне и спросила должно быть по-канарезски: кто я такая. Вопросы я, конечно, не поняла и поэтому за меня ответила одна из молодых девушек. Но когда мне были переведены как вопрос, так и ответ, то последний показался мне чрезвычайно оригинальным, хотя и не очень правдоподобным.

В этом ответе я была представлена публике «чужеземною матерью и любящею дочерью буйволов», по уверению переводчицы. По-видимому, это описание успокоило и даже обрадовало грязную старуху, потому что без такой рекомендации, как я узнала после, меня бы и не допустили присутствовать при вечерних обрядах с буйволами. Старуха тотчас же побежала и, вероятно, передала сведения другому, старшему *тералли*, который, будучи окружен группой молодых священнодействующих, стоял вдали в живописной позе, опершись локтем на блестящую черную спину уже знакомого нам буйвола-«вожака». Он тотчас пошел к нам и заговорил с мистрис С***, которая знала их язык не хуже туземца.

Какой представительный, великолепный старик! Я невольно сравнивала этого аскета гор с такими же аскетами индусами и мусульманами. Сколько последние кажутся расслабленными, мумиеобразными, столько *тералли*-тодд поражал нас здоровьем и силою своего мощного, высокого и крепкого как вековой дуб тела. Седина еле серебрила его бороду, его густые, падающие тяжелыми прядями на спину волосы. Прямой как стрела, он подходил к нам не торопясь, и мне казалось, будто к нам приближается ожившая, вышедшая из своей рамы фигура Велизария⁴¹. При виде этого чудно-живописного гордого старика, глядевшего царем, переодетым в рубище, и его шести замечательно мощных и красивых *капиллолов* во мне проснулось с новою силой чувство жгучего любопытства, неутолимое желание узнать все, что только было возможно, о его племени и особенно о его тайнах.

---

⁴⁰ Гермес – в древнегреческой мифологии сын Зевса (Юпитера), бог торговли, прибыли, разумности, ловкости и красноречия, дающий богатство и доход в торговле, бог атлетов, покровитель глашатаев, послов, пастухов, путников, покровитель магии, алхимии и астрологии.

⁴¹ Флавий Велизарий (ок. 505–565) – византийский военачальник времен императора Юстиниана Великого. Изображен на мозаике базилики Сан-Витале в Равенне.

Но то было напрасное и в ту минуту совсем неудовлетворимое желание. Я не говорила даже, как многие из моих европейских знакомых, на их языке. Мне оставалось ждать терпеливо и безропотно, наблюдать и принимать к сведению все, что мне будет дозволено увидеть.

В тот вечер я увидела только следующую любопытную церемонию, которая повторяется тогдами ежедневно.

Солнце почти совсем зашло за верхушки больших деревьев, когда тогда стали готовиться к загону своей *священной* скотины. Рассыпанные по поляне штук сто буйволов мирно паслись вокруг «вожака», который никогда не оставляет своего наблюдательного поста в центре стада. У всех были привязаны колокольчики к рогам. Но тогда как у других то были медные бубенчики, «вожак» отличался чистым серебром своих колокольчиков и золотую серьгой в ухе.

Тода («Адам и Ева»)
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Церемониал начался тем, что стали отделять буйволят от маток и запирают их в отдельные хлева, пристроенные к *туэлю*, до утра. Затем отворились широкие ворота очень низкой стены, до того низкой, что мы с дороги видели все происходившее в *туэле*. Звеня колокольчиками и погремушками, буйволы стали входить один за другим и устраиваться рядами. То были самцы, а буйволицы ждали очереди, которая приходила для них после. Каждого буйвола подвели к устроенной во дворе цистерне или попросту луже; обмыв, его вытирали сухой травой, поили, а затем запирали в *тирири*.

Но в чем же состоит интерес обрядов? По мере того как буйволы подходят к воротам, миряне обоих полов (то есть около восьмидесяти мужчин и дюжины две-три женщин разных возрастов) становятся в два ряда по обе стороны ворот, мужчины одесную⁴², а «матери» ошую⁴³, а затем все отвешивают по низкому поклону буйволам, каждому поочередно. При этом все делают какие-то непонятные жесты, означающие у них глубокое уважение. То же самое делается и для

---

⁴² справа (*устар.*).

⁴³ слева (*устар.*).

буйволиц. Только кроме этого «матерям» приходится класть перед каждой маткой по земному поклону и протягивать ко всякой руку с клочком травы. Счастлива та «мать», от которой главная буйволица удостоит принять лакомый корм! Это считается лучшей приметой.

Убрав и заперев буйволов, мужчины принимаются доить буйволиц; женщину животное к себе и не подпустит. Эта священная церемония длится часа два, так как сосуды из древесной коры, наполненные молоком, обносят семь раз вокруг выдоенной самки, и только затем уже они относятся в молочную, особенный домик, который содержится в необыкновенной чистоте. Доят одни «посвященные», то есть «капиллолы», под присмотром главного *тиралли*, или первосвященника.

Когда все молоко выдоено и готово, ворота *туэля* запираются и посвященные входят в буйволятник. Тогда, по уверению баддагов, комната за буйволятником освещается многими лампочками, которые горят до утра. Это жилище одних посвященных. Чтò совершается в этом тайнике до утра, никто не знает, да и нет надежды, чтобы кто когда узнал. Тодды презирают деньги; подкупить их, не нуждающихся решительно ни в чем и смотрящих на все чужое, *не свое*, с полнейшим равнодушием, фактически невозможно. Как весьма верно указано капитаном Гаркнессом и другими прожившими с ними целые годы свидетелями, тодды *бессребреники* в полном смысле этого слова.

Глава IV

Фальшивое положение беспристрастного летописца. – Страница из темного прошлого тоддов, баддагов и муллу-курумбов. – Их предания. – Сопоставление с *Рамаяной*. – Где кончается фантазия и начинается правда? – Заключение, к которому описанные факты приводят беспристрастного наблюдателя.

Объяснения (индуктивных наук) необходимо приводят нас со временем к необъяснимому. Поэтому самые глубокие истины должны оставаться для нас неразъясненными.

Герберт Спенсер

Вынужденная в этом рассказе опираться касательно феноменальных способностей тоддов и курумбов на свидетельство мистрисс Морган и ее семейства, я чувствую, что в глазах неверующей публики это очень ненадежная опора. Нам скажут вероятно: «Теософы, психисты⁴⁴, спириты – все это одно и то же, все вы верите в то, во что наука не только не поверит, но что она всегда отвергала с должным презрением... Ваши факты – галлюцинация, которую вы разделяете, но которой не поверит ни один благоразумный человек».

К этому мы давно приготовлены. Если мир науки, а за ним и толпы, которые желают рисоваться в ее сиянии, бесцеремонно отвергли показание в этом вопросе некоторых из своих великих ученых, то не нам надеяться убедить публику; если свидетельство профессоров Геера (Hare)⁴⁵, Уоллеса⁴⁶, Цёльнера⁴⁷, Крукса⁴⁸ и стольких других светил науки пошло за ничто; когда мы знаем, как эти толпы, которые еще накануне поизносили подобострастно имена своих великих изобретателей, сделавших важные открытия в науке, говорят о них теперь чуть ли не с улыбкой презрительного сожаления как о свихнувшихся с ума людях, то наше дело должно считаться заранее проигранным. Смешно надеяться заинтересовать скептиков, заставить их взглянуть серьезно на «колдовство» двух полудиких племен, когда свидетельство и научные опыты в спиритических явлениях вышесказанных ученых были осмеяны. Радиометры⁴⁹ да разные неизвестные до того химические комбинации у них достало ума открыть, а вот наряженные материализованными *духами* куклы медиумов, то есть надувательство грубое и очевидное, как нос на лице, как слона в кунсткамере, они и не заметили! Бедные, простодушные, легковверные ученые! Но, быть может, нам еще и удастся показать, что те из их собратий, которые так сурово отвергают их свидетельство, а особенно образованный класс общества (настоящее Панургово стадо⁵⁰), гораздо легковвернее тех, кто склонились пред неопровержимыми фактами.

Кто из заинтересованных психологическими вопросами дня не помнит, как серьезно и добросовестно изучал все эти вопросы в продолжение нескольких лет химик Крукс? Доказав совершенно неопровержимыми *опытами с помощью научных аппаратов*, что феномены самого необъяснимого характера происходят иногда в присутствии так называемых медиумов, он доказал

⁴⁴ Члены Общества психических исследований.

⁴⁵ Роберт Хаэр (1781–1858) – американский химик.

⁴⁶ Уоллес Альфред Рассел (1823–1913) – британский натуралист, путешественник, географ, биолог, антрополог, спиритуалист.

⁴⁷ Иоганн Карл Фридрих Цёльнер (1834–1882) – немецкий астрофизик; увлекался спиритизмом, провел ряд спиритических сеансов, с помощью которых предполагал получить доказательства существования четвертого измерения (см. статью Е.П.Блаватской «Трансцендентальная физика», 1881).

⁴⁸ Уильям Крукс (1832–1919) – английский химик и физик, ввел понятие «лучистой материи», спиритуалист.

⁴⁹ Радиометр Крукса (или вертушка Крукса) – четырехлопастная крыльчатка, уравновешенная на игле внутри стеклянной колбы с небольшим разрежением. При попадании на лопасть светового луча крыльчатка начинает вращаться. Причиной вращения служит радиометрический эффект – возникновение силы отталкивания за счет разницы кинетических энергий молекул газа, налетающих на освещенную, нагретую сторону лопасти и на противоположную, более холодную.

⁵⁰ Панургово стадо – выражение, обозначающее группу людей, которая слепо подчиняется своему лидеру, копируя его поведение или повинуюсь его воле.

тем самым и существование таких неисследованных сил и способностей в человеке, о которых еще и не снилось Королевскому обществу. За это открытие, взволновавшее в те дни всю верующую, а особенно неверующую Европу и Америку, сказанное общество, как Французская академия в отношении к Шарко⁵¹, чуть не изгнало честного мистера Крукса⁵² из своей среды, слепо-глухой ко всему духовному и психическому⁵³. Не помог и *радиометр*, не помогло и открытие «лучистой материи».

Дойдя до этого пункта, нам придется, однако, оговориться.

Мы просим читателя помнить, что этот рассказ далеко не пропаганда спиритизма. Мы просто заявляем факты, делаем попытку открыть глаза публике насчет реальности многих ненормальных, странных, еще необъясненных, но никак не сверхъестественных явлений. Веря в феномены медиумов, то есть в их настоящие, а не подставные явления, из которых последние, к сожалению, составляют более 70%, большинство теософов отвергает теорию «духов». Лично пишущая эти строки не верит ни в материализующиеся *души умерших*, ни в объяснения спиритов, менее же всего в их так называемую *философию*. Почти все феномены, о которых столько говорили за последнее двадцатилетие, также реальны и неопровержимы, как и существование самих медиумов. Но характер этих явлений настолько же имеет в себе то, что называется *spiritualité*⁵⁴, как те честные кузнецы и столяры, которых нанимают на юге Франции и в Германии представлять апостолов в деревенских мистериях и которых церковные старосты выбирают за жилистые руки и здоровенный рост...

Такую веру в одно и неверие в другое со мною разделяет, как сказано, большинство современных так называемых *спиритуалистов* и членов Теософического общества: брамины Индии, с одной стороны, и несколько сотен весьма опытных (по части спиритизма) и ученых лиц в Европе, с другой, к каким ученым принадлежит и великий химик Крукс, – *n'en deplaise aux spirites*⁵⁵, которые рассказывают совсем другое, указывая на него во всех своих публикациях как на убежденного спирита.

Спириты крепко ошибаются. Одно время, когда мы еще не знали лично мистера Крукса, эти легенды о нем нас весьма смущали. Но в прошлом апреле (1884) в его доме в Лондоне мы ему поставили при многих свидетелях, а затем и когда мы были одни этот прямой вопрос. Крукс отвечал прямо и не колеблясь, что в описанные им явления с медиумами он верит так же твердо, как и в свою «лучистую материю», которую он нам тогда показывал и объяснял, но что в посредничество духов *он давно не верит*, хотя одно время и был склонен к этому.

– Так кто же была «Katie King»? – спросили мы.

---

⁵¹ Жан-Мартен Шарко (1825–1893) – французский врач-психиатр, специалист по неврологическим болезням, основатель нового учения о психогенной природе истерии.

⁵² Тот факт, что Крукс уже давно принадлежит к Теософическому обществу, вероятно, еще больше повредит его репутации между учеными. Горе, однако, Королевскому обществу. Его члены начинают один за другим следовать примеру великого химика, присоединяясь то к Психическому, то к Теософическому обществам. Лорд Карнарвон и Балькарес, профессора Уоллес, Сиджвик, Барретт, Оливер Лодж, Бальфур Стюарт* и пр. и пр. – все или «психисты», или «теософисты», а часто и то и другое. Если Королевское общество станет продолжать свои изгнания за такие проступки, то в нем скоро останется один его дворник. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Джеймс Линдси (26 граф Кроуфорд, 9-й граф Балкаррес, 1847–1913) – английский астроном, политик, президент Британского Королевского астрономического общества в 1878–1880 гг., член английского парламента (1874–1880).

Генри Сиджвик (Sidgwick, 1838–1900) – английский философ и экономист, писатель, профессор философии Кембриджского университета, президент Общества психических исследований (1882–1884, 1888–1892).

Уильям Барретт (1844–1925) – британский физик, один из основателей Общества психических исследований.

Оливер Джозеф Лодж (1851–1940) – английский физик и изобретатель, президент Общества психических исследований (1901–1903)

Бальфур Стюарт (1828–1887) – шотландский физик.

⁵³ См.: Crookes W. *Psychic Force and Modern Spiritualism*. London, 1871 (*Крукс У. Психическая сила и современный спиритуализм*. Лондон, 1871); *Спиритуализм и наука. Опытные исследования над психической силой Уильяма Крукса, члена Лондонского Королевского общества*. Составил, перевел и издал А.Аксаков. СПб., 1872; Crookes W. *Researches in the Phenomena of Spiritualism*. London, 1874.

⁵⁴ духовностью (*фр.*).

⁵⁵ не в обиду спиритам (*фр.*).

– Не знаю, вероятнее всего, *двойник* мисс Ф.Кук (медиума)⁵⁶, – отвечал он, добавляя, что есть серьезная надежда, что физиология и биология скоро убедятся в существовании такого полуматериального *двойника* в человеке.

На это нам опять, весьма вероятно, возразят, что существование таких ученых, которые верят в *двойников* и даже в спиритизм, еще не доказывает реальности ни двойников, ни феноменов медиумов. Нам скажут, что в семье не без урода, что такие ученые составляют, наконец, меньшинство, а такие, что отрицают наповал все еще не доказанное современною наукой, находятся в громадном большинстве. Не станем спорить. Заметим только, что вообще у нас пока и умные люди имеются в виде весьма малого процента от общей суммы не только человечества, но даже образованных классов. Меньшинство также ничего еще не доказывает. Большинство имеет лишь одно видимое преимущество над меньшинством: преимущество грубой, животной силы. Оно садится на меньшинство и старается раздавить его или, по крайней мере, заглушить его голос. Это мы видим всюду. Массы поклонников общественного мнения производят давление на тех, кто предпочитает ему истину. Королевское общество и академии давят ученых, которые осмеливаются переступить – опять-таки во имя этой попоранной истины – резко начертанный ими рубеж вокруг их узкой материалистической программы. Спириты силятся побить и даже уничтожить теософов... Все это в порядке вещей. Есть, конечно, много и умных людей, твердо верующих в личное присутствие душ умерших на спиритических сеансах в облеченных материей «духов», в их откровения, в философию Аллана Кардека⁵⁷ и даже в непогрешимость профессиональных, публичных медиумов. Оказывая должное уважение всякому личному верованию, все-таки мы не разделяем верований спиритов. Мы позволяем себе держаться до поры до времени собственных убеждений. Только время да помощь науки, когда она переменит тактику, могут нам показать, кто из нас прав и кто ошибается.

Убедясь окончательно, что такие авторитетные учреждения, как Королевское общество и европейские академии наук, никогда (по крайней мере, еще не скоро, не при нашей жизни) не окажут нам помощи; что большинство ученых решилось, кажется, изгнать навеки из своей среды все подобные психологические явления⁵⁸; что обо всем поверхностно судящая публика клеймит печатью грубого суеверия все то, чего она не понимает (многие, вероятно, *страшась понять*); что, наконец, все они, согласясь называть *истиной* и *фактом* лишь собственные, почему-то ими принятые заключения, хотя большинство научных теорий при каждом шаге вперед науки испокон века лопались одна за другой, – видя все это и убедясь, как тщетны наши усилия изменить дух времени, мы и решились действовать и искать объяснений сами.

Два года мы собирали сведения и изучали «колдовство» курумбов и более пяти лет подобные проявления той же силы в различных племенах Индии. Главным советом Общества был назначен комитет, и всякие меры были приняты против могущего иметь место обмана. Наши сочлены, выбранные из среды самых ярких скептиков, пришли единодушно к одному заключению: «Все, что рассказывают об этих племенах, основано на истинных фактах. За исключением, конечно, огромных преувеличений суеверной массы народа, эти факты неоднократно были доказаны. Как, в силу какой способности тодды, курумбы, яннади и другие племена производят известное действие на людей, мы не знаем, как и не беремся объяснять. Мы только заявляем то, что сами видели».

Так говорили наши сочлены, индусы, воспитанные в современном духе английской цивилизации, то есть *материалисты* в полном смысле слова и не верующие ни в собственных богов, ни в духов спиритов. Так говорим и мы, хотя имеем сильное подозрение, равняющееся убеждению, что эта сила в нильгирийских колдунах есть наш старый знакомый: «психическая сила» Др. Карпентера и Крукса. Мы долго приглядывались к этому столикому протее⁵⁹, овладевавшему, бывало, и нами. Мы делали опыты столь же тщательные, серьезные, беспристрастные над собою, как и над другими. Мы пришли к заключению, что как пред Др.

---

⁵⁶ Флоренс Кук (1856–1904) – английский медиум, чьи спиритические сеансы наблюдались и были подробно описаны У.Круксом. Кук обладала, если верить наблюдавшим ее феномен исследователям, способностью к материализациям, наиболее ярким проявлением которой явился феномен «Кэти Кинг» – «духа», впоследствии появлявшегося и на сеансах с участием других медиумов.

⁵⁷ Аллан Кардек (1804–1869) – французский теоретик спиритизма.

⁵⁸ См. статью Е.П.Блаватской «Судьи или клеветники?» (<https://art-roerich.org.ua/?q=blavatskaya/articles.html>).

⁵⁹ Протей – первичная материя.

Шарко, Круксом, Цёльнером, так и пред нашими глазами – в отношении к «колдунам» – действовала одна и та же сила, но что разнообразие ее проявлений зависит преимущественно от такого же разнообразия человеческих организмов, затем от среды и обстановки, среди которых она проявляется, много от климатических условий и, наконец, от умственного направления так называемых «медиумов».

Продолжая говорить о «колдовстве» и опираться на свидетельства множества лиц, не одного семейства Морганов, конечно, я употребляю термин в его переносном смысле. Понятно также, что, призывая других свидетелей, я хочу оградить тем самым собственные показания от незаслуженного подозрения, даже в преувеличении. Говоря другими словами, я скорее страшусь нареkania: *a beau mentir qui vient de loin*⁶⁰, нежели ищу оправданий пред скептиками. Во мне нет ни уважения, ни страха к всеотрицающему духу современной науки. Избирая основным грунтом, *канвою*, так сказать, своего рассказа столько же плоды исследований и гипотезы других лиц, сколько и результаты собственных наблюдений, я имею в виду, скорее, истину, нежели *le qu'en dira-ton*⁶¹ отрицателей. Поэтому я и продолжаю зашивать эту канву фактами, предпочитать им вечные гипотезы, вечно лопающиеся как мыльные пузыри.

О тоддах и курумбах писали и до меня. О них рассуждали несколько серьезных писателей и статистиков. Но то были в каждом случае предубежденные, хотя, вероятно, и ученые специалисты, или же лица уж чересчур подчеркивающие по-своему каждый такой ненормальный факт, а именно английские и американские миссионеры. Большинство этого класса, в силу давно усвоенных ими взглядов и предвзятой системы, всегда проповедовали в Индии более страх пред дьяволом, нежели любовь к Христу. Оттого и такой их неуспех. Эти господа, понятно, обязаны видеть козни лукавого во всем туземном, и этим они только еще более затемняют истину и мешают публике констатировать факты.

Отвергая с примерным беспристрастием предания нильгирийских, как и других племен, как и все показания о себе туземцев, продолжая фантазировать о них на все лады, англо-индийцы с помощью миссионеров только еще более запутали возможные сведения о тоддах и их вассалах курумбах. Их происхождение в доисторические времена, конечно, должно остаться в непроницаемом мраке. Все же можно было бы воспользоваться проблесками в исторической эпохе для лучшего с ними знакомства. Но в описаниях англичан о них ровно ничего нельзя ни понять, ни найти, кроме уже выше цитированных гипотез, которые одна невозможнее другой.

Отчаиваясь когда-либо выйти из этого лабиринта на свет Божий, мы стали расспрашивать туземных пандитов, пользующихся репутацией ходячих летописей и легенд. Пандиты нас отослали к одному аскету из баддагов. Этот неумывающийся анахорет оказался очень любезным и гостеприимным собеседником. За несколько мешков риса он рассказывал одному из наших туземных членов свои племенные легенды без перерыва три дня и три ночи. Все сказанное им собрано в этой главе. Нечего и говорить, что о приводимой далее легенде англо-индийцы никогда не слыхали.

Слово «баддага» канарезское и как тамильское «вадуган» означает *северянина*, и теперь доказано, что все баддаги пришли с севера. Когда лет 600 тому назад они прибыли в Голубые горы, то уже застали там тоддов и даже курумбов. Они вполне убеждены, что тодды там проживали целые тысячелетия.

Карлики показывают, в свою очередь, что их праотцы закабалили себя на службу или в рабство праотцам тоддов еще в Ланке (Цейлоне) «за право существовать на земле» с тем условием, чтоб «их потомки были всегда на глазах у тоддов».

Иначе, замечают баддаги, «эти демоны очень скоро не оставили бы никого живыми, кроме самих себя, на земле». Этого курумбы в минуты дьявольской злобы и не отвергают, а напротив, очень гордятся такою властью. В подобные минуты они скрежещут зубами и в бессильной злобе на тоддов готовы, как скорпион, ужалить себя и убить собственным же ядом. Генерал Морган, видевший их иногда в припадках бешенства, замечает, что в такие минуты он, позитивист, «боялся быть вынужденным *поверить против воли в черта*».

С другой стороны, баддаги также изъявляют претензию на древнее сожителство их племени с тоддами.

---

⁶⁰ тому врать легко, кто был далеко (*фр.*).

⁶¹ молву (*фр.*).

- Наши отцы служили им еще при царе Рама, – говорят они, – поэтому служим и мы.
- Но ведь тодды не верят в див (дев) ваших отцов? – однажды я спросила одного из них.
- Нет, они верят в их существование, – получила я в ответ, – но только не оказывают им никаких почестей, *потому что они сами дивы*.

Баддаги рассказывают, что когда бог Рама шел на Ланку, то кроме великой армии обезьян многие народы Южной и Центральной Индии добивались сделаться союзниками великого «аватара». Между прочими были и канарцы, праотцы баддагов, от которых эти ведут свой род. Действительно, баддаги разделяют свое племя на восемнадцать каст, между коими есть очень высокорожденные брамины, как, например, «вóдеи», ветвь ныне царствующей в Майсуре фамилии⁶². Англичане вполне убедились в основательности этой претензии. В древних хрониках майсурского дома до сего дня хранятся документы, которые доказывают: во-первых, что вóдеи одного с баддагами племени, то есть уроженцы Карнатика, а во-вторых, что аборигены этой страны принимали участие в великой священной войне царя Аудьи⁶³, Рама, против ракшазов, великанов-демонов острова Ланки.

Эти-то вот самые, гордые своим древним и знатным происхождением, брамины и поддерживают в баддагах чувство почти боготворения, только не к себе самим, как это делают брамины во всех остальных частях Индии, а к тоддам, которые отвергают их богов. Доискаться настоящей причины такого неестественного почитания весьма трудно, и эта тайна продолжает разжигать любопытство англичан. Почти невозможно, зная законы браминов, разрешить ее. Действительно, эта гордая каста, не соглашающаяся ни за какие деньги работать для англичан, эти брамины, которые отказываются, видя в том унижение, перенести для себя же простой узел из дома в дом, они-то и есть между баддагами самые ревностные поклонники тоддов. На тоддов они работают не только безвозмездно, но и не откажутся от самой низкой, по их понятиям, работы, если она только совершается по желанию или, скорее, по приказанию добровольно выбранных властелинов. Они готовы служить им каменщиками, судомойками, столярами, даже *париями*! В то самое время как эти высокомерные индусы держат себя со всеми другими народами, даже с англичанами, гордо, носят тройной священный шнурок браминов и имеют одни право священнодействия на церемониях посева и жатвы (хотя со страха часто уступают его курумбам), при первом появлении тоддов повергаются пред ними в прах... А между тем и сами они, баддагские брамины, не лишены замечательной силы в ее магических проявлениях.

Каждый год, например, на праздниках «последней в году жатвы» они обязаны представить вещественные и очевидные доказательства того, что они прямые потомки *посвященных, дваждырожденных браминов*. Для этого они медленно ходят взад и вперед босыми ногами и без малейшего для себя вреда по широким полосам ярко горящих угольев или раскаленного добела железа. Эта полоса проходит во всю длину фасада их храма, то есть ярдов на десять или двенадцать⁶⁴, и на ней они стоят и ходят как бы на паркете. Каждый баддага-вóдей обязан, ради чести своей касты, пройти по такой полосе, по крайней мере, семь раз...

Англичане уверяют, будто они обладают секретом какого-то растительного сока, от действия которого, если потерять им ноги или руки, кожа делается на время несгораемою. Но миссионер Метц клянется, что этого не может быть и что это чистое чародейство⁶⁵.

«Что могло впервые заставить эту гордую браминскую касту, – рассуждает капитан Гаркнесс⁶⁶, – унизиться до боготворения племени, стоящего ниже их породой, цивилизацией и умственными способностями, это неразрешимая для меня загадка!.. Конечно, баддаги от природы робкого характера; к тому же они одичали в продолжение стольких веков уединения в горах; однако эту тайну можно, пожалуй, разрешить тем, что они люди полные суеверия, как все горцы Индии... Но все-таки подобная их черта чрезвычайно любопытна для психолога».

⁶² Водеяр, Вадияр (*англ.* Wadiyar, Wodeyer) – династия махараджей Майсура.

⁶³ Айбдхья (*англ.* Ayodhya) – древний город в Индии, известный как центр паломничества. Являлся некогда столицей державы Чандрагупты II, потом Ауда (исторической области в Северной Индии).

⁶⁴ 9–11 м.

⁶⁵ См.: Metz F. The Tribes Inhabiting the Neilgherry Hills. Their Social Customs and Religious Rites. Mangalore, 1864. P. 54–56.

⁶⁶ *The Hill-Tribes of Neilgheiry* Capt. Harkness. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

См.: Harkness H. A Description of a Singular Aboriginal Race Inhabiting the Summit of the Neilgherry Hills or Blue Mointains. London, 1832. P. 39–40.

Без сомнения, так. Но, быть может, первоначальная причина этого почитания еще более «любопытна», хотя не англичанам, тем менее скептикам, ее отыскать. Начнем с того, что тодды несколько не ниже баддагов ни умом, ни породой, а напротив, несравненно выше. Затем настоящую причину внушаемого ими баддагам почитания следует искать не в настоящем, но во временах самой глубокой древности, в таких периодах браманской истории, в которые наши современные ученые отказываются не только серьезно заглянуть, но даже и верить в них. Однако же, хотя оно и трудно, но далеко не невозможно. Из разбросанных отрывков легенд баддагов и их документов, из рассказов их браминов, падших со времен мусульманского вторжения, но все же с проблесками знания тайн их праотцов, браминов эпохи *риши* и чудодейных адептов «белой магии», можно сшить нечто целое и последовательное. Следует только взяться за это дело умеючи, заручиться их доверием и не быть *англичанином* и «бара саабом», которого баддаги часто страшатся пуще курумба. Муллу-курумба, с его злыми чарами и *глазом*, он еще может умиротворить подарками, а на британца он взирает как на своего заклятого врага и злодея. Поэтому баддаги, как и прочие брамины Индии, считают своим священным долгом оставлять англичанина возможно долее в неведении истинных фактов касательно не только своего прошлого, но и настоящего, заменяя их как можно чаще вымыслами.

Одни нильгирийские баддаги сохранили воспоминания, хотя и слабые, этого прошлого. Тодды молчат и ни разу еще не проронили и полслова; быть может, кроме их старшин, «священнодействующих», мало кто из них и знает о нем. Баддаги уверяют, что пред кончиною каждый тералли обязан передать все, что знает, одному из молодых кандидатов на должность.

Что же касается курумбов, то хоть они и помнят легенду своего порабощения, но о тоддах кроме этого не знают ничего. А эруллары и кхотты – настоящие животные, более, нежели полудикие люди.

Выходит таким образом, что из всех нильгирийских пяти племен одни баддаги помнят и доставили доказательства о своем прошлом. Вследствие этого есть надежда, что сохранные ими о тоддах предания не совсем основаны на вымысле. Все их показания о себе касательно того, что они пришлецы с севера, потомки канарезских колонистов, которые пришли около десяти столетий тому назад из Карнатика, страны, ныне известной под названием Южного Майсура и составлявшей в глубокой древности (исторической) часть царства Конгу, оказались верными. Так почему же им бы и не сохранить лоскутков из далекого прошлого тоддов?

Начало странных отношений между этими тремя совершенно различными расами остается, конечно, все еще неопределимым (официально) и до сего дня. Англичане уверяют, что отношения эти установились вследствие долгого сожительства в этих пустынных горах. Отрезанные от остального человечества, тодды, баддаги и курумбы выработали себе постепенно свой особый, полный суеверных идей мир. Но сами эти племена говорят совсем другое. И то, что они рассказывают как нечто установившееся еще в глубокой древности и не без прямого отношения к древнейшим легендам и писаниям индусов, чрезвычайно многозначительно.

Предание этих трех столь тесно связанных судьбой племен тем более интересно, что, слушая и разбирая его, как бы читаешь вырванную страницу из «мифической» поэмы Индии *Рамаяны*. Ориенталисты отвергают его ради собственных, еще более невероятных умозаключений. Но тогда как их гипотезы доказательно лишены смысла, претензия тоддов и курумбов имеет все-таки еще возможность оказаться основанною на *исторических* фактах. Все зависит от будущего положения *Рамаяны* в истории.

Признаюсь, я никогда не могла понять причины, заставляющей историков делать такую разницу между двумя поэмами почти одинакового характера. Конечно, нам скажут, что все сверхъестественное выбрасывается одинаково из *Илиады* и *Одиссеи*, как и из *Рамаяны*. Но почему же наши ученые, принимающие почти беспрекословно за *исторические* лица всех этих Ахиллесов, Гекторов, Улиссов да Елен с их Парисами, – почему, спрашивается, они отвергают как пустые мифы Раму, Лакшману, Ситту, Равану, Ханумана и даже царя Айодьи? Или все поименованные лица не более как сказочные герои, или же всем им следует воздать должное. Шлиман⁶⁷ нашел в

---

⁶⁷ Генрих Шлиман (1822–1890) – немецкий предприниматель и археолог-самоучка, один из основателей полевой археологии, прославился открытием древней Трои.

Троаде⁶⁸ ощутительные доказательства существования Трои и ее действующих лиц. Нашлась бы и древняя Ланка и другие местности, помянутые в *Рамаяне*, если бы только поискать их. А главное, не следовало бы отвергать с таким незаслуженным презрением и так огульно показания и легенды браминов и пандитов...

Тому, кто хоть раз читал *Рамаяну*, не трудно убедиться в том, что, отбросив неизбежные в эпической поэме такого религиозного характера аллегория и символы, все-таки найдем в ней неопровержимый и очевидный исторический грунт.

Сверхъестественный элемент в рассказе не исключает элемента исторического. Так и в *Рамаяне*. Присутствие в ней великанов и демонов, говорящих обезьян и мудроречивых пернатых не дает нам еще права отвергать существование в глубокой древности ни одного из ее главных героев, ни даже самих «обезьян», этой великой, несметной армии четвероруких, собравшихся «со всех четырех концов земного шара». Как знать, пока мы в том не удостоверимся бесповоротно, кого именно авторы *Рамаяны* имели в виду под этим аллегорическим названием «обезьян» и «великанов»⁶⁹? В главе VI *Книги Бытия* тоже говорится о сынах Божиих, которые, увидев дочерей земных и полюбив, женились на них, от какового смешения произошла на земле раса «великанов». Гордость Немврода, вавилонское столпотворение и «смешение языков», имеют свою параллель в гордости и деяниях Раваны, в смешении народов во время войны в *Махабхарате*, в бунте даатьев (великанов)⁷⁰ против Браммы и т.д. Но главная суть в «великанах».

Что в Ветхом Завете выражено в нескольких стихах, что рассказано так подробно в *Книге Еноха*⁷¹, то самое касательно великанов раскрыто в *Рамаяне* в продолжение всей этой громадной эпической поэмы. В ней под другими именами и в больших подробностях мы находим всех падших ангелов, упоминаемых в видениях Еноха. Наги, апсары, гандарвы⁷², ракшазы учат смертных всему тому, чему падшие ангелы Еноха учили дочерей человеческих. Самьяза, вождь сынов неба, призывающий своих двести воинов к взаимной клятве союза на Ардисе (верхушка горы Армон)⁷³ и затем поучающий род человеческий греховным таинствам колдовства, имеет своего двойника в царе нагов, или *богов-змиев*. Азазиель, научая мужчин ковать оружие, а Амазарака – *знахарей* тайным силам разных трав и корней⁷⁴, делает то же, что апсары и азуры на реке Ришхаба, а гандарвы «Хаха́ и Хуху́» на вершине Гандхамаданы⁷⁵. Где предания того народа, в котором мы не находим богов, наставников людей, одаряющих их плодами познания добра и зла, демонов и великанов? Народный эпос есть лишь *пролог* в исторической драме каждого народа, имеющего свое законное место во всемирной истории, а поэтому и его эпические поэмы следует считать рассадниками последующих событий и самыми верными указаниями в этой истории. Семя дерева, искаженного как в китайском садоводстве искусственными прививками, которые превращают его в неестественное чудовищное растение, и семя того же дерева, выросшего на

---

⁶⁸ На полуострове Троада в Малой Азии у побережья Эгейского моря находилось древнее укрепленное поселение Троя.

⁶⁹ Это тем более вероятно, что во многих местах *Пуран* встречаются рассказы об этих самых царях с тем же названием царств и под теми же именами, какие они носят в *Рамаяне*, и что в этих рассказах они уже не «обезьяны», а люди. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

⁷⁰ Дайтьи в индуизме – раса великанов, которые были противники дево, сражавшимися с ними из-за зависти.

⁷¹ Первая книга Еноха (Эноха) – один из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета, в котором рассказывается о том, как 200 ангелов приземлились на горе Ермон, взяли себе в жены земных женщин и породили исполинов и магов, после чего переполнившаяся грешниками Земля была подвергнута Потопу.

⁷² Апсары – полубогини в индуистской мифологии, духи облаков или воды.

Гандхарвы (*санскр.* gandharva) – класс полубогов в индуизме, мужья или возлюбленные апсар, певцы и музыканты, услаждающие дево.

⁷³ См.: «И случилось, – после того как сыны человеческие умножились в те дни, у них родились красивые и прелестные дочери. И ангелы, сыны неба, увидели их и возжелали их, и сказали друг другу: “давайте выберем себе жен в среде сынов человеческих и родим себе детей”! И Семейяза, начальник их, сказал им: “я боюсь, что вы не захотите привести в исполнение это дело и только я один должен буду искупать тогда этот великий грех”. Тогда все они ответили ему и сказали: “мы все поклянемся клятвою и обяжемся друг другу заклтиями – не оставлять этого намерения, но привести его в исполнение”. Тогда поклялись все они вместе, и обязались в этом все друг другу заклтиями: было же их всего двести. И они опустились на Ардис, который есть вершина горы Ермон...» (Книга Еноха, VI).

⁷⁴ См.: «И Азазел научил людей делать мечи, и ножи, и щиты, и панцири... <...> Амезарак научил всяким заклинаниям и срезыванию корней...» (Книга Еноха, VIII).

⁷⁵ См. «Махабхарату».

свободе, – одно и то же. Искусный ботаник узнает его под всякою внешностью. Таким точно образом долг каждого добросовестного историка докапываться до корней аллегорий такого глубоко философического рассказа, как, например, *Рамаяна* Вальмики⁷⁶. Не останавливаясь перед ее внешнею, быть может, неприятною западному реализму формой, он должен копать все глубже и глубже, до самых корней...

Этот упрек заслуживают многие ориенталисты, особенно германские. Казалось бы, прямая обязанность таких авторитетов (?), как, например, профессор Вебер⁷⁷, беспристрастно заготавливать, очищая сырой материал для истории, а вместо этого, внося в работу сильнейший элемент лицепрятия и предвзятых идей и придвигая все ближе и ближе к нашим временам эпоху, когда были написаны *Махабхарата*, *Рамаяна* и *Багават-Гита*⁷⁸, он только сбивает с толку будущих историков Индии⁷⁹, древняя история которой играет такую огромную роль во всемирной истории человечества.

В *Книге Эноха* повествуется о «великанах» в 300 локтей⁸⁰ роста, которые, «пожрав все удобосъедаемое на земле, принялись пожирать, наконец, самих людей»⁸¹. В *Рамаяне* повествуется о «ракшазах», очевидно, тех же великанах, о которых мы знаем из историй греческих и скандинавских народов и находим их даже в легендах Южной и Северной Америки. Титаны, «сыны Бура»⁸², первобытные великаны, и гиганты *Пополь-Вух*⁸³, Икстликсохитля⁸⁴ – родные братья, первобытные расы человечества. Очищая зерно исторических фактов от плевел фантазии и вымысла в одном случае, не обязаны ли мы делать то же и в других, не следуя нашему личному предпочтению? Говорят: «глас народа – глас Божий». Предание, находимое на всех пунктах земного шара, должно же иметь какое-нибудь себе основание. Пусть отвергают ориенталисты «великанов» как вымысел и сказки. Мы же находим *необходимость* их в самих законах природы.

---

⁷⁶ Вальмики – певец и поэт, автор (или обработчик) «Рамаяны».

⁷⁷ Альбрехт Фридрих Вебер (1825–1901) – немецкий востоковед.

⁷⁸ «Бахавадгита» – памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите, часть шестой книги «Махабхараты».

⁷⁹ Здесь, конечно, не место доказывать это. Но сто́ит прочесть негодующие протесты таких ученых санскритистов, как, напр[имер], махратский брамин Теланг*, человек европейского образования, и доктор философии Ранджендра Лалль Митра**, вовсе не фанатиков, чтоб увидеть, до каких хронологических искажений доходит Вебер. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* См.: *Kashinath Trimbak Telang. Was the Râmâyana Copied from Homer? A Reply to Professor Weber. Bombay, 1873 (Теланг К.Т. Была ли «Рамаяна» скопирована с Гомера? Ответ профессору Веберу. Бомбей, 1873).*

Кашинатх Тримбак Теланг (1850–1893) – индийский индолог и судья.

** Раджендралал Митра (Rajendralal Mittra, 1823(1824)–1891) – индийский санскритолог.

⁸⁰ 164 м.

Локоть – старорусская единица измерения, равная 0,547 м.

⁸¹ См.: «И они [ангелы, сыны неба] взяли себе жен, и каждый выбрал для себя одну; и они начали входить к ним и смешиваться с ними, и научили их волшебству и заклинаниям, и открыли им срезывание корней и деревьев. Они же зачали и родили великих исполинов, рост которых был в три тысячи локтей. Они поели все приобретение людей, так что люди не могли уже прокармливать их. Тогда исполины обратились против самих людей, чтобы пожирать их» (Книга Еноха, VII).

⁸² Бор (Borr, Bugg, англизированный Bor, Bör, Bug) – в германо-скандинавской мифологии один из асов, сын первочеловека Бури и отец Одина, Вили, Ве. Упоминается в «Младшей Эдде»: «У Бури был сын по имени Бор, который женился на женщине по имени Бестла, дочери великана Бельторна; и у них родилось три сына: первый Один, второй Вили, третий Ве».

⁸³ См.: Popol Vuh. Le livre sacré et les mythes de l'Antiquité américaine, avec les livres héroïques et historiques des Quichés. Paris, 1861 (Пополь Вух. Священная книга и мифы американской древности, с героическими и историческими книгами народа киче. Париж, 1861).

Пополь-Вух – книга-эпос месоамериканской культуры, памятник древней индейской литературы. Содержит мифические и исторические предания, а также генеалогические данные о знатных родах киче цивилизации майя времен постклассического периода (современная Гватемала).

В «Пополь-Вухе» Вукуб-Какиш и его два сына, Хун-Ахпу и Шбаланке, символизируют расу гигантов.

⁸⁴ Иштлильшóчитль, или Фернáндо де Áльва Иштлильшóчитль, или Фернáндо де Навас де Пералéда-и-Áльва-Кортéс-Иштлильшóчитль (1568 или между 1578 и 1580 – 1650) – мексиканский писатель и историк колониальной эпохи, исследователь истории тольтеков, чичимеков и ацтеков.

См.: «Вторую эпоху они называли *Тлальчитонатлиу*, что означает “Солнце Земли”, ибо она закончилась землетрясениями, и земля растрескалась во многих местах, поглотив и низвергнув горы и утесы таким образом, что погибли все люди, каковыми в ту эпоху были великаны, называвшиеся *кинаметинцокуиликшиме*» (*Áльва Иштлильшóчитль Ф. История народа чичимеков. Глава I*).

Вся суть заключается в разрешении вопроса: могли ли быть и были ли когда действительно такие великаны на нашей земле? Думаем, что были; и наше мнение разделяется многими из самых ученых людей, Франсуа Ленорманом⁸⁵, например. Антропологи пока еще не одолели и первой буквы азбуки, дающей ключ к тайне происхождения человека на земле. С одной стороны, мы находим громадные скелеты людей, кольчуги и шлемы с голов настоящих великанов. С другой стороны, мы не можем не видеть, как почти на наших глазах род человеческий с каждым годом мельчает и почти *вырождается*.

Нам кажется, что антропология никогда не обращала достаточно внимания на закон аналогии. Это тем более странно, что уже давно доказано, что природа действует всегда, во всем и всюду однообразно и что ее законы в своих проявлениях постоянно представляют такую аналогию. Поэтому мы и смеем думать, что руководись наши ученые *построже* этим принципом (дающим в естествознании такие великолепные результаты и бывшим причиной стольких великих открытий), мы, быть может, имели бы возможность пополнить пробелы и в антропологии. Разве мы не видим, например, что со времен отдаленнейших геологических периодов в царствах растительном и животном, по мере приближения своего к четверичному периоду, *все* уменьшается, слабеет и вырождается; что гигантский папоротник каменноугольного периода превратился в зеленую травку наших лесов, а юрский плезиосавр⁸⁶ обратился в ящерицу? Почему же, основываясь на этом вполне логичном принципе аналогии в природе, нам нельзя верить, что, следуя в этом однородным законам, случилось то же и с человеком, то есть, что из первобытных великанов, с которыми нас знакомят *откровения* всех народов, мы сделались слабосильными, золотушными⁸⁷ карликами нашего века? Кто из современных гвардейских силачей способен идти на врага, одетый в любой панцирь, шлем и доспехи даже недавних средневековых рыцарей? А кто из рыцарей-крестоносцев был в десять футов⁸⁸ роста – средняя величина найденных недавно в Америке человеческих скелетов?

Тодды говорят, – а говорят они вообще нехотя и очень мало, – о *кернах*⁸⁹ на холме: «Мы не знаем, чьи это могилы, мы их нашли уже здесь. Но они легко вместили бы полдюжины таких, как мы, а наши отцы были вдвое больше нас». Вследствие этого и многого другого, мы верим, что рассказываемая ими легенда не есть простой вымысел уже потому одному, что тодды не могли бы ее выдумать. Они не имеют никакого понятия ни о браминах и их религии, ни о Ведах или других священных книгах индусов. А хотя при европейцах они молчат об этой легенде, но зато баддагам, по их уверению, то есть отцам нынешних баддагов, ее рассказывали так, как теперь баддаг-анахорет передал ее.

Во всяком случае, она, очевидно, взята из *Рамаяны*. К тому же, не одни тодды сохранили ее в памяти. Это предание есть общее достояние, наследственная собственность не только тоддов, но и баддагов и курумбов, как уже сказано.

Для уяснения дела даем вкратце вместе с преданием, как его рассказывал «старик» на Нильгири, выписки из *Рамаяны* и настоящие имена, которые тодды дают в искаженном, хотя и легко признаваемом виде. В этом предании ясно одно: дело идет о Раване, царе Ланки, то есть о монархе так называемых *ракшазов*, народе, очевидно, богатырского сложения, злом и порочном; о брате Раваны Вибхешане⁹⁰ и его четырех министрах, о которых в *Рамаяне* этот принц выражается, представляясь Раме «Дасаратиде»⁹¹, сыну царя Айодского и аватару бога Вишну», так:

«Я позже рожденный брат Раваны *десятиголового*. Я был оскорблен им за то, что давал ему добрый совет отдать тебе лотосоокою Ситу, твою супругу... С моими четырьмя товарищами, людьми силы безмерной, коих имена: Анала, Хара, Сампати и Прагхаша, я покинул Ланку, мои богатства, друзей и пришел к тебе, величие сердца коего не отвергает ни одного создания. Я желаю быть обязанным одному тебе за все... Я предлагаю себя тебе в союзники, о герой

⁸⁵ Франсуа Ленорман (1837–1883) – французский ассириолог и археолог.

⁸⁶ Плезиозавры – отряд ископаемых пресмыкающихся, живших с триасового по меловой периоды (около 199,6–65,5 млн. лет назад). Расцвет пришелся на юру – ранний мел. Некоторые представители отряда достигали размера до 15–20 м.

⁸⁷ Золотушный (*перен.*) – чахлый, хилый.

⁸⁸ 3 м.

⁸⁹ Каирн.

⁹⁰ Вибхйшана – младший брат Раваны.

⁹¹ Дашаратха – отец Рамы.

превеликой мудрости, и поведу твои храбрые армии на покорение Ланки и на смерть злых ракшазов...»

А теперь сравним эту цитату с преданием тоддов.

Вот что они говорят:

Это было в те времена, когда Царь Востока, *бог людей-обезьян* (очевидно армий Сугривы и Ханумана), шел убивать Равану, великого, но злого демона, царя Ланки. Его народ состоял весь из демонов (ракшазов), великанов и могучих чародеев. Тодды были в своем двадцать третьем поколении в то время на Ланке⁹². Ланка – земля, окруженная всюду водой. Царь Равана был сердцем *курумбой* (то есть злым колдуном); он сделал большую часть своих подданных ракшазов *злыми* демонами. У Раваны было два брата: Кумба – великан из великанов, который, проспав сотни лет, был убит Царем Востока, и Вибья – добрый и любимый всеми ракшаз».

Разве не очевидно, что «Кумба» и «Вибья» тоддского предания суть Кумбхакарна⁹³ и Вибхешана *Рамаяны*? Кумбхакарна, проклятый Брамой и уснувший под этим проклятием до самого падения Ланки великан, когда его убил Рама после ожесточенного поединка магической стрелой Браммы, «стрелой непобедимую, богов устрашающую», на которую взирал сам Индра как *на скипетр смерти*.

«Вибья, – говорят тодды, – добрый ракшаз, вынужденный отказаться от Раваны вследствие его преступления против Царя Востока (Рама)⁹⁴, у которого он украл жену. Вибья перешел с четырьмя верными слугами за море и помог ему отнять царицу его, за что Царь Востока поставил Вибью царем на Ланкой».

Это слово в слово история Вибхешаны, союзника Рама и его четырех министров, ракшазов.

Далее тодды рассказывают, что эти слуги были четырьмя *тералли*, анахоретами и *добрыми* демонами. Они отказались драться с братьями-демонами, даже злыми. Поэтому по окончании войны, во все продолжение которой они занимались заклинаниями за успех оружия Вибьи, они отпросились у него на покой. Забрав с собою семь других анахоретов и сто человек ракшазов-мирян с их детьми и женами, они удалились навеки из Ланки. Желая вознаградить их, Царь Востока сотворил на бесплодной плоскости «Голубые горы», подарил их ракшазам и их потомкам на вечное владение. Тогда семь добрых анахоретов, желая проводить жизнь, *кормя тоддуваров* и делая безвредными чары злых демонов, превратились в буйволов; четыре слуги Вибьи остались под видом людей и живут невидимые для всех, кроме *посвященных* тералли в лесах Нильгири и в священных тайниках «тирири». Заняв Нильгири, чародеи-буйволы, анахореты-демоны и старшины тоддуваров-мирян составили законы, определили число будущих тоддов и буйволов, священных, как и *светских*. Затем они отправили одного из братьев обратно в Ланку с тем, чтобы пригласить еще несколько добрых демонов с семьями. Там они нашли своего господина, царя Вибью, уже на престоле брата, убитого Раваны.

Такова легенда тоддов. Что «Царь Востока» – Рама, в этом, хотя тодды сами так и не называют его, не может быть и сомнения. У Рама, как это известно, сотни названий. В *Рамаяне* его зовут «Царем Четырех Морей», «Царем Востока», «Царем Запада, Юга и Севера», как и «Сыном Рагу», «Дасаратидом», «Тигром Царей» и пр. Для жителей Ланки или Цейлона он, конечно, был бы «Царем Севера». Но если тодды, как мы думаем, пришлецы с запада, то это название «Царь Востока», или Индии, становится понятным.

Но вернемся к легенде и посмотрим, что она может нам сказать о муллу-курумбах. Какое отношение имели в древности к тоддам карлики-колдуны и какая судьба привела их на Голубые горы под строгий надзор тоддов. Это мы узнаем из продолжения рассказа о посланном в Ланку «демоне».

---

⁹² То есть 199 или 200 «поколений» тоддов тому назад, что представляет по малой мере 7000 лет. Аристотель* и другие греческие мудрецы, говоря о Троянской войне, утверждали, что она была за 5000 лет до их времени. С тех пор прошло более 2000 лет и того – 7000 лет. Конечно, история отвергает эту хронологию. Но что же это доказывает? Разве всемирная история до Р.Х. и ее хронология основаны на чем-либо, кроме гипотез и возведенных в аксиомы вероятностей да предположений? – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ.

⁹³ Кумбхакарна – ракшаса-великан, один из героев «Рамаяны».

⁹⁴ Баддагские брамины так его и называют. Они говорят, что «Царь Востока» есть Рама (см. стр. 203bis). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Когда он прибыл на свою завоеванную, побитую родину, он нашел все изменившимся со дня их ухода с острова. Новый царь Ланки, преданный друг и союзник царя Рамы «Лотосоокого», старался в то время всеми силами искоренить в стране злое колдовство ракшазов, заменяя его благодетельною наукой магов-анахоретов. Но дар *брамавидьи*⁹⁵ «получается лишь вследствие личных качеств, чистоты нравов, любви ко всему живому, то есть как к людям, так и к немой твари и, наконец, посредством сообщения с невидимыми добрыми чародеями, которые, покинув землю, живут в стране под облаками, где садится солнце»⁹⁶. Вибья сумел смягчить сердце старых ракшазов и они раскаялись. Но в Ланке зародилось новое зло. Бóльшая часть воинов из армии [Царя] Востока, воины-обезьяны, воины-медведи и воины-тигры с радости, что покорили Царицу Морей и ее жителей-демонов, крепко перепились, так крепко, что не могли отрезвиться в продолжение многих лет. В этом туманном состоянии они взяли себе в жены *ракшази*, демонов женского пола. От такого неравного брака родились на свет карлики, злейшие и глупейшие в целом мире существа. То были праотцы настоящих нильгирийских муллу-курумбов. Они соединяли в себе все дары темной науки колдовства их матерей с хитростью, жестокостью и тупостью отцов, то есть обезьян, тигров и медведей. Царь Вибья решился их было разом умертвить, и уже собирался привести задуманное в исполнение, когда главный чародей, оставивший на время свою буйволиную наружность, испросил им у царя помилование, обещая их увести с собою за море, на Голубые горы. Словом, он спас карликам жизнь под условием, что они и их потомки будут вечно служить тоддам, признавая в них своих властелинов и повелителей, имеющих над ними право жизни и смерти.

Избавив, таким образом, Ланку от страшного зла, чародей, сопровождаемый сотней добрых ракшазов из *чужеземного племени*, отправился домой на Голубые горы. Оставив неисправимых и злейших из маленьких демонов-карликов на умерщвление царю Вибье, он выбрал три сотни из менее злых этого нового племени и, завернув их в полу своего плаща, перенес их в Нильгири.

С тех пор курумбы, выбрав жилищем самые непроходимые *джонглы* гор, стали плодиться, пока не сделались целым племенем, ныне известным под названием муллу-курумбов. Пока они были с тоддами и буйволами в то время единственными обитателями Голубых гор, их злые наклонности и врожденный дар колдовства не могли делать вреда никому, кроме таких же злых зверей, которых они очаровывали и затем пожирали. Но вот поколений пятнадцать тому назад пришли баддаги, и между ними и карликами началась вражда. Отцы баддагов, то есть древние народы из Малабара и Карнатика, стали тоже служить после войны «добрым» великанам Ланки. Поэтому, когда колония этих северян вследствие ссоры с браминами Индии и их притеснений появилась на Голубых горах, тодды, как повелевали им честь и буйволы, взяли баддагов под свое покровительство, и те стали служить им, как их праотцы служили их отцам в Ланке...

Такова легенда этих народцев на Голубых горах. Мы ее собрали, так сказать, по кусочкам и с величайшими затруднениями. Кто же из читавших *Рамаяну* не признает в этом предании событий из нее? Но каким образом могли баддаги, тем менее тодды, сочинить ее? Их браманы – одна тень браманов прежних времен и не имеют ничего общего с этою кастой в долинах. Не зная санскритского языка, они *Рамаяны* не читали, а некоторые, вероятно, никогда и не слышали о ней.

Затем, вероятно, нам скажут, что как *Махабхарата*, так и *Рамаяна* если и основаны на смутных воспоминаниях давно минувших событий, то, во всяком случае, элемент фантастический так преобладает в них над историческим, что невозможно признать за достоверное ни одно из описываемых в этих эпосах событий? Это опять та же старая история торжества железного над глиняным горшком⁹⁷. Это говорят те, кто утверждает, что до времен Панини⁹⁸, величайшего во всем мире грамматика, в Индии не имели понятия о письменах и что сам Панини не умел писать и

---

⁹⁵ Брахмавидья – божественная мудрость.

⁹⁶ Тодды указывают на запад, говоря о стране, куда уходят их покойники. Метц называет запад «фантастическим раем тоддов». Из этого некоторые посетители Нильгири вообразили, что тодды, как парсы, поклоняются солнцу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹⁷ См.: «Опасно бедному человеку жить по соседству с человеком сильным и жадным. По реке плыли глиняный горшок и медный горшок; и глиняный сказал медному: “Держись от меня подальше и не приближайся: ты ли меня толкнешь, я ли тебя толкну ненароком – все равно я разобьюсь”» (Басни Эзопа. Глиняный горшок и медный горшок).

⁹⁸ Панини (предположительно около V в. до н.э.) – древнеиндийский лингвист, представитель северной школы в древнеиндийском языкознании, один из предтеч современной структурной лингвистики, порождающей грамматики, семиотики и логики.

никогда не слыхивал про письмена, даже, наконец, что *Бхагават-Гита* и *Рамаяна* написаны, вероятно, по Р.Х. и т.д.⁹⁹

Неужели же никогда не взойдет заря того дня, когда как арийские индусы, этот теперь политически глубоко павший, но все же великий своим прошлым и замечательными добродетелями народ, так и священная литература браминов получат столь заслуженное ими место в истории? Когда же лицеприятие и несправедливость, основанные на племенной гордости, дадут место полному беспристрастию, а ориенталисты перестанут, наконец, представлять читающей публике праотцов-браминов суеверными невеждами, а их самих лгунами и хвастунами? Возможно ли поверить, чтоб эта по своей громадности единственная в мире литература, обнимающая все известные и (это заключение всех, кто изучал ее философию беспристрастно) неизвестные, давно утраченные познания и науки, была вся основана на вымысле и пустых метафизических бреднях?..

Но ориенталисты пусть верят по-своему. Мы же, изучающие эту литературу с браминами, не останавливаемся на мертвой букве ее. Мы знаем, что *Рамаяна* не есть волшебная сказка, как ее представляют в Европе, что она имеет двоякий смысл – религиозный и чисто исторический, и что, наконец, одни посвященные брамины способны верно истолковать ее запутанные аллегории. Тому, кто читает священные книги Востока с ключом к их тайным символам в руках, становится ясным следующее:

1) Космогония всех главных древних религий одна и та же. Они разнятся одна от другой только своею внешнею формой. Исходят же все эти, по-видимому, противоположные учения из одного источника, всемирной истины, которая всегда являлась под видом откровения всем первобытным расам. Позднее и по мере того как человечество крепчало органами мышления в ущерб духовному умозрению, первобытные взгляды менялись и, развиваясь, пускали ростки по тому или другому направлению. Все это происходило вследствие климатических, бытовых и других условий. Как дерево, ветви которого, разрастаясь под переменчивым ветром во все стороны, принимая самые неправильные, безобразные, изогнутые формы, все же выросли из одного родного ствола, так и в вопросе разных религий: все они пустили ростки из одного семени, *Истины*. И это понятно: Истина одна. Как ни бесчисленны в своем разнохарактерном разнообразии представления о ней в людском воображении, ибо несть ему преграды, это нисколько не мешает им быть основанными на ней, опираться на ее краеугольном камне. Так белый луч света, разлагаясь сквозь призму на многие цвета, переливается и постоянно переходит из одного цвета в другой, чтобы затем потонуть и исчезнуть в первобытном едином луче. Для грубого материализма нашего века вселенная представляется только комбинацией тысяч разных элементов.

2) Истории всех этих религий основаны не только на геологических, антропологических и этнографических фактах тех далеко доисторических периодов, но и переданы в своей аллегорической форме весьма верно. Все эти «сказки» – чисто исторические были и факты. Но разоблачить их без помощи вышесказанного ключа, отыскать который возможно лишь в *гунта-видье*, или «тайной науке» древних арийцев, халдеев и египтян, дело совершенно невыполнимое. Невзирая на такое затруднение, многие из нас совершенно убеждены, что когда-нибудь, в далеком ли, близком ли будущем, а должны же будут события, описанные в *Махабхарате*, в силу последующих открытий в науке перейти в действительность: сделаться *историческими* событиями в глазах всех народов. Сбросится маска аллегории и явятся живые люди: события прошлого разъяснят все загадки, сгладят затруднения современного знания.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что, прочтя вышесказанное, если такая честь когда-нибудь предстоит нашему рассказу, всякий ориенталист, и *псевдо*-ориенталист тем более, пожмет плечами и рассмеется. Но это ничего не докажет, менее всего то, что прав он, а что мы ошибаемся. Наши ученые, следующие, конечно, лишь индуктивному методу, перенесли его из области естествознания, в которой он приносит пользу, во все другие отрасли науки, даже в такие, где этот метод недостаточен, как, например, в биологии, даже в психологии. Порицая древний метод

---

⁹⁹ Умозаключение профессоров Вебера и Макса Мюллера. Между тем вам известно из истории, что финикийцы вели большую торговлю с Индией 1000, если не 1500 лет до Р. Хр., а Панини, по словам этих санскритологов, процветал 200 лет до Р. Хр. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Платона¹⁰⁰, идущий от общего к частному, они называют его антинаучным, забывая, что в единственной положительной и *непогрешимой* науке известной миру, т.е. в математике, этот метод один только и возможен. Бэконовские правила индукции, заимствованные, впрочем, почтенным философом-канцлером¹⁰¹ всецело от Аристотеля без всяких кавычек, одни в чести у них, и наши ориенталисты наивно воображают, что, применяя этот научный метод к фактам истории и даже религий, он когда-нибудь доведет их до чего-либо, кроме их обыкновенных, редко выдерживающих критику гипотез.

Такие ученые, без сомнения, не обратят никакого внимания на наши исследования по части истории браминов вообще и этнологии в частности. Тем хуже... для них. «Воздержись в сомнении»¹⁰² – золотое правило всемирной премудрости написано не для них. Они воздерживаются лишь от того, что может затруднить их собственные, заранее принятые выводы. Мы добиваемся признания и помощи не от этого класса и громко заявляем право смеяться над усилиями применить индуктивный метод к наукам, которые по своей отвлеченности никогда ему не поддадутся. К чему может, в самом деле, этот метод привести санскритистов и ориенталистов, пока они станут отвергать истолкования браманских древних книг самими браманами? Разве только к таким очевидным и грубым ошибкам, в какие впали ученые этнологи относительно тоддов. Не имея никаких данных, на которые могли бы опереться в своих изысканиях, кроме событий, находимых ими в так называемой *всемирной истории*, этнологи эти не находят ничего другого, что могли бы применить к этому совершенно своеобразному племени. Они забывают, иногда очень кстати, что эта история, хотя она и величается «всемирною», все-таки составлена сама и почти всецело из далеко еще не доказанных гипотез, и к тому же составлена ими самими, то есть одними западными учеными. А кто же не знает, что наши европейские историки и этнологи еще полвека назад ничего не знали ни о браманах, ни об их громадной литературе. Несмотря на этот известный пробел во «всемирной» истории, легенды и священные книги браманов отбрасываются, как всем известно, а факты, взятые из них, ломаются и обезображенные втискиваются в тесную рамку прежде сделанных умозаключений. Разве недавно не объявлено одним из их великих авторитетов, что, по его мнению, факты в том виде, в каком они находятся в книгах браманов, – «вымыслы суеверного невежественного народа»? (См. *Histoire de la littérature sanscrite*, par Weber¹⁰³).

Оно и понятно. Факты западных ориенталистов расходятся почти во всем с *фактами* браманов. Всем нет места во всемирной истории, и те или другие должны уступить. А кому же уступать, как не ученым пандитам, обязанным изучать собственную историю сквозь цветные очки гг. англо-саксонских санскритистов? Вот почему эпоха сочинения *Махабхараты* подводится чуть ли не ко времени мусульманского вторжения, а *Рамаяна* и *Бхагават-Гита* оказываются современницами римско-католической *Золотой легенды*¹⁰⁴.

Будь по сему. Мы же, в ожидании будущего прозрения гг. ориенталистов и этнологов, полагаем пока, что из наших трех нильгирийских рас две – неоспоримо останки если не первобытных рас, [то] доисторических, о которых наша *всемирная история* никогда и во сне не слыхивала.

---

¹⁰⁰ Платон (428(427)–348(347) до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

¹⁰¹ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма.

¹⁰² «In dubio absteine» (*лат.*).

¹⁰³ «История санскритской литературы» Вебера (*фр.*).

Речь идет о труде А.Вебера «Histoire de la littérature indienne» («История индийской литературы», 1859; «The History of Indian Literature», 1878, 1882).

¹⁰⁴ «Золотая легенда» – сочинение монаха-доминиканца, итальянского писателя Иакова Ворагинского (ок. 1228–1230 – 1298), собрание христианских легенд и занимательных житий святых, написанное на латинском языке около 1260 г., одна из самых любимых книг Средневековья, в XIV–XVI вв. стоявшая на втором месте по популярности после Библии. «Золотая легенда» принадлежала к ряду многочисленных сводных сборников легенд на латинском языке, возникавших в Европе в XIII–XV вв., имевших духовно-нравственный характер и рассчитанных на широкий круг читателей. История и доктрины христианства в книге изложены упрощенно и схематично, но при этом в весьма искренней и выразительной манере, благодаря чему легенды подчас воспринимаются как сказки. Дополнительная особенность книги вытекает из мировоззрения средневекового человека: чудесное и реальное не разделяются, чудеса ощущаются как часть повседневной жизни.

Глава V

О тоддах вообще, а о муллу-курумбах и баддагах в частности. – Вырванная страничка из деяний доктора Шарко.

Факты – опасный и нелегко побеждаемый враг...
Альфред Россель Уоллес

Сколько мы успели дознаться, тодды не имеют представления о божестве и даже отвергают *дев* (див), коим поклоняются их соседи баддаги. Поэтому когда ничего подобного тому, что мы привыкли называть религией, не существует у этого странного племени, то говорить о его религии довольно трудно. Применять к ним в нашем случае пример буддистов, которые также не признают идеи о Боге, немислимо: у буддистов есть, во всяком случае, весьма сложная философия, тогда как у тоддов, если какая и имеется, то о ней никто ничего не знает.

Так откуда же у них явились такие высокие понятия о нравственности, редкое и почти неизвестное у других более цивилизованных народов строгое применение в жизненной практике всех отвлеченных добродетелей, каковы, например, любовь к правде, к справедливости, уважение права собственности и соблюдение раз данного слова? Неужели же мы должны отнестись серьезно к гипотезе одного миссионера-унитариянца¹⁰⁵, что тодды – допотопный остаток семейства Еноха, «безгрешных смертных»? Тодды, сколько мы успели открыть, имеют самые странные понятия и о загробном существовании. На вопрос, что ждет тодда, когда его тело превратится на костре в пепел, один из *тералли* отвечал:

– Его тело вырастет травой на этих горах и будет кормить буйволов. *А любовь к детям и брату превратится в огонь, вознесется на солнце и будет вечно гореть в нем пламенем, грея буйволов и других тоддов.*

Приглашенный объяснить яснее, он добавил:

– Огонь этого, – указывая на солнце, – весь состоит из огней любви.

– Но разве там горит любовь единственно только одних тоддов? – заметил его собеседник.

– Да, – ответил *тералли*, – одних тоддов, потому что *всякий добрый человек, белый или черный*, есть *тодд*, а злые не любят, поэтому там их и не может быть.

И материализм, и трансцендентальный мистицизм розенкрейцеров – кусочек, вырванный из миросозерцания древних египетских иерофантов¹⁰⁶... *Où la philosophie va-t-elle se nicher*¹⁰⁷!..

Раз в год, весной, в продолжение трех дней, один *клан* тоддов за другим совершают ряд паломничеств и восходят на Тоддабетский пик, где теперь лежат развалины храма Истины. В этом святилище они совершают нечто вроде публичного покаяния и взаимной исповеди. Там держат совет и сознаются друг другу в грехах, вольных и невольных. Говорят, будто в первые годы прихода англичан там приносились жертвы: за *сокрытие истины* (прямая ложь им неизвестна), согрешивший отдавал буйволенка, за чувство гнева на брата – целого буйвола, который иногда окрапывался кровью из левой руки кающегося тодда¹⁰⁸.

Все эти обряды и лоскутки, видимо, скрываемой ими философии, если нечто подобное у них существует, заставляют людей, сведущих в древней халдейской, египетской и даже средневековой магии, подозревать их в обладании если не полною системой, то частью так называемых тайных наук, или *окультизма*. Одна эта система, которую разделяют с незапамятных времен на *белую* и *черную* магию, способна дать логическое объяснение такого завидного чувства уважения к истине и нравственности почти в первобытном, полудиком племени без религии, как и без всякого примера чего-либо подобного в других известных ему народах и племенах. По нашему мнению, –

¹⁰⁵ Унитарии – религиозные верующие, не принимающие догмат о Троице.

¹⁰⁶ иерофантов (*англ.* hierophant).

¹⁰⁷ Вот где гнездится философия (*фр.*) – обыгрывается выражение Мольера: «Вот где гнездится добродетель!» («Où la vertu va-t-elle se nicher!»).

¹⁰⁸ Это пишет капитан Гаркнесс в своем сочинении 1837 года*. Мы не могли найти развалин этого храма; мистрис Морган думает, что автор смешал тоддов с баддагами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* См.: *Harkness H. A Description of a Singular Aboriginal Race Inhabiting the Summit of the Neilgherry Hills or Blue Mointains. London, 1832. P. 67–68.*

а оно перешло теперь в полное, непоколебимое убеждение, – тодды – последователи вырожденные и, быть может, полубессознательные древней науки *белой* магии, а муллу-курумбы – отвратительные последователи *черной* магии, или колдовства. Вот доказательства этому.

Легко привести свидетельства целого ряда известных в истории и литературе людей от Пифагора¹⁰⁹ и Платона до Парацельса¹¹⁰ и Элифаса Леви¹¹¹, которые, посвятив себя исключительно изучению этой древней науки, учат, что *белая или божественная магия не может быть доступна тем, кто отдается или даже склонен к пороку, под каким бы видом он ни проявлялся*. Правдивость, чистота нравов, отсутствие эгоизма и любовь к ближнему – вот первые необходимые качества *мага*. Одни чистые душой «видят Бога», говорит аксиома розенкрейцеров. Вместе с тем, магия никогда не была чем-либо *сверхъестественным*.

Этот наукой тодды обладают вполне. К их *тералли* приносят больных, и они их вылечивают. Часто они даже не скрывают своего способа врачевания. Больного кладут спиной вверх *на солнце* и оставляют так на несколько часов, в течение коих тодд-целитель водит по больному руками, чертит разные непонятные фигуры своею палочкой по разным частям тела, особенно на больном месте, и дует на него. Потом берет чашку молока, читает заговоры над ней, – то есть проходит совершенно через те же церемонии и обряды, как и наши знахари и знахарки, – дует на нее и затем поит молоком своего пациента. Почти нет примера, чтобы тодд, раз согласившись лечить, не вылечил больного. А соглашаются они редко. До пьяницы и развратного человека они ни за что не дотронутся. «Мы лечим *любовью*, которая льется из солнца, – говорят они, – а на такого *злого* человека она не подействует».

Дабы распознать дурного или, как они говорят, *злого* от доброго человека среди принесенных больных, их кладут перед буйволом-вожаком: если больного следует лечить, то буйвол станет его обнюхивать; если же тот не годится, то буйвол приходит в ярость и больного скорее уносят...

Другое доказательство: маги, как и их последователи теургисты, строго восставали против вызывания душ умерших. «Не тревожь и не вызывай ее (душу), дабы уходя она не унесла с собою чего земного», – говорит Пселлий¹¹² в *Халдейских оракулах*¹¹³. Тодды верят во *что-то* переживающее тело, потому что, по сознанию баддагов, запрещают им иметь дело с *бхутами* (привидениями)¹¹⁴ и велят избегать их, как и курумбов, которые слывут великими некромантами.

Справедливо профессор Молитор (в своей *Философии истории и преданий*)¹¹⁵ замечает, что «только добросовестное изучение преданий всех народов и племен может привести современную науку к должной оценке древних наук»... «В эти науки и тайны, – говорит он, – входила и древняя магия, которую изучал сам пророк Даниил и которая была двойкой: *божественная* магия и *зловредная* магия, или колдовство. Посредством первой человек ищет войти в сношение с миром

---

¹⁰⁹ Пифагор Самосский (570–490 до н.э.) – древнегреческий философ и математик, создатель философской школы пифагорейцев.

¹¹⁰ Парацельс (1493–1541) – швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ.

¹¹¹ Альфонс-Луи Констан (псевдоним Элифас Леви, 1810–1875) – французский философ, автор трудов по магии.

¹¹² Михаил Пселл (1018–1078) – ученый византийский монах, автор исторических и философских трудов, математик.

¹¹³ Цит. по: *Cory I.P. Ancient Fragments of the Phoenician, Chaldaean, Egyptian, Tyrian, Carthaginian, Indian, Persian, and Other Writers. London, 1832. P. 270 (Кори И.П. Древние фрагменты финикийских, халдейских, египетских, тирских, карфагенских, индийских, персидских и других писателей. Лондон, 1832. С. 270).*

Исаак Престон Кори (1802–1842) – английский адвокат, антиквар и коллекционер книг.

«Халдейские оракулы» – восстанавливаемый по цитатам более поздних авторов текст последней четверти II в., сакрализовавший платонизм в его среднеплатонической традиции. История создания «Халдейских оракулов» на основе свидетельств Михаила Пселла, опиравшегося на Прокла, описывается как общение Юлиана Теурга с душой самого Платона, ответы которой расшифровал и снабдил комментарием отец медиума Юлиан Халдей.

¹¹⁴ Бхуты – в индуистской мифологии мелкие демонические существа, злые духи, относящиеся к свите Шивы (одно из имен Шивы – Бхутешвара, «Владыка бхутов»). Бхуты обычно враждебны людям, живут на кладбищах и питаются человеческим мясом, но могут быть также хранителями деревни или дома, где поселились. Как владыка зла, Шива-Бхутешвара посещает кладбища и места сожжения мертвых, он носит змей на голове и ожерелье из черепов на шее и топчет непокорных демонов. По верованиям, бхуты – оборотни, которые могут превращаться в свиней, лошадей, великанов, карликов и тому подобное. Обычно бхуты блуждают по ночам и нападают на людей как вампиры.

¹¹⁵ *Philosophy of History and Traditions*, p. 285. – Примечание Е.П.Блаватской.

духовным и невидимым; изучая второй род магии, он старается получить власть над живыми и мертвыми. Адепт *белой* магии стремится к совершению благотворных, добрых деяний; адепт *черной* науки старается лишь о том, чтобы совершать всевозможные дьявольские, зверские поступки»¹¹⁶...

Тут почтенный епископ очень ясно проводит разницу между тоддами и курумбами. Как и между оккультистами всех веков и современными медиумами, которые, когда они не шарлатаны и обманщики, делаются бессознательными некромантами и колдунами.

Отбросив в сторону, в угождение материалистам, *гипотезу* о белой и черной магии, чем и как объяснить те тысячи неуловимых в своей отвлеченности, но совершенно ясных и неопровержимых на деле действий и обоюдных сношений между тоддами и муллу-курумбами? Почему, например, тодды производят свои исцеления днем и на солнце, а муллу-курумбы свои вредные заклинания только при луне и ночью? Почему одни вылечивают, а другие убивают и насылают болезни? Почему, наконец, курумб так страшно боится тодда, что при виде одного из этих людей, которые не тронут и не сделают вреда даже укусившей их собаке (если бы какое-либо животное или зверь *мог* укусить тодда), этот отвратительный карлик, собирая свои зелья, падает наземь словно в падучей болезни? Это заметила не я одна, а многие неверующие ни в черную, ни в белую магию скептики. Вот что говорит, между прочим, миссионер Метц:

«...Между тоддами и курумбами существует какая-то враждебная сила, заставляющая курумбов повиноваться против воли тоддам. Встречаясь с ними, карлик падает наземь в припадке, похожем на эпилепсию. Он извивается на земле, как червь, дрожит от ужаса и выказывает все признаки скорее нравственного, нежели физического страха... Чем бы он ни был занят в то время, как к нему приближается тодд, – а курумб редко когда бывает занят чем-либо хорошим, – достаточно, чтобы тодд не только дотронулся, но даже помахал в его сторону своим бамбуковым жезлом (*bamboo rod*), чтобы заставить муллу-курумба¹¹⁷ бежать без оглядки. Но чаще всего он спотыкается и тут же падает, иногда замертво, пребывая до удаления тодда в мертвенном трансе (*dead trance*), чему я был неоднократно свидетелем...»¹¹⁸

Эванс в своем дневнике: *Ветеринарный врач на Нильгири*, говоря о том же самом, доканчивает начатую Метцем картину и добавляет: «...Очнувшись от припадка (?), курумб начал ползти на животе, как змея, и есть, срывая зубами, выбираемые им на земле травы, а затем тереть и собственное лицо о землю, процесс, который мало способствовал увеличению его природной прелести. Крепко пропитанная железом и охрой земля смывается весьма трудно с тела. Вследствие этого, когда мой новый знакомый (курумб, желавший его обокрасть) встал на ноги, пошатываясь, словно пьяный, после нежеланной встречи, то он и явился пред нами, как клоун в цирке, весь испещренный желто-красными, кровавыми полосами и пятнами...»

Вот еще факт. Как уже сказано, у тоддов нет ни оружия, чтобы защищаться против зверей, ни даже собаки, чтобы давать знать о приближающейся опасности. Несмотря на это, вы не найдете в воспоминаниях самых старых из старожиллов Утти ни одного случая убиения или даже поранения тодда тигром или бешеным слоном. Зарезанный дикими зверями буйволенок – о буйволе нет и речи – из стад тоддов есть величайшая редкость; унесенный тигром ребенок их или женщина – неслыханное дело. А это, прошу заметить, происходит в местах, где еще и теперь, в

---

¹¹⁶ *Molitor J.F. Philosophie der Geschichte, oder, über die Tradition. Erster Theil. Münster, 1827. P. 325–326 (Молитор Й.Ф. Философия истории и преданий. Часть первая. Мюнстер, 1827. С. 325–326).*

Molitor J.F. Philosophie der Geschichte, oder, über die Tradition. Dritter Theil. Münster, 1839. P. 285 (Молитор Й.Ф. Философия истории и преданий. Часть третья. Мюнстер, 1839. С. 285).

Цит. по: *Ennemoser J. The History of Magic. Vol. I. London, 1854. P. 8–9 (Эннемозер Дж. История магии. Т. I. Лондон, 1854. С. 8–9).*

Франц Йозеф Молитор (1779–1860) – немецкий историк и философ.

Джозеф Эннемозер (1787–1854) – немецкий врач, сторонник теории животного магнетизма Ф.Месмера.

¹¹⁷ Так как курумбы разделяются на несколько ветвей и получили название вследствие крошечного роста, почему называют и другие малорослые племена курумбами, то нильгирийское племя и получило для отличия от других название «муллу-курумбы», или *карлики-терновники* (от слова *муллу*, «терновник»*, и *курумба*, «карлик»), так как они обыкновенно живут в самых непроходимых, глухих лесных чащах, где преобладает терновник. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* *Mullu (канада).*

¹¹⁸ *Reminiscences of Life among Toddas**, стр. 114. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* «Воспоминания о жизни среди тодов» (англ.).

1883 году, когда Голубые горы усеяны жилищами, заселены народом, редко проходит неделя без несчастного случая с людьми, а одна треть табунов и стад наперед считается пропавшею от диких зверей. Кули, пастухи, дети туземцев, да и отцы их, более или менее подвержены лютой смерти от кровожадного тигра или блуждающего, взбесившегося дикого слона. Один тодд способен сидеть целые дни у опушки леса и спокойно дремать, равнодушный и уверенный в своей полной безопасности!

Тода
(фотография из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Так как же нам объяснять этот всем известный, всеми замеченный факт? Случайностью, как объясняется у нас все необъяснимое? Странная случайность, однако; такие совпадения, которые совершаются на глазах у англичан вот уже более шестидесяти лет; и во всяком случае, если их трудно проверить, а еще менее доказать до прихода европейцев, то они теперь проверены вполне. Даже присяжные статистики приняли во внимание и записали этот факт, хотя и тут дело не обошлось без *наивности*.

«Тодды *почти* (?) никогда не подвергаются нападению зверей, – читаем мы в *Заметках статистических таблиц* за 1881 год, – *вероятно*, вследствие какого-нибудь присущего им одним *специфического запаха, отталкивающего зверя!*» Боже, какая наивность!..

Эта «вероятность» *специфического запаха* достойна быть напечатанною золотыми буквами!.. Но даже такая *специфическая* глупость приятнее присяжным скептикам, нежели колющий им глаза неопровержимый *факт*.

В этой неопровержимости, перед которою европеец закрывает, как страус, глаза и, пряча голову, льстит себя надеждой, что ее не увидят другие, и лежит разгадка глубокого благоговения, с одной стороны, и страха, с другой, возбуждаемых тоддами почти во всех прочих племенах этих гор. Баддаги их боготворят, а муллу-курумбы дрожат пред ними. Если при встрече лицом к лицу со спокойно идущим тоддом, в руке которого одна безвредная и невинная на вид тросточка, страх повергает курумба на землю, то чувство благоговейной любви и преданности заставляет баддагов

делать то же самое, только добровольно. Баддаг, завидя тогда еще издали, простирается пред ним на землю и молча ждет привета и благословения; и баддаг совершенно счастлив, если его *див*, слегка дотронувшись босою ногой до головы своего поклонника, начертит по воздуху одному ему понятный знак и затем спокойно удалится «с лицом гордым и беспристрастным, как у греческого бога», по выражению капитана О'Греди¹¹⁹.

Благословение тогда
(рисунок из книги:
Marshall W.E. Travels Amongst the Todas. London, 1873)

Но как же смотрят на это фанатическое чувство благоговения баддагов к тоддам англичане и как они объясняют его? Совершенно естественно и просто. Они отвергают как глупую сказку предания баддагов о том, как и почему такие отношения зародились в их праотцах, и объясняют эту легенду по-своему. Так, полковник Маршалл пишет в своем сочинении: «Это чувство тем более странно, что по статистике баддагов оказалось с самого начала в одиннадцать раз более, нежели тоддов. Эта пропорция десяти тысяч к семи сотням. Но никто и ничто не разубедит суеверного баддага в том, что тодд есть сверхъестественное существо. Тодды – великаны в физическом отношении, а баддаги – не очень большого роста, хотя чрезвычайно мускулистые и сильные люди. Вот и весь секрет»¹²⁰.

Далеко не весь. Почему, например, ни хоты (кхотты), ни эруллары, оба племени чрезвычайно малого роста и очень слабого сложения в сравнении с баддагами, хотя и уважают тоддов и всегда с ними в сношениях и дружбе, но не выказывают, однако, никакого подобострастного чувства? Чтобы проникнуть в загадку, следует знать историю баддагов и верить им если не безусловно, то и не отвергая их добровольного показания. Вся суть, по-нашему, в том, что баддаги – *брамины*, хотя и очень полинялые и выродившиеся, а эруллары и кхоты – просто парии. Как браминам домусульманских времен в Индии, баддагам известно многое, что для других является мертвою

¹¹⁹ См.: *Hadji Nicka Bauker Khan* [O'Grady W.L.D.]. *Indian Sketches; or Rubs of a Rolling Stone. Life of the East* // *Commercial Bulletin*, 1877 (*Hadji Nicka Bauker Khan* [О'Грейдю У.Л.Д.]. *Индийские зарисовки, или помехи катящемуся камню. Жизнь Востока* // *Commercial Bulletin*, 1877).

¹²⁰ *The Todas*, p. 17. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

буквой. Что именно, это объяснится в следующей главе, а пока поговорим немного о баддагах и их религии. Как и все прочее на Голубых горах, она отличается оригинальностью и неожиданностью.

На голой высоте Рангасуамийского пика стоит их единственный покинутый храм. Их религия вся состоит из обрядностей, смысл коих они давно утратили. Этот пик – их Мекка, куда они отправляются раза два-три в год читать заклинания против большей части браминских же богов. Во мнении полковника Охторлея¹²¹, главноуправляющего горами, баддаги – одна из самых робких и суеверных рас Индии. «...Они живут в непрерывном страхе злых духов, которые витают вокруг них постоянно в их воображении, и в таком же бесконечном ужасе при одной мысли о курумбах. Ужас, внушаемый карлика тоддами, они внушают в свою очередь баддагам»¹²².

Послушаем, что говорит в своем ученом сочинении опытный полковник о *суеверии* бедных баддагов.

«Людская ли болезнь, мор ли скота, каждая, словом, неприятность или случайность в их семействах, особенно разоряющий их неурожай, тотчас приписываются баддагами чарам злых колдунов-курумбов, и они бегут искать помощи в противодействующих заклинаниях *доброто* тодда... До такой степени вкоренилось во всех племенах Нильгири это глупое суеверие, что нам уже приходилось очень часто судить баддагов за повальное избиение целых семейств курумбов, как и за сожжение их деревушек. В таких случаях нет ничего труднее, как добывать против баддагов показания других племен. Как скоро жертвою оказывается курумб, а преступником баддаг, почти невозможно развязать язык свидетеля. Убийцу всегда приходится вешать с величайшими предосторожностями, дабы напрасно не возбуждать народа. Негодование и удивление нильгирийских племен, как и баддагов, еще понятно. Внушаемые им религией принципы учат их, что единственное средство укротить гнев их богов, гнев, возбужденный смертоносными чарами против людей, скота или посева курумбами и другими заподозреваемыми суеверием колдунами, состоит в том, чтобы принести виновного в жертву богу “мщения”. Но как понять или объяснить страх пред тоддами других туземцев Индии, уроженцев долин, страх, внушаемый им суеверным поклонением.

Баддаги вместе с этим нередко прибегают и сами к помощи и содействию курумбов, особенно, когда дело идет о каком-нибудь нечистом или незаконном приобретении. Тогда они обращаются посредством карлика к *воображаемым* и подвластным карлика злым духам...» (*Statistical Records of Neilgherry*)¹²³.

Так пишет главноуправляющий, и пишет верно, хотя и не входит в подробности, в которые старается не верить. В одном, впрочем, даже англичанам пришлось убедиться: в таких «нечистых» делах никогда еще не был замешан ни один тодд. Помощь, которую баддаги нередко ищут и всегда находят у курумбов, они не могли бы надеяться получить от рыцарски честных тоддов, и в этих случаях они всегда подкупают колдунов...

Такие совершенно ненормальные и находящиеся в полном антагонизме одно с другим чувства баддагов к курумбам чрезвычайно интересны с психической точки зрения. Баддаги ненавидят курумба, они трепещут пред ним в ужасе и, несмотря на это, постоянно нуждаются в нем. Алчность и любовь к наживе превозмогают в них и врожденный страх, и запрещение тоддов употреблять колдунов на темные дела. Ни один посев, никакое дело у баддагов не обходится без помощи «черного заклинателя», как они называют это отвратительное существо, именуемое муллу-курумбом...

«Весною во время посева ни одна работа не начинается прежде, нежели курумб не *освятит* ее приношением на поле козленка или петуха (*всегда черных*), или пока он не бросит первой горсти семян и не произнесет известных заклинаний. Дабы получить хороший урожай, баддаги обращаются к курумбу, чтобы тот провел первый бороною, а во время жатвы скосил бы или сорвал первый сноп или плод»¹²⁴.

¹²¹ Джон Оухтерлони (1813–1863) – военный инженер, полковник.

¹²² Geographical and Statistical Memoir of a Survey of the Neilgherry Mountains, under the superintendence of Captain J. Ouchterlony, 1847. Madras, 1848. P. 62 (Географические и статистические ученые записки об исследовании гор Нильгири под руководством капитана Дж. Оухтерлони в 1847 году. Мадрас, 1868. С. 62).

¹²³ «Статистические отчеты о Нильгири» (англ.).

См.: Geographical and Statistical Memoir of a Survey of the Neilgherry Mountains, under the superintendence of Captain J. Ouchterlony, 1847. Madras, 1848. P. 62–63).

¹²⁴ *Statistics of the Neilgherry Tribes of 1866*, pp. 62–63*. – Примечание Е.П. Блаватской.

Далее, в виде ученого объяснения, автор старается показать причину такого замечательного суеверия. На страницах 65 и 66 мы читаем следующее:

«Курумб смешно (*ridiculously*) мал ростом. Его чахлая мертвенная наружность с целым лесом нечесаных и связанных в огромный пучок или узел на макушке волос, его вообще омерзение внушающая фигурка *вполне объясняют глупый* перед ними *страх робкого баддага*. Встретясь с ними нечаянно на дороге, баддаг бежит от него, как от дикого зверя¹²⁵. И если он не успел уйти вовремя от так называемого “змеиного взгляда” (*viper’s glance*) колдуна, то баддаг тотчас же возвращается домой и с беспомощностью осужденной наверное жертвы предается, по его мнению, *неизбежной* участи. Он совершает над собою все предписанные *шастрами* обряды и предсмертные церемонии; разделяет, если владеет каким-либо имуществом, свои вещи, деньги и поля между родными; ложится и готовится к смерти, которая (нелепо даже подумать об этом!) наступает *между третьим и тринадцатым* днем после встречи! *Такова сила суеверного воображения*, – объясняет наивно автор, – *что она почти неизбежно убивает в назначенное время глупого бедняка*... Упоминаю также о сильно укоренившемся в народе таком же суеверии насчет тоддов. Эти, по их понятиям, обладают еще более замечательной силой по части магии: только тодды считаются честными, *добрыми* колдунами (*джадду*). Между этими двумя племенами баддагам приходится так же плохо, как ослу в стойле между двух коней. Они должны платить дань тоддам в знак своего к ним уважения, а вместе с тем и курумбу, чтобы тот не испортил посева. Впрочем, курумбы, насколько правительство успело исследовать их внутренний быт, живя столько столетий в лесах, успели приобрести значительные познания в свойствах разных трав и корней. Они вылечивают даже таких больных, от которых тодды отказываются¹²⁶, но при этом, конечно, часто и убивают – *не колдовством и заговорами, а просто растительным ядом и по ошибке*»¹²⁷.

Этим ученым объяснением убивается наповал всякое «суеверие». Прошу заметить подчеркнутые выше строки. Мы видели показание г-жи Морган в предшедшей главе и читали случай с Беттенем. Вот другой, весьма похожий на первый, только с совершенно другим результатом. Если *сила суеверного воображения одна убивает* или способна убить в *назначенное время испуганного бедняка*, то как почтенный автор объяснит следующий случай? Этот случай был очень недавно и его все помнят в Нильгири.

Англо-индийским «бара-саабам» негде встречаться с полудикими, грязными курумбами как только в лесу, то есть из десяти раз девять во время охоты. Поэтому и второе столкновение между английским чиновником и курумбами случилось также из-за слона.

Героем этого происшествия был человек в довольно высоком официальном положении. Его все знали как одного из тузов общества, и семейство его, кажется, еще до сей поры не оставило Калькутты, где его молодая вдова живет у его старшего брата. Она была очень любима генеральшей Морган, и это единственная причина, почему я не могу, как в первом случае, дать его полное имя. Я обещала не называть его, хотя в описании этих происшествий его узнают все бывавшие в Мадрасе...

Мистер К***, как мы его назовем, поехал на охоту с несколькими приятелями, несколькими *шикари* и многочисленную прислугой. Слона убили и только тогда заметили, что забыли взять с собой особенный для вырезывания клыков нож. Решили, оставив животное под присмотром четырех баддагов-охотников, чтоб охранить его от диких зверей, самим отправиться завтракать в соседнюю плантацию. Оттуда К*** должен был вернуться часа чрез два за клыками...

Программа не трудная и, казалось, совершенно удобоисполнимая. Несмотря на это, не успел К*** вернуться, как нашел одно маленькое затруднение. На слоне сидело человек десять курумбов, которые усердно работали над клыками. Не обращая внимания на сановника, они ему

---

* «Статистика нилгирийских племен» за 1866 год, с. 62–63 (*англ.*).

См.: Geographical and Statistical Memoir of a Survey of the Neilgherry Mountains, under the superintendence of Captain J. Ouchterlony, 1847. Madras, 1848. P. 63.

¹²⁵ Автору следовало бы добавить впрочем, что баддаг бежит только от *питающих к нему вражду курумбов*. От других ему не для чего бегать. Но если курумб на кого зол, то, как мы сейчас покажем, он делается действительно опасным. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

¹²⁶ То есть пьяниц с зараженной и испорченной кровью, см. главу III. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

¹²⁷ Geographical and Statistical Memoir of a Survey of the Neilgherry Mountains, under the superintendence of Captain J. Ouchterlony, 1847. Madras, 1848. P. 65–66.

хладнокровно объявили, что так как слон убит на их земле, то они и считают как его самого, так и его клыки своею собственностью. Действительно, их землянки оказались в нескольких шагах оттуда.

Понятно, как должен был быть взбешен такую наглостью высокомерный англичанин. Он приказал им убираться, пока они целы, иначе он прикажет людям разогнать их нагайками. Курумбы нагло рассмеялись и продолжали работу, даже не взглянув на *бара-сааба*.

Тогда К*** закричал слугам, чтоб они прогнали карликов силой.

С ним было человек двадцать охотников в полном вооружении; сам К*** был рослым красивым мужчиной лет тридцати пяти, известный своим цветущим здоровьем и богатырскою силой столько же, как и своею вспыльчивостью. Курумбов было еле с десятков, почти голых и без всякого оружия. Четыре баддага, оставленные при слоне, конечно, разбежались в отсутствие прочих при первом требовании курумбов. Казалось, более чем достаточно трех человек, чтобы разогнать хищников-карликов. И однако же приказание К*** осталось без последствий: ни один человек не пошевелился...

Все стояли дрожа от страха, позеленевшие, с понуренными головами. Несколько человек, и в том числе прятавшиеся в кустах баддаги, бросились бежать и исчезли в лесной чаще.

Муллу-курумбы, покрывавшие, словно букашки, труп слона, глядели на англичанина смело, оскалив зубы и как бы вызывая его на действие.

Мистер К*** окончательно вышел из себя.

– Прогоните ли вы, наконец, этих бродяг, подлые трусы? – зарычал он.

– Нельзя, сааб, – заметил седой *шикари*, – нельзя... Это нам верная смерть... Они на своей земле...

На сердитое восклицание поспешно слезавшего с лошади К*** вождь курумбов, безобразный, как воплощенный грех, вдруг, вскочив на ноги на голове слона, стал, кривляясь, прыгать на ней, скаля зубы и щелкая ими, как шакал. Потрясая уродливою головой и кулаками и выпрямившись во весь крошечный рост, муллу-курумб обвел злыми, сияющими, как у змеи, выпальными глазками присутствующих и прокричал:

– Кто первый дотронется до *нашего* слона, *скоро вспомнит нас в день своей смерти*. Ему не видать новой луны...

Луна была в то время в своей предпоследней четверти. Угроза была, впрочем, напрасной. Слуги чиновника словно превратились в каменные изваяния.

Тогда взбешенный К***, перехлестав на пути толстою нагайкой правых и виновных, бросился с проклятием на курумба и, схватив его за волосы, швырнул далеко от себя на землю. Остальных, которые, цепляясь, как вампиры, за уши и клыки мертвого слона, было воспротивились, он переколотил нагайкой и разогнал их в одну минуту.

Уходя, они остановились шагах в десяти от К***, который затем принялся сам вырезать клыки. По словам его слуг, во все время операции *они не спускали с него глаз*.

Окончив работу, К*** отдал клыки людям отнести домой, а сам уже было собрался занести ногу в стремя, когда его взгляд снова встретился с взглядом побежденного им старшины курумбов.

– Глаза этой гадины произвели на меня впечатление взгляда отвратительной жабы... Я почувствовал буквально тошноту... – рассказывал он в тот же вечер за обедом собравшимся у него гостям. – Я не мог удержаться, – добавил он с дрожью отвращения в голосе, – и ударил его еще несколько раз нагайкой... Карлик, лежавший до того времени неподвижно в траве, на месте, куда я его бросил, быстро вскочил на ноги, но, к моему удивлению, не убежал, а только отошел немного далее и продолжал смотреть на меня, не спуская глаз...

– Напрасно вы не удержались, К***, – заметил кто-то, – эти уроды редко прощают.

К*** расхохотался.

– В этом меня уверяли и *шикари*. Они ехали домой точно приговоренные к смерти... *Глаза* боятся!.. Глупый, суеверный народ. Им давно следовало открыть глаза на счет этого *глаза*. Знаменитый «змеиный взгляд» возбудил во мне только более аппетита...

И он продолжал смеяться над суеверием индусов во весь остальной вечер.

На другое утро под предлогом, что он очень устал накануне, К***, встававший, как и все в Индии, очень рано, проспал далеко за полдень. Вечером у него сильно разболелась правая рука.

– Старый ревматизм, – заметил он, – через несколько дней пройдет.

Но на второе утро он почувствовал такую слабость, что еле мог ходить, а на третий день совсем слег. Врачи не находили у него никакой болезни. Не было даже лихорадки, а одна непонятная слабость и какое-то странное утомление во всех членах.

– Слово в меня влит свинец вместо крови, – говорил он знакомым.

Аппетит, возбужденный в его мнении «змеиным взглядом», разом пропал; больного стала мучить бессонница. Не помогали никакие усыпительные средства. Здоровый как бык, румяный и атлетический К*** превратился в четыре дня в скелет. На пятую ночь, которую он проводил по обыкновению со дня охоты с открытыми глазами, он разбудил домашних и спящего в соседней комнате врача громким криком:

– Прогоните эту грязную гадину!.. – кричал он. – Кто смел впустить ко мне это животное?.. Чтò ему нужно?.. Зачем он так смотрит?..

Собрав последние силы, он швырнул по направлению ему одному видимого предмета тяжелый подсвечник и, попав в зеркало, разбил его вдребезги.

Врач решил, что у больного начался бред. К*** кричал и стонал до самого утра, уверяя, что видит пред кроватью у ног побитого им курумба. К утру видение исчезло, но мистер К*** стоял на своем:

– То был не бред, – еле лепетал он. – Карлик как-нибудь прокрался... Я его *видел во плоти*, а не в воображении.

На следующую ночь, хотя ему было еще хуже и с ним сделался действительно бред, он не видал более никого. Врачи ничего не понимали и решили, что то был один из многочисленных неуловимых видов «болотистой лихорадки» (*jungle fever*) Индии.

На девятый день у К*** отнялся язык, а на *тринадцатый день он умер*¹²⁸.

Если «сила суеверного воображения... убивает в назначенное время *глупого бедняка*», то какая же это сила убила *не верившего ни во чтò* богатого и образованного джентльмена? «Странное совпадение, – ответят нам, – простая случайность». Все возможно. Только уж слишком много таких *случайностей* в летописях Нильгири, чтоб они сами собой не представляли странного, более самой истины, явления. Пусть неверующие прежде порасспросят серьезно таких старожилков на этих горах, как генерал Морган и другие очевидцы, и только затем делают свои заключения.

Наивная теория, что одна грязная, отвратительная наружность курумбов, внушая этот общий, разделяемый всеми племенами туземцев страх, отворяет широко двери суеверию, очень неудовлетворительна. Многие из кхоттов и эрулларов, и даже баддагов, столь же грязны и часто отвратительнее тех, кого они так страшатся. Если бывали случаи, когда люди умирали вследствие одного воображения и страха, то ведь нельзя и не следует превращать исключение в непреложное правило. А в том-то и главная задача, что, по сознанию многих англичан, не было еще случая, чтобы попавший под «змеиный взгляд» рассерженного курумба туземец, а особенно баддаг, остался целым и невредимым. Одно в таких случаях, по их словам, спасение: «Отправиться в *первые три часа* после *встречи* к тоддам и молить о помощи. Тогда, если *тералли* даст на то согласие, всякому тодду легко *выманить* (sic) яд из отравленного *глазом* человека». Но горе тому, кто находится после *глаза* далее, нежели на трехчасовом расстоянии от тодда, или если последний, посмотрев на *сглаженного*, почему-либо откажется «выманивать яд». В таком случае больному грозит верная смерть.

Тот факт, что тодды всегда вылечивают, если раз возьмутся за это, и что *сглаженные*, от которых они отказываются, всегда умирают, доказывает, что это не пустое поверье.

Как объяснить такую странность?

Само собой разумеется, что гг. ученые и скептики всегда легко выйдут из этого затруднения. Они, например, скажут, что самый заявляемый нами факт не только еще не доказан, но что его совсем нет. Так они поступали в отношении ко всякому заявляемому *не ими* открытию; так поступают и теперь касательно гипнотических и месмерических феноменов. Для них самая неправдоподобная, но истекающая из *научного* якобы источника гипотеза всегда будет милее всякой истины, если она не освящена их одобрением. Это ничего, что их гипотезы почти всегда только в теории бывают весьма научными и красивыми, но что на практике и примененные к

¹²⁸ См.: Morgan E.H. Witchcraft on the Nilghiris // The Theosophist, Vol. 4, September, 1883. P. 321.

голым фактам они натываются на них, как на рог дилеммы, и обыкновенно разбиваются об него вдребезги... «Это *de l'histoire ancienne*¹²⁹, – скажут нам, – а ваши басни о колдовстве и чарах муллу-курумбов все-таки чушь».

– Но мы имеем возможность доказать, что это не басни, а факты...

– А мы все-таки не поверим, потому что за науку стоит большинство, а официальная наука не хочет верить...

Бедный факт! Несчастливая голая истина!.. Подлинно, в наш век она выглядывает непристойною. Ей приходится либо умереть на дне своего колодца, либо умолять великих «вортов»¹³⁰ науки одеть себя по последней физиологической моде. А на это они хотя и долго не соглашались, но теперь, кажется, решились – как и с каким успехом, мы покажем после, а пока одной истине приходится страдать. Действительно, каждый раз, когда простому, голому факту приходится заявлять о себе, он встречается сперва и борется с мнением влиятельного большинства, заносчивого пропорционально своему самомнению и глупости. Но когда дело доходит до борьбы с официальною наукой, то лучше ему разом откланяться и до поры до времени исчезнуть. Иначе все жрецы ее, все нахватавшиеся вершков, все консерваторы, рутинеры, «обезьяны» науки и светской интеллигенции – все это поднялось бы горой за поправленные права академий, и факт был бы прогнан в область «бабьего суеверия», галлюцинаций да «гистеро-эпилепсии»¹³¹ (*style Charcot*¹³²).

Невзирая на такой прием, в продолжение многих лет изгнанные были факты снова всплыли, как потопленный труп, на поверхность житейского моря и заявили о себе громче прежнего. Так громко, что даже многие из серьезных людей науки увидели себя вынужденными признаться ими... Но не станем забегать вперед.

Было на свете много таких необъяснимых или, скорее, необъясняемых нашими учеными истин и фактов¹³³, от которых только пресса еще, – следуя в этом раболепно тому классу ханжей науки, о которых Dr. Шарко говорит с таким заслуженным презрением в книге Dr. П.Ришера¹³⁴, –

¹²⁹ древняя история (*фр.*).

¹³⁰ От *англ.* worth – имеющий ценность, заслуживающий, стоящий (чего-либо), имеющий значение.

¹³¹ истеро-эпилепсии (*фр.* l'hystéro-épilepsie).

¹³² слог Шарко (*англ.*).

¹³³ «*Et pour cause*»*, – как выразился Шарко в ответ к пристававшему к нему спириту. «Доколе, – сказал он, – мы не с состоянием объяснить *всего*, мы обязаны не допускать *ничего* из области явлений, о которых существует столько различных и противоречивых мнений». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* «И не без основания» (*фр.*).

¹³⁴ В ней знаменитый исследователь салпетриерских* феноменов (см.: *Etudes Cliniques sur l'Hystéro-Épilepsie ou Grande Hystérie*, par le Dr. Paul Rischer) сильно порицает в предисловии и письме к автору тех врачей, которые видят во всех явлениях галлюцинации, «единственно *псевдо*-психическую силу» и «предрасположение *de l'attention expectante*»* (теория Карпентера). Мы соглашаемся с мнением самого автора *Etudes Cliniques* в том, что вернее можно служить науке, довольствуясь пока изучением самых обыкновенных и грубых проявлений «истерики», дабы «приняться только со временем и с чрезвычайною осторожностью за более сложные феномены», как он говорит. Но никак не можем одобрить его, когда он добавляет: «*J'ajouterai même en négligeant complètement... les faits d'une appréciation beaucoup plus difficile, qui pour le moment ne se rattachent par aucun lien saisissable aux faits déjà connus*»***, потому что, ведь оставляя так бесцеремонно подобные «*затруднительные факты*», нечего и быть в претензии на спиритов, что они объясняют их по-своему. Нельзя также не заметить, что, соглашаясь с таким мнением Ришера, знаменитый гипнотизер Шарко этим самым заявляет и, так сказать, санкционирует *существование таких фактов*, а именно явлений, не подходящих ни к одной из теорий физиологии и невропатологических исследований – того неуловимого научным методом протеза, ставящего в тупик почтенного профессора салпетриерских покоев и которого ему никак не приходится сваливать в одну кучу с *истерическими явлениями*. «En présence de des faits l'évidence (явлений ясновидения и гипнотизма) le scepticisme prétendu scientifique, – объясняет доктор Шарко, – que quelques uns semblent affecter encore vis-à-vis de ces études, ne saurait plus être considéré que comme un scepticisme purement arbitraire, masquant à peine le parti pris de ne rien entendre et de ne rien voir»**** (стр. X)*****. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Салпетриер – больница в Париже.

** к выжидательному вниманию (*фр.*); см.: «Наиболее существенным условием со стороны самого больного в этом случае [при лечении внушением] является вера в действие симпатического средства или внушения, приводящая к ожиданию грядущего исцеления. Без этой веры, произвольным образом поддерживающей напряжение внимания в смысле предстоящего исцеления от недуга (так называемое выжидательное внимание), немисливо никакое психическое лечение, или лечение внушением, и остается рассчитывать лишь на действие материальных врачебных средств, которые, как показывает опыт, в некоторых случаях, безусловно, пасуют пред силою внушения» (*Бехтерев В.М. Гипнотизм, внушение и психо-терапия и их лечебное значение. СПб., 1911. С. 47*)

отворачивается с трепетом напускной брезгливости и бежит от них, как нечистая сила от ладана. Бывают, однако, случаи, когда нашей саркастической прессе приходится *quand même*¹³⁵ взглянуть неприятному факту в лицо, и даже серьезно признаться им. Это случается каждый раз, когда вследствие так называемого *суеверного* страха пред колдовством и чарами какой-нибудь одной личности целая деревня сжигает ее как ведьму или колдуна. Тогда законности ради и для удовлетворения общего любопытства газеты начинают распространяться о грустном проявлении «столь печального и непонятного суеверия в нашем народе».

Такой случай был года три-четыре тому назад в России, когда судили и *оправдали* целую деревню (человек шестьдесят, если не ошибаюсь) за сожжение старой, полоумной бабы, возведенной мужиками-соседями в достоинство ведьмы¹³⁶. Таким же неприятным вопросом пришлось признаться недавно и мадрасской печати. Только наши гуманные приятели-островитяне оказались менее снисходительными, чем русские присяжные: человек сорок курумбов и баддагов были в прошлом году повешены *sans bruit ni trompette*¹³⁷.

Всем памятна ужасная трагедия на Нильгирийских высотах, происходившая в деревне Эбанауд, всего в нескольких милях от Уттакаманда. Заболел у старосты ребенок и стал медленно умирать. Так как уже было несколько таинственных смертных случаев в течение прошедшего месяца, то и болезнь ребенка была тотчас же приписана баддагами «змеиному взгляду» курумба. Староста в отчаянии упал в ноги суду, то есть подал жалобу. Над нею англо-индийцы хохотали три дня, а *монегара* прогнали из суда в шею. Тогда бюргеры-баддаги решились на самосуд: сжечь всю деревню курумбов до последнего человека. Они умоляли одного тогда идти с ними поджигать: без тогда-де ни один курумб ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Такое уж у них поверье, и их в противном не уверишь. Собрав совет, тогда согласились: вероятно, их «буйволы так решили». Сопровождаемые одним тогда, баддаги отправились, и вот в одну темную, ветряную ночь они зажгли разом лачуги карликов. Ни один не спасся. По мере того как курумб выскакивал, баддаги бросали его назад в пламя вилами, убивали топорами. Спаслась только старая старуха, спрятавшаяся во время смятения в кусты: она и донесла. Арестовали много баддагов и с ними тогда, первого преступника с основания Утти из этого племени. Но им не довелось повесить

*** «Я добавлю то же самое, полностью оставляя в стороне... гораздо более затруднительные факты, которые на данный момент не связаны каким-либо понятным образом с уже известными фактами» (фр.).

**** «Перед лицом очевидных фактов (явлений ясновидения и гипнотизма) так называемый научный скептицизм, который некоторые, по-видимому, все еще затрагивают в отношении этих исследований, может впредь рассматриваться только как чисто произвольный скептицизм, едва скрывающий предвзятость, не желающую ничего слышать и видеть» (фр.).

***** Charcot J.-M. Préface // Richer P. Etudes cliniques sur l'hystéro-épilepsie ou grande hystérie. Paris, 1881. P. IX–X (Шарко Ж.-М. Предисловие // Рише П. Клинические исследования по истеро-эпилепсии или великой истерии. Париж, 1881. С. IX–X).

Поль Мари Луи Пьер Рише (1849–1933) – французский физиолог, художник-анатом, скульптор, художник-медальер.

¹³⁵ тем не менее (фр.).

¹³⁶ См.: Дело о сожжении колдуньи // Новости, 1879, №264, 15 октября; Народный самосуд // Новости, 1879, №266, 17 октября; Блюстин И.С. Порченые // Новое время, 1879, №1327, 7 ноября.

См.: «Эпидемия кликушества в России прививалась издавна то в той, то в другой местности. <...> Одна из таких эпидемий кликушества, развившаяся в 1879 г. в деревне Врачево Тихвинского уезда Новгородской губернии, кончилась даже сожжением подозреваемой в “порче людей” крестьянки [Аграфены] Игнатъевой. “Убеждение, что Игнатъева – колдунья, находило себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подвергались крестьянки той местности, где поселилась Игнатъева. Около Крещения 1879 г. Игнатъева приходила в дом к крестьянину Кузьмину и просила творогу, но в этом ей отказали; вскоре после того заболела его дочь, которая в припадке выкрикала, что попорчена Игнатъевою. Такою же болезнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконец, в конце января 1879 г. в деревне Врачево заболела дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликавшая перед смертью, что попорчена Игнатъевой”. Так как Иванова выкрикала, что попорчена Игнатъевою, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и приезжал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатъевой. “Крестьянин Никифоров просил крестьян защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкрикала больная Екатерина Иванова. Игнатъеву заперли в хате, заколотили окна и сожгли. 3-х участников приговорили к церковному покаянию, остальные признаны невиновными”» (Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 83–84).

¹³⁷ без лишнего шума (фр.).

его. Накануне смертной казни он неизвестно куда пропал, а человек двадцать баддагов успели умереть *от распухших животов* в тюрьме¹³⁸...

Это было несколько месяцев тому назад, а точно такая же драма разыгралась три года назад в Котагири. Напрасно защитники и даже правительственный адвокат настаивали на смягчающих обстоятельствах, глубокой вере всех туземцев в колдовство и совершаемое над ними безнаказанно курумбами зло. Они требовали если не помилования, то хоть отмены смертной казни. Все оказалось тщетным. Английские ученые могут еще поверить под более научным термином в существование «глаза» и порчи, английские суды – никогда. И однако же закон, который всего двести лет тому назад приговаривал ежегодно столько тысяч колдунов и колдуний к костру и пытке, до сих пор здравствует в Англии. Он остается без употребления, но до сего дня еще не отменен. Когда является необходимость вроде желания удовлетворить самодурную публику в лице ханжей и таких атеистов, как профессор Ланкастер¹³⁹, наказав американца медиума (Следа¹⁴⁰)¹⁴¹, то этот древний закон вызывается из пыли забвения и применяется к невиновному ни в чем, кроме непопулярности, «преступнику». Но в Индии этот закон бесполезен. Он мог бы даже сделаться вредным, напротив, показав туземцам, что было время, когда и их владыки разделяли «суеверие». Такова сила общественного мнения в Англии, что пред ним пасует даже закон!..

Это не диверсия, как то можно подумать, а события и замечания на оные, относящиеся прямо к нашему рассказу. История сожжения целой деревни курумбов, то есть не одинокой злополучной ведьмы, как в России, а уже *ста шестидесяти семи* человек колдунов с их колдуньями и колдунятами, невзирая на то, что в Индии много разыгрывается подобных этой ужасных драм, памятна каждому жителю в Уттакаманде...

Но не к этому мы теперь ведем речь. Наша задача в этом правдивом рассказе несколько более философского характера, смеем думать. Она не ограничивается описанием простого, весьма естественного преступления, совершенного в припадке безумного страха и злобы, нагнанных верой в роковую силу чар и колдовства. Равно она не останавливается на изжаренных ведьмах и колдунах, да несправедливо повешенных вольно практикующих торквемадах¹⁴², «вольно практикующих» именно в силу того, что не закон, а судьи не хотят признать чар и колдовства. Наша задача, как мы то сейчас покажем, стремится гораздо далее.

Во-первых, как секретарь общества, задавшегося целью изучать сколько возможно глубже все такие сложные психологические вопросы¹⁴³, я желаю доказать, что нет в мире «суеверия», которое не было бы основано на твердом грунте истины. Затем, проникнув, как я думаю, до корня

¹³⁸ См.: *Morgan E.H. Witchcraft on the Nilghiris // The Theosophist, Vol. 4, September, 1883. P. 321.*

¹³⁹ Эдвин Рей Ланкастер (Lankester, 1847–1929) – британский зоолог.

¹⁴⁰ Генри Слейд (Slade, 1835–1905) – американский медиум.

¹⁴¹ В 1876 г. Э.Ланкастер и Брайан Донкин обвинили Г.Слейда в мошенничестве.

«На днях происходил в Лондоне митинг спиритов. Правда, что на этом митинге присутствовало всего двадцать человек, но зато какую важную цель он имел в виду, какие благородные побуждения руководили его учредителями: дело шло о торжественном протесте против неслыханного поступка профессора зоологии Эдвина Рея Ланкастера, уличившего знаменитого медиума Слэда в обмане и потащившего его за это к полицейскому судье, который и чинит над ним теперь суд и расправу “за вымогательство денег от подданных ее величества королевы и обман”. <...> Репутация Слэда не давала покоя почтенному профессору, и это весьма понятно: представитель науки, доказывающий, что не только мужчина, но даже женщина, этот перл создания, происходят от обезьян, не мог не негодовать на человека, претендующего на роль посредника между людьми и духами. Поэтому Ланкастер дал себе слово вывести на чистую воду все проделки Слэда, уличить его в обмане и даже потащить в полицию» (Процесс спиритов // Новое время, 1876, №230, 10 октября).

«Мы сообщали читателям, что американский медиум доктор Слэд, который намеревался, по приглашению некоторых петербургских спиритов, посетить нынешнею зимою нашу столицу, встретил неожиданное препятствие к осуществлению своего намерения, очутившись приговоренным лондонским полицейским судом к трехмесячному заключению в смиренном доме в силу древнего *vagrant act*’а, т.е. постановления о бродягах, колдунах и тому подобных личностях, сознавших в сношении с неведомою силою. Теперь нам сообщают, что вследствие апелляционной жалобы Слэда приговор этот отменен» (Спирит Слэд // Новое время, 1877, №343, 11 февраля).

¹⁴² Томас де Торквемада (1420–1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании, отличался особой жестокостью, был инициатором преследования мавров и евреев в Испании. Имя Торквемады стало нарицательным для обозначения жестокого религиозного фанатика.

¹⁴³ Статья II статута Теософического общества гласит: «Вторая цель Общества – изучать тайны природы и присущие человеку сокрытые силы его», то есть *естественные*, хотя от неупотребления, быть может, атрофированные психологические силы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

вопроса о «колдовстве», я намерена показать на основании и свидетельства самой науки, что это народное чародейство разрабатывается под покровом ее и закона самими господами учеными; что колдовство, месмеризм, гипнотизм – просто синонимы; что все это проявления одной и той же месмерической силы или *гипнотизма*, ныне не только допускаемого, но даже преподаваемого как в клинике доктора Шарко, так и в разных других центрах науки.

Понятно, что я не могу надеяться разработать даже в его общем виде такой многосложный, трудный вопрос в простом рассказе. Надеюсь, однако, показать достаточно ясно, конечно, только тем, кто убедился в существовании так называемой месмерической силы, насколько заблуждались в течение стольких веков люди, глядевшие на этот вопрос с двух противоположных полюсов мнения. Говорю о тех, кто видели в этой внутренней, хотя и ненормальной, силе человека козни одного дьявола, как и о других, прямо и слепо отрицавших и отрицающих существование такой силы. Заблуждение первых повело к избиению сотен тысяч невинных людей; заблуждение последних ведет в наш век образованное человечество прямо к общественному мракобесию. По этому поводу и в прямом отношении с занимающим нас вопросом прошу позволения сделать маленькое отступление.

Нашему Теософическому обществу следовало бы, истины ради, наименоваться «Обществом недовольных современною *материальной* наукой». Мы – живой протест против грубого материализма дня столько же, как и против неразумного, слишком сжатого в узкой рамке сентиментальности верования в «духов» умерших и *прямого* сообщения между двумя мирами. Состоя в большинстве из людей не только лучшего общества Европы, но насчитывая между нашими членами много имен, известных в современной науке и литературе, мы дерзаем поэтому обходиться без прямой санкции *официальных* ученых обществ. Мы *ничего не заявляем и ничего не отвергаем*. Мы предпочитаем, так сказать, тактику выжидательную, не упуская, однако, случая пользоваться каждым выдающимся из рамки физических условий фактом, дабы затем выставить его на соображение публики. Пусть являются такие факты живым упреком бездействию науки естествознания и ее двигателям, не желающим, рутины ради, пальцем пошевелить для разъяснения тайных сил природы. А от этого разъяснения зависит нравственное и физическое благосостояние, быть может, сотен тысяч людей. За неимением этого разъяснения гибнут умы отцов и матерей семейств, ходят на воле миллионы спиритов, безвредная, но, тем не менее, угрожающая в будущем монomanия которых, право, не уступит галлюцинациям пациентов любого *желтого дома*¹⁴⁴.

Словом, мы ищем не одних только материальных, неопровержимых доказательств сути того, что в народе ходит под названием «колдовства», «знахарства» и «глаза», а в мистических кружках образованных людей зовется спиритическими явлениями, месмеризмом, наконец, просто *магией*, но желаем доискаться до зародивших все эти поверия причин, до самого начала той психической силы, которую физическая наука продолжает с таким странным упорством осмеивать и отрицать, вместо того, чтобы серьезно признаться ей и объяснить ее хотя бы поверхностно. Не добравшись же сначала до источника этой силы, не изучив и даже прямо отвергая ее существование, трудно, если не невозможно, отождествлять, как то думает сделать Шарко, бесчисленные разветвления этой тайной силы. Другими словами: вырыв общую яму под ярлыком «склада больших и малых истерий», сваливать в нее безразлично все проявления какого-то «неведомого», как его теперь величают в невропатологических клиниках, психического агента (*agent psychique*)¹⁴⁵, не значит объяснить что-либо профанам, а тем менее оказать услугу науке. «Агент» этот не объясняет *ровно ничего*.

Положим, что профаны науки из уважения к авторитету ее представителей и поверят, например, следующему: эпилептическая истерика (возбуждаемая чисто физиологическими беспорядками в отправлениях человеческого организма) есть *то же* самое, что самопляшущий карандаш в руке медиума, а пророческие, оправданные событиями изречения «вдохновенных» всех веков подходят под одну категорию с галлюцинациями чревоурачательницы *Mlle Amanda* «вследствие истерического раздувания газами ее большой кишки» (*sic*), а все эти четыре рода

¹⁴⁴ Психиатрическая больница (*усуп.*).

¹⁴⁵ См.: *Charcot J.-M. Préface // Richer P. Etudes cliniques sur l'hystéro-épilepsie ou grande hystérie. Paris, 1881. P.*

констатированных явлений, как нас важно поучают жрецы науки, происходят под совокупным действием «психического агента» и великой истерии, *la grande hystérie*.

Неужели мы должны думать, что эта неискоренимая вера народных масс в существование *колдовства*, что эта почти достоверно доказанная особенность смертных приобретать умение (вследствие ли науки или врожденных способностей) управлять организмом других, как мы то видим в месмерических и гипнотических явлениях, употребляя способности особ под таким влиянием на добро или зло, – неужели, повторяю, мы должны думать, что все это выходит из одного источника, подводится под один и тот же итог «большой истерии»? Мы вполне верим (потому что *знаем*, изучав такие силы годами), что в них нет *трансцендентных* проявлений. Но мы также знаем и то, что если они проявляются в совокупности с физиологическими и даже климатическими особенностями¹⁴⁶, которые всегда влияют на психическую сторону человека, вызывая и зарождая разные ненормальные в нем явления, то эти *силы* все-таки *не то*, чем их нам представляют материалисты и физики. Поэтому достаточно ли убедительна для серьезных, развитых и даже иногда очень ученых людей эта презрительная манера «авторитетов» бросать в лицо им насмешку или обвинение в невежественной (якобы) вере в магию при каждой попытке разъяснения таких странных явлений, а затем повернуться к ним спиной, ничего не объясняя? Не следует ли прежде всего доказать научно: 1) Каким это образом «великая истерия» и ее *консорт*¹⁴⁷ «психический агент» так могли повлиять на человечество *в массе*, что у него одновременно и с самой его колыбели развилась дикая идея о колдовстве и вера в магию? 2) Вследствие каких симпатических, однохарактерных эволюций этой таинственной *пары* зародилась в людях с доисторических времен¹⁴⁸ на всем земном шаре между народами, не сообщавшимися между собою никогда и совершенно друг другу неизвестными, такое общее понятие, такая единоклубная вера в вещи совершенно одинаковые в сути и подробностях?

Чем объяснить такую веру? Чему приписать, например, тот странный факт, что между дикими племенами «Голубых гор», которые никогда не слыхивали про наших русских ведм, существуют во всех подробностях, от заклинаний в устах русских знахарей до особенной фармацевтики, составов зелий и пр., совершенно те же поверья, какие находим и в русских деревнях? Те же, как по духу, так и по букве, «суеверия» мы открываем в английской, французской, немецкой, итальянской и испанской, как и в славянских народностях. Латинские расы подают руку славянским, а арийские и туранские семитам в их общей вере в магию и чары, в ясновидения и предвидения, в злых и добрых духов, в древних, средневековых и современных ведм¹⁴⁹. Называя эти поверья «тождественными», употребляя слово в его буквальном, а не в

---

¹⁴⁶ Чаще всего в разреженном воздухе на горах, как мы то видим в Шотландии, где дар предвидения, ясновидения и духовидения присущ почти каждому горцу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁴⁷ супруг (англ.).

¹⁴⁸ Никто не станет, надеюсь, менее всего наши ученые, отрицать *доисторической* древности халдейских магов, египетских иерофантов и *сраманов* Индии? А все эти народы верят испокон века в *колдовство* и *магию*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* Шрамана (санскр. śramaṇa, пали samaṇa) – странствующий монах, аскет, религиозный подвижник в Древней Индии. Важной отличительной чертой шраманов являлось отрицание авторитета Вед. В качестве примера шрамана можно привести Будду.

¹⁴⁹ С появлением сочинения Ляярда *Ниневия и Вавилон* новый свет пролит на *Книгу Эноха* и универсальность науки, называемой «магией», бывшей вместе и религией всех древних народов. На чашках, кувшинах и другой посуде из *terra-cotta**, найденной в развалинах Вавилона и Ниневии, разобраны надписи (Томасом Эллисом, директором отделения рукописей в Британском музее**), в которых мы находим заклинания, описание талисманов против чар и колдовства, злых духов, болячек, глазу и скоропостижной смерти, как и имена духов***. В подлиннике все это составлено по-халдейски в смеси с древнееврейскими словами и написано буквами, общими наречию и языкам сириакскому**** и пальмирскому с древним финикийским. Между прочими словами находится ныне употребляемое даже в христианской церкви, не только в древней магии, слово «аллилуйя». Им начинаются и кончаются все заклинания. Вот что замечает переводчик *Книги Эноха* с эфиопского языка и рукописи (в Бодлейской библиотеке*****) архиепископ Ричард Лоренс (archbishop of Kashi): «...Благодаря превратностям (*vicissitudes*) языков, слово, употребляемое древними язычниками-заклинателями и колдунами, теперь перешло в нашу святую христианскую церковь!»***** Мы же к этому замечанию можем прибавить следующее: не в том диковина, что слово, бывшее в употреблении между израильтянами, вероятно заимствованное ими от вавилонян во время плена, перешло к христианам, а в том, что те же халдейские заклинания *слово в слово*, те же на первый взгляд бессмысленные тирады наших ворожей мы находим и узнаем не только в России, но и у краснокожих индейцев***** Америки, у перувианцев***** и, наконец, у курумбов и тоддов Голубых гор Индии. Слово «аллелу, аллелу!» мы слышали не раз в заклинаниях одного муллу-курумба. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

относительном смысле. Это уж не просто вера или суеверие в колдовство в его общем отвлеченном смысле, а экземпляры одного и того же издания международной науки с ее неизменными законами, формулами и т.д. в их применении на практике.

---

* Терракота (*ит.* terra «земля, глина» + *cott*a «обожженная») – керамические неглазурованные изделия из цветной глины с пористым строением.

** Томас Эллис (ок. 1819–1856) – английский востоковед.

*** См.: *Layard A.H. Discoveries among the ruins of Nineveh and Babylon. New York, 1853. P. 434–445 (Лейард О.Г. Открытия среди руин Ниневии и Вавилона. Нью-Йорк, 1853. С. 434–445).*

Остин Генри Лейард (1817–1894) – английский ассириолог, путешественник, историк искусства, коллекционер, политик и дипломат.

**** сирийский.

***** Бодлеанская (Бодлеянская, Бодлианская) библиотека (Bodleian Library) – библиотека Оксфордского университета.

***** Ричард Лоуренс (Laurence, 1760–1838) – английский гебраист и англиканский священник, архиепископ Кашела (с 1822 г.).

***** См.: *The Book of Enoch the Prophet. London, 1883. P. XIV.*

***** В тексте: индийцев; по-английски слова «индеец» и «индиец» пишутся одинаково: Indian.

***** перуанцев (*англ.* Peruvian).

Глава VI

Благодетельная болотная лихорадка. – Современный случай колдовства «хука-мелла». – Колдовство официальной науки. – Какая разница между гипнотизатором¹⁵⁰ и колдуном? – Случай в Париже и случай в Уттакаманде.

Nam tua res agitur, paries cum proximus ardet¹⁵¹.

Само собою разумеется, что чиновная или официальная Англо-Индия, равно как и все европейцы-скептики, не обращают внимания на трансцендентальные качества «психизма», как выразился бы Dr. Карпентер, тоддов и курумбов. Для них эти качества не существуют. Скептики или обходят всякий такой случай осторожным молчанием, или же в самых поразительных случаях относят загадочную смерть того, кто навлек на себя мщение колдунов, если это был европеец, к болотной лихорадке¹⁵², а когда жертвой является туземец, то непременно приписывают кончину *случайно лопнувшей селезенке*.

Мы уже имели случай упоминать об этом столь оригинальном в Индии органе. Если наука в Европе не успела еще определить достаточно ясно функций селезенки, то англо-индийские чиновники изучили ее в совершенстве. Селезенка играет у нас во всех подозрительных случаях скоропостижной смерти, особенно вследствие драк и когда победителем остается англичанин, такую же универсальную роль, какую во Франции играет в явлениях ясновидения *le grand boyau hystérique*¹⁵³. Разрешая легко и быстро самые загадочные дилеммы в умах ученых Франции и судей в Индии, оба этих органа оказывают, таким образом, замечательные услуги человечеству. Недаром нильгирийские врачи с их вечною болотною лихорадкой так сердят почтенную мис[три]с Морган!

До какой степени доходит у судей презрение к истине и как легко человеку быть посаженным в Индии в тюрьму, если он туземец, видно из следующего случая, только что совершившегося в Галагхате¹⁵⁴ (Ассам). Речь идет, конечно, опять о *колдовстве*¹⁵⁵.

Какого-то брамина обокрали. Невзирая на все его усилия, он не мог найти ни вора, ни вещей. Тогда он решился прибегнуть к ворожке, известной в Ассаме под названием *хука-мелла*, или «самодвижущаяся палка». Он послал за известным в городе колдуном по имени Махидхар, который пришел к нему в дом и, вырезав на месте бамбуковую палку, стал на пороге дома и стал поджидать прохожих. В то самое время проходил по улице писарь комиссионера¹⁵⁶, некто Рохпар. Он его подозвал и, объявив в чем дело, спросил: желает ли он помочь брамину отыскать его украденные вещи. Рохпар согласился и тут же взял в руки палку, над которою Махидхар только что произнес целый ряд заклинаний и мантр...

Не успел Рохпар дотронуться до бамбука, как им словно овладела какая-то сила. Он пустился бежать, крича, что палка приросла к его руке и что она тащит его. За ним, конечно, побежала большая толпа и обворованный брамин. Прибежав к небольшому *танку* (стоячая вода в большой цистерне), Рохпар прямо ткнул тростью в неглубокую воду и сказал: «Ройте здесь». Спустив воду, стали рыть и нашли часть украденных серебряных вещей. Ободренный успехом брамин пожелал найти остальное. Махидхар прочел снова свои заклинания над тростью и опять вложил ее в руку Рохпара. Та же сцена, то же неудержимое влечение вперед. На этот раз писарь побежал по другому направлению, к дереву неподалеку от дома брамина.

– Копайте здесь! – закричал он людям.

---

¹⁵⁰ гипнотизером (*фр.* hypnotiseur).

¹⁵¹ «Тебя самого касается, когда горит дом соседа» (*лат.*) (*Гораций*. Послания, I, 18, 84).

¹⁵² Этот род лихорадки не сваливает человека с ног до последней минуты. Болезнь проявляется в виде непрерывной деятельности, неутолимой палящей жажды. Больной, можно сказать, умирает на ногах. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁵³ истерия толстой кишки (*фр.*).

¹⁵⁴ Гувахати (*англ.* Guwahati).

¹⁵⁵ См. *Assam News*, мая 29 1884. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁵⁶ Комиссионер – торговый посредник, который продает и покупает товары от своего имени, но за счет и по поручению поручителя за оговоренное вознаграждение (комиссию).

Стали копать и, разрыв землю, нашли остальное. Засим полиция, вероятно, не довольная таким легким способом отыскания украденной собственности, при котором ей ничего не перепало, арестовала Рохпара и препроводила в полицию, обвиняя его самого в краже вещей. Его посадили в тюрьму по одному подозрению и, продержав предварительно несколько дней, повели в суд пред грозное лико судьи мистера Трайборна. Обвиняемый, конечно, не сознавался. В присутствии публики и всего суда он рассказал, как было дело: он говорил, что проходил мимо дома брамина, которого он не знал, и что согласился на опыт, даже не веря в него. Во всяком случае, говорил он (и очень рассудительно), будь он похитителем украденных вещей, он, конечно, никогда бы не пошел тою улицей и не согласился бы сделаться сыщиком. Затем он рассказывал, что, взяв *волшебную* палку в руку, он терял оба раза сознание; что не он нес палку, но сама палка увлекала его и пр. Невзирая на то, что никто, кроме полиции, не являлся его обвинителем, а напротив, огромная толпа людей, присутствовавших при «хука-мелле», показывали за него, да и сам его начальник ручался за него, судья, ярый материалист, приговорил несчастного юношу-брамина к тюремному заключению *на год и три недели!*

Он подал апелляцию в высший суд. Но мистер Лётманн Джонсон¹⁵⁷, новый судья, только утвердил приговор на том мудром основании, что если он нашел вещи не колеблясь, то, стало быть, знал наперед, где они находятся, а если знал, то нет ни малейшего сомнения, что «он или сам вор, или же укрыватель».

Таким образом, карьера бедного юноши испорчена навсегда, а материализм торжествует.

Само собой разумеется, что мы не верим ни в *волшебные* палки, ни в ворожбу в той форме, в какой она нам является в Индии вообще, а на Голубых горах особенно. Но мы верим в магнетическую силу, в ясновидение и сомнамбулизм. А веря в него, имеем право осуждать судью, который, отрицая *все*, не допускает возможности того мгновенно овладевающего человеком состояния, которое называется магнетизерами *état lucide*¹⁵⁸.¹⁵⁹ Во всяком случае, людей сажают *на год* в тюрьму за недоказанное преступление только в Индии.

Не думаю, чтоб я очень ошибалась, заявляя мнение, что полудикие курумбы владеют полным арсеналом той силы, только часть которой пока открыта учеными гипнотизаторами Сальпетриерского госпиталя и которая находится более или менее в распоряжении у магнетизеров. То же и касательно тоддов, сохранивших эту науку, которую, вероятно, их праотцы приобрели во времена глубочайшей древности.

Дело, впрочем, не в том, обладают ли или нет оба племени такую силу. Отрицать поголовно показание стольких незаинтересованных лиц, что как тодды, так и курумбы одарены «странною психическою силой», по выражению генерала Моргана, становится трудным, если не невозможным. Для нас, живущих в Индии, это вопрос давно решенный. Но теперь остается узнать: какая разница существует (кроме очевидных, с одной стороны, благодетельных, с другой, убийственных результатов ее) между этою силой, как она проявляется у тоддов и как она заявляет себя у карликов. Затем, решив этот вопрос, сколько то будет возможно, придется выбирать между двумя родами дилеммы: отнести эту силу либо к одному, либо к другому. Нам остается или верить в колдовство, или в возможность того, во что сама наука начинает верить.

В сведениях, собранных нами о тоддах и курумбах, есть много отдельных случаев, где выказывается открыто то, что мы называем месмеризмом, а теперь гипнотизмом. Если тодды лечат, как лечил иногда Гиппократ¹⁶⁰ и древние иерофанты египетских храмов, действием солнца, пользуясь электрическим действием его лучей при помощи магнетических пассов руками или животного магнетизма, то муллу-курумбы во время своих заклинаний и чар употребляют положительно все приемы фессалийских¹⁶¹ колдуний, сколько мы о них знаем из классиков. Они пользуются луною и ее вредными в известные времена года лучами, собирают травы и варят из

¹⁵⁷ «Judge & magistrate Luttmann Johnson» (*Assam News*). – Примечание Е.П.Блаватской.

* «Судья и магистрат Лутман Джонсон» (*англ.*).

¹⁵⁸ осознанным состоянием (*фр.*).

¹⁵⁹ Мы тем более верим в невинность Рохпара, что ознакомились в Индии с этим родом *колдовства*. У нас украли золотые часы и брошку, и они были найдены в тот же день девочкой пяти лет, к руке которой факир привязывал такую палку. Девочку привезли нарочно для этого из деревни, так как она *субъект, un sujet*. А факир, или *баба* (отец), не взял даже и вознаграждения. – Примечание Е.П.Блаватской.

¹⁶⁰ Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – древнегреческий врач и философ, «отец медицины».

¹⁶¹ Фессалия – исторический регион на северо-востоке Греции на побережье Эгейского моря.

них зелья, употребляют кровь, обладают, наконец, секретом, но вероятнее всего, врожденною у них, как у змей, способностью *очаровывать выбранную жертву взглядом*. Магнетизер делает то же. Разница между ученым гипнотизатором, который передает приказание *субъекту* мысленно и заставляет бедную честную девушку совершать бессознательно непристойности словом и действием при публике¹⁶², и курумбом, который, завладев хитростью доверчивым баддагом, заставляет его красть и учинять всякие другие преступления «как бы в припадке полного бессознания или опьянения»¹⁶³, – разница, говорим мы, небольшая. Между образованным гипнотизатором-парижанином и колдуном муллу-курумбом мы ее находим только в степени.

Французу потребуется еще двести лет прежде, нежели он дойдет до *знания* муллу-курумба, до его искусства управлять по-своему мышлением и действиями слабейшего в сравнении с ним человеческого организма. Искусство архитектуры развивалось среди человечества тысячелетиями. Крот не учился в университетах, а подводные постройки бобра послужили людям моделью. Природа часто бывает самым мудрым из профессоров. Многие из произведений средневекового зодчества валяются зарытыми в пыли итальянских мостовых; стены циклопов стоят доселе не расшатанными...

Чтобы показать наглядно, до чего приемы европейца-«гипнотизатора» и курумба-колдуна схожи между собою и что в явлениях обоих действует *одна и та же* сила, приведу два примера: один – из научных опытов французского врача, другой – из наблюдаемых нами случаев на Нильгири. «Но то в Индии! – нам скажут. – В стране невежества и суеверия!» Так вот мы и начнем с примера, случившегося во Франции почти на наших глазах только прошлую весной и при многих свидетелях.

Во французских журналах, а затем и в шведских в переводе появилась чрезвычайно замечательная статья, за которой последовало несколько других, а затем присылавший их в газету (кажется *Temps*) врач замолк. Этот врач, магнетизер в Лилле, уже несколько лет делает замечательные опыты под руководством Шарко и других парижских светил. В своих опытах он дошел до того, что управлял усыпленным субъектом мысленно, то есть не выражая приказания громко, а просто задумав его или написав желание на бумаге и отдавая его на сохранение третьему лицу. По его уверению, он таким образом был в состоянии произвести следующее, еще невиданное явление, которое Шарко назвал бы *acte par suggestion*¹⁶⁴, даже иногда не сейчас, а в какое угодно назначенное время, иногда чрез месяц, даже чрез несколько месяцев.

Он делал, например, следующее: стоя пред усыпленным субъектом, он или говорил ему тихо, почти неслышно, на ухо, или же просто повторял мысленно, или же, наконец, ради удовлетворения скептицизма приятелей записывал такую фразу:

«Чрез месяц (или чрез столько-то дней) такого-то числа и в такой-то час я приказываю ему (субъекту) сделать то или другое». Следовало приказание и подробности его исполнения. Субъект просыпался, ничего не помня. Чрез месяц такого-то числа и в означенный магнетизером час и минуту, чем бы субъект ни был в то время занят, он исполнял приказание буквально, с необычайною точностью и невзирая ни на какие препятствия. Он это делал машинально, сам не зная для чего, и хотя не знал за минуту до того, что он совершит то или другое, по совершении акта он смутно помнил все, хотя и не мог объяснить, почему он это именно сделал.

Эти интересные, но и опасные опыты разыгрались драмой, а затем прекращены, кажется, надолго.

---

¹⁶² Мы лично видели это в Париже, а близкая родственница, посетившая Сальпетриер*, вознегодовала было на двух учеников Dr. Шарко, которые потешались таким образом над беззащитною больною девушкой. Это у них называется *actes par suggestion*** – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* См.: *Желиховская В.П.* В области оккультизма и магнетизма // *Одесский вестник*, 1884, №166, 26 июля; №172, 2 августа; №181, 14 августа; №184, 18 августа.

Вера Петровна Желиховская (1835–1896) – писательница и драматург, сестра Е.П.Блаватской.

** действиями под внушением (*фр.*).

¹⁶³ «As though under the influence of trance or of a full intoxication»* – слова из протокола по делу, которое рассматривалось в катагирском суде по обвинению баддага в воровстве. Баддаг приводит этот факт в свое оправдание. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* «Как будто под воздействием транса или полного опьянения» (*англ.*).

¹⁶⁴ действием под внушением (*фр.*).

В С. жил, да и теперь еще живет, потому что все это случилось весной 1884 года, полицейский агент, *un agent de sûreté*¹⁶⁵, как их зовут, знакомый врачу. То был здоровенный, толстый человек 35 лет, чрезвычайно набожный и вне служебных дел очень мягкого характера. Врач нашел в нем превосходного субъекта. Захватив бедного агента в свою власть, он совершал над ним всевозможные опыты. Вот что, согласясь наперед с приятелями, он, наконец, сделал.

Агент спал. Ни зажженные пробки, ни глубокие уколы булавками под ногтями, ни пистолетный выстрел над самым ухом не могли разбудить его. Словом, он находился в каталептическом состоянии¹⁶⁶. Тогда врач ушел с тремя приятелями в другую комнату, и один из них, написав на бумажке приказание, отдал его магнетизеру. Тот, вернувшись к субъекту, прочитал *pro se* написанное и мысленно приказал агенту совершить ровно чрез три недели в два часа пополудни следующее преступление:

«Вот малайский острый нож, – сказал он ему *мысленно*, подавая ему небольшую деревянную линейку. – Я его прячу в этот шкаф. Такого-то числа в два часа пополудни вы возьмете его, невзирая на замки и засовы. Вы отправитесь с этим ножом в публичный сад и увидите в (такой-то) аллее у седьмого дерева садовника, наклонившегося над цветником и поливающего растения. Вы подкрадетесь к нему незаметно и убьете его, вонзив этот нож три раза в спину жертвы. Затем вы возьмете лопату и, вырыв у корня дерева яму, зароете тело и отправитесь в полицию, где и расскажете своему начальнику о преступлении, но не выдавая себя, а взвалив его на немца-мясника, который, пока вы будете зарывать тело, будет стоять возле вас и смеяться...»

Агент проснулся разбуженный врачом, конечно, ничего не помня. В какой бы ужас и негодование пришел добродетельный агент, если бы знал о данном ему поручении. В означенный день магнетизер с хохотавшими заранее приятелями приготовился к ожидаемой сцене и поместился в комнате, где была спрятана в шкафу линейка. В назначенный день ровно в два часа бедный блюститель порядка находился на своей службе. Оставив свой обсервационный¹⁶⁷ пункт на улице, он *дезертировал*, по выражению его сурового начальника. Он, лучший из полицейских агентов, которого ставили в пример всем другим, учинил в тот же день преступление №1. Ровно за пять минут до двух часов на улице произошла драка. Когда прогудел второй удар на ближайших городских часах, он записывал в своем *carnet de police*¹⁶⁸ имена буянов. К удивлению собравшейся толпы и двух буянов, которые уже приготовились вследствие *procès verbal*¹⁶⁹ провести ночь в кутузке, агент мгновенно уронил свой *карне*¹⁷⁰, вытаращил глаза и быстро, словно автомат, в котором завели ход, повернувшись на каблуках, пошел по улице и, поворотив за угол, исчез из глаз присутствующих. Все это совершилось так быстро, что когда, опомнившись от изумления, толпа бросилась за ним, то нашла, что его и след простыл. Агент исчез, и все решили, что он сошел с ума.

В эту самую минуту он входил в дом врача не в дверь, которую он нашел нарочно запертою, но в калитку сада, которую он, не задумавшись, выломал. То было преступление №2.

Войдя в комнату, где сидел магнетизер с приятелями, агент в своем глубоком гипнотическом состоянии даже и не заметил их. Он направился прямо к шкафу, где лежала линейка, в его воображении «малайский нож», и, найдя шкаф запертым, вынул железные клещи из кармана и сломал замок. Все это он делал автоматически, не торопясь, но и весьма быстро. Достав линейку, он спрятал ее под мундир и, озираясь во все стороны, как бы боясь быть замеченным, прокрался назад из дома на улицу. Это было преступление №3. Доктор с приятелями, конечно, последовали за ним и очень близко, так как он, очевидно, не замечал никого.

Затем он пошел к означенному магнетизером публичному саду. Сад был полон *боннами*¹⁷¹ и детьми, но та аллея, куда он направился для совершения *четвертого* и самого ужасного в этот день преступления, была к удовольствию четырех наблюдателей пуста...

Воображаемая драма делалась с каждым часом интереснее...

¹⁶⁵ сотрудник органов безопасности (*фр.*).

¹⁶⁶ Каталепсия – состояние, когда человек находится как бы во сне, при этом у него снижается чувствительность к внешним и внутренним воздействиям.

¹⁶⁷ наблюдательный (*фр. observation*).

¹⁶⁸ полицейском блокноте (*фр.*).

¹⁶⁹ протокола (*фр.*).

¹⁷⁰ блокнот (*фр. carnet*).

¹⁷¹ Бонна (*фр. bonne*) – воспитательница маленьких детей в семье.

У входа в аллею агент остановился и стал считать деревья. Он находился в видимом затруднении. По мнению врача, мысль, переданная им агенту, не довольно ясно отразилась в голове субъекта: он не знал, на какой стороне аллеи ему следовало увидеть жертву. Но он колебался недолго. Не найдя того, что он искал на правой стороне, он стал считать деревья на левой и вдруг, нагнувшись, совсем прилег на землю. Он вероятно *увидал* садовника и приготовлялся убить его...

Он походил в эту минуту на дикого зверя, рассказывали очевидцы. Его обыкновенно доброе, честное и немного глуповатое лицо преобразилось. Его крепко стиснутые зубы и полуоткрытый рот, его широко открытые глаза, выразившие, невзирая на их стеклянную неподвижность, нечто дикое, жестокое и решительное, – все это, взятое вместе, испугало своею реальностью экспериментаторов. Но их страх скоро перешел в ужас, когда их субъект стал разыгрывать с поразительною верностью действие воображаемого зверского убийства. Он стал подкрадываться к невидимому для всех, кроме его одного, садовнику тихо и осторожно, то припадая низко к земле, то выпрямляясь и делая огромные прыжки. Наконец, он достиг означенного дерева и, вынув линейку из-за пазухи, ринулся на жертву и вонзил линейку три раза в воздух. Нагнувшись как бы над телом, он долго смотрел на него, вытирая все время линейку от крови, которая для него была такую же, вероятно, реальностью, как и он сам для наблюдавших за ним.

Словом, он исполнил до малейших подробностей задуманную врачом драму. Вырыл воображаемую лопатой воображаемую яму и зарыл в ней несуществующее тело. Потом он вышел из сада и пошел по направлению полицейской префектуры. Но тут драма оборвалась, и эпилог не мог быть разыгран. Он встретился лицом к лицу со своим начальником, которого, впрочем, не узнал. Комиссар, видя, что он не обращает на него внимания и не отвечает на его зов, подозвал двух полицейских и велел его арестовать. Но тут проявилась во всей своей ужасной реальности сила месмеризма, гипнотизации, колдовства, назовем это как угодно. Агент одним взмахом руки далеко отбросил от себя двух товарищей, бывших гораздо сильнее его, и продолжал идти вперед так же спокойно, как бы его ничего не останавливало. Тут к счастью подоспел доктор-магнетизатор и остановил руку комиссара, который уже собирался стрелять в бунтовщика-агента из револьвера. Он его умолил подождать несколько минут.

Подбежав к субъекту, он в несколько пазух окончательно вывел его из гипнотического состояния. Но на нем лежала более трудная обязанность: спасти агента от серьезных последствий, убедив его начальника, что он действительно находился в продолжение этих двух часов в состоянии невменяемости, что он, словом, совершил между другими воображаемыми преступлениями ряд проступков против службы бессознательно и должен быть прощен в силу этого.

В этом-то и состояла трудность и вместе торжество месмеризма. Опытный гипнотизатор вышел великолепно из затруднения. Производя над агентом, что называется на языке магнетизеров *passes contraires*¹⁷², он приказал ему помнить даже наяву его инструкции. «Помните, – приказывал он ему мысленно, – вы должны свалить на мясника преступление. Покажите вашему начальнику орудие смерти – малайский нож. Вы знаете, как и все знакомые мясника, что этот нож его собственность».

Затем произошла драма-комедия. Совершенно очнувшийся *sieur*¹⁷³ А. (агент) вдруг огорошил собравшуюся публику формальным донесением начальнику, что он оставил свой пост для предупреждения преступления, но, к сожалению, явился слишком поздно. Прибежав в сад, он нашел там мясника над телом несчастного садовника и успел вырвать у него один нож, который он и имеет честь представить начальству.

И, вынув линейку, он ее серьезно и торжественно подал комиссару. Тот, конечно, как и все присутствующие, зная, что «*ce malheureux*»¹⁷⁴ никогда не пил, тут же решил, что он сошел с ума.

Тогда врач и его три приятеля выступили вперед и, прося начальника повременить [с] приказаниями, стали укорять агента во лжи. «К ужасному преступлению, – говорили они, – вы присоединяете еще худшее: клевету на невинного человека. Это вы сами убили садовника. Мы следили за вами, мы видели, как вы троекратно вонзили в его спину этот ужасный малайский

---

¹⁷² противоположными пассажами (*фр.*).

¹⁷³ господин (*фр.*).

¹⁷⁴ «несчастный» (*фр.*).

нож... Покайтесь лучше, сознайтесь в вашем преступлении... Это одно может облегчить вашу участь».

Теперь ни комиссар, ни все увеличивающаяся толпа ровно ничего уже не понимали. Они сочли их [в] одну минуту всех сумасшедшими...

Но что должен был почувствовать начальник, когда его любимый агент, упав пред ним на колени, громко покался пред всею толпой в своем ужасном преступлении. Комиссар, говорят, побледнел и кончил тем, что поверил. Он приказал «преступнику» вести себя на место убийства, что тот не колеблясь и сделал, повторив еще раз, что он зарыл тело под деревом и что это видел мясник, на которого он поэтому и пожелал свалить вину...

«*Malheureux! Malheureux!*» (несчастный), – повторял его начальник на все лады, когда врач, подойдя, объяснил ему галлюцинацию его агента. Тогда комиссар страшно рассердился и не поверил. Только тогда, когда, разогнав толпу, он отправился с несколькими полицейскими на «место преступления» и увидел, как агент все еще под влиянием галлюцинации указал ему на нетронутое место под деревом, уверяя его, что «вот кровь... а вот и труп», и как затем он выходил из себя, не понимая, почему другие не видят трупа, комиссар понял, что это не шутка врача, но что под нею кроется нечто более серьезное, нечто действительно ужасное, хотя он и не может еще понять, как это все случилось. Когда агента спросили, притворяясь, что верят ему, почему он, честный, заслуженный сержант, совершил такое страшное, бесполезное преступление, то он отвечал, опустя голову, что *не знает*. «Меня влекла непреодолимая сила, – говорил он, – сила, которой я был не в состоянии противиться и которая заставляла меня думать и чувствовать, что я поступаю прекрасно, что так и должно быть сделано». Когда ему кто-то напомнил о старухе-матери, у которой он был единственным сыном, агент горько заплакал, но продолжал видеть пред собою зарезанный им труп и равнодушно толкал его ногой...

Это продолжалось, пока не позвали якобы убитого садовника. Когда тот подошел к нему и спросил, почему он клеветает на себя, агент упал без чувств.

– Это ничего, – повторял смущенно врач, – я его сейчас же повергну в новый сон и прикажу ему забыть все происшествия этого дня... Поверьте, от этого не останется никаких печальных последствий...

Но он ошибался. Когда агент пришел в себя, то в нем явились все признаки белой горячки. Он пролежал в больнице три месяца и только недавно выписался из больницы. Из добродушного, веселого и здорового малого он сделался болезненным скелетом, пугливым, нервным и подозрительным... По словам рассказчика, барона дю Г***, очевидца всей этой драмы, «*l'impression fut telle que la mort seule pourrait l'effacer du cerveau du pauvre diable*»¹⁷⁵!

Между мщением комиссара, да и всей полиции, нареканием клерикалов и архиепископа, видевших в такой силе одного человека над другим козни дьявола, бедному врачу пришлось плохо. Он увидел себя вынужденным оставить родной город и переехать в Париж. Рассказывают, будто бы публикация этого происшествия была задержана стараниями клерикалов и полиции – *pour l'honneur du corps*¹⁷⁶.

Но это не помешало странной истории всплыть на свет Божий. Ее перепутали, изменили подробности и стараниями заинтересованных лиц сделали жандарма из полицейского агента, а из публичного сада Лилля – больничный сад в Париже. Но если бы даже пришлось нам довольствоваться официальным и немного сглаженным донесением¹⁷⁷, то и этого было бы слишком достаточно для нашего сравнения. Газеты, рассуждая о происшествии и приводя много других чудес гипнотизации, произведенных известным врачом в Париже под наблюдением Ж.Б.Корреа (*Korrae*), упростили рассказ. «Жандарм привели в сон, – говорят они, – и доктор приказывает ему (слово в слово, как показано нами) совершить преступление. Жандарм просыпается, схватывает линейку и прокрадывается в сад, но мы следим за ним из окна и видим, как он подходит к дереву» и пр. и пр. Вернувшись в комнату доктора в клинике, он начинает кричать: «Арестуйте меня!.. Я убийца и подлец!.. Я запятнал свою доселе непорочную жизнь напрасным и зверским убийством. Я зарезал человека!..» «Зачем же вы это сделали?» «Не знаю,

¹⁷⁵ «впечатление было такое, что только смерть сможет стереть все это из мозга бедняги» (*фр.*).

¹⁷⁶ ради корпоративной чести (*фр.*).

¹⁷⁷ См. *Journal of Medicine* (за август, Лондон), *New York Home Journal* (август 1884) и лондонские журналы. –

меня что-то побуждало. Он мне ничего не сделал, но смотрел на меня (то есть дерево) с вызывающим видом. У меня был в руке нож (линейка) и я вонзил его ему в спину... Я слышал, как он заскрипел на его ребрах! Спасите меня, спасите!» И жандарм упал без чувств.

Барон Г*** был свидетелем всего происшествия; он был одним из приятелей врача, которые присутствовали при этом деле от начала до конца. Очевидно, полиция не желала, чтобы такой скандал, учиненный хотя бы и в бессознательном состоянии одним из «своих», появился полностью во всех газетах. Вследствие этого и явилась маленькая перемена декораций.

Но если дело было даже и так, как его рассказывают газеты и сам Ж.Б.Корреа (а мы видали чудеса еще удивительнее этого), все-таки какая же разница между такою властью гипнотизатора и колдовством?

В параллель к этому мы опишем чары одного муллу-курумба над мальчиком, которого мы лично знали на Голубых горах, а затем попросим сравнить.

Между Коттагири и Утти живет семейство евразиев, людей довольно зажиточных. Оно состояло несколько лет тому назад из старухи-матери, двух сыновей и сироты-племянника, воспитанного с колыбели старухой в память ее младшей умершей сестры.

Старуха, г-жа Симпсон, была женщиной доброй и очень набожной. Сыновья служили в канцелярии губернатора, а мальчик, которому было тогда лет одиннадцать, ходил в школу миссионеров. Говоря другими словами, после полудня он был совершенно свободен и делал, что ему хотелось.

Как и всех детей на здоровых живописных горах Нильгири, его оставляли бродить одного по аллеям и чащам «города» по собственному усмотрению. Утти – город только на картах Мадраса; в европейском смысле это город только по имени. Кроме маленького туземного квартала в большом провале, на дне которого тянутся двумя рядами деревянных сараев базар и лавки, а кругом, по крутым бокам провала, лепятся, будто гнезда ласточек, туземные лачуги, в Уттакаманде нет ни одной улицы. Там есть великолепная ратуша, собор, больницы, клубы и даже магазины в летнее время, но улиц все-таки нет. Дачи, коттеджи, виллы разбросаны оазисами как попало; на неровной поверхности сотни небольших и высоких холмов, густо покрытых большими деревьями, а местами заросших настоящим лесом. Здания построены обыкновенно у подошвы холма или большой скалы для защиты от ветра среди огромных садов, парков и плантаций, отгороженных от дорог живою изгородью. От задов частных зданий тропинки ведут часто в почти непроходимые чащи на склоне соседней горы, куда редко заходит нога европейца.

По вечерам и ночью довольно опасно пешему выходить из дома, особенно без оружия, и переходить эти чащи. Неожиданная встреча с леопардом, а иногда и с тигром, не говоря о свирепых диких кошках, удерживает дома всех, кто живет далеко от расчищенного центра города или не имеет экипажа.

Дом старухи Симпсон находился далеко от главных аллей Утти, и как раз за домом начиналась такая чаща. Мальчику было запрещено ходить в нее. Но он страстно любил птиц. У него был целый сарай, освещенный большими окнами и уставленный кадками с растениями, превращенный им в птичник. Там у него находились всевозможные породы птиц, от попугаев до *колибри* Голубых гор, крошечного «*ной-му*». Не было только нильгирийской ласточки. Это маленькое желтое создание, чрезвычайно дикое и хитрое, летает очень высоко и его почти невозможно заманить в силки.

Однажды увлекаемый своею страстью, он забрел очень далеко от дома в самую глубь чащи. Пред ним прыгала с одного дерева на другое «ласточка», и он старался поймать ее. Так он пробегал за нею до заката солнца.

Если сумерек нет в долинах Индии, то в Утти, окруженном со всех сторон большими горами и скалами, переход от дня к темной ночи совершается почти мгновенно.

Увидя себя в густом лесу почти в совершенной мгле, мальчик испугался и поспешил домой. Но с его обувью случилось дорогой нечто, заставившее его сесть в первой просеке на камень и снять сапог. Пока он опорожнял его и разглядывал, стараясь найти уколотившую ему ногу почти до крови колючку, с дерева соскочила ему почти на голову дикая кошка. Тогда, видя как не менее его самого испуганный зверь с детенышем во рту ошетинился, приготовляясь атаковать его, несчастный мальчик страшно испугался и закричал на весь лес. Но в ту же минуту две стрелы, вонзаясь в бок зверя, заставили его, выронив из пасти котенка, покатиться кубарем вниз в глубокий

ров. Два курумба, грязные, полунагие, отвратительные, выскочив из засады, тотчас же овладели убитым животным и заговорили с мальчиком, смеясь над его трусостью...

Муллу-курумбы не диковинка в Утти. Их можно всегда найти на базарах. В то время как «медовые» *тейны*-курумбы никогда не приближаются к жилым местам, их братья «муллу» (курумбы *терновника*) как бы ищут сношений с белыми, между которыми они часто живут *аннами* и *пейсами* (копейками)¹⁷⁸ за разную черную работу и услуги. Поэтому и маленький евразий вместо испуга почувствовал, напротив, благодарность к двум курумбам, так кстати избавившим его от когтей дикой кошки.

Он говорил на их языке, как и все евразии, родившиеся на этих горах. Боясь идти далее один, он уговорил их довести его до дома, обещая им рис и водки дома. Они согласились, и все трое отправились вниз. Дорогой он им рассказал о своем затруднении насчет ласточки, и курумбы обещали ему за небольшое вознаграждение заманить несколько этих птичек в его сети. Курумбы славятся своим искусством как охотники: они ловят так же легко малую птицу и зверька, как и убивают тигра и слона. Как звероловы они первые на горах. Они условились встретиться на другой же день в долине и идти на лов пташек. Словом, они подружились.

Вернувшись домой, мальчик рассказал тетке об услуге, оказанной ему карликами. Та дала им несколько медных монет и немного водки, но тотчас же отослала их. Старуха, как и все евразии, была очень брезглива относительно «негров» вообще. *Esprit fort*¹⁷⁹, она называла все рассказы о могуществе «колдунов» баснями, но ее отвращение к маленьким чудовищам, в этом случае весьма естественное, было очень сильным. Она запретила племяннику всякие с ними сношения, и мальчик, боясь потерять случай добиться, наконец, для своей коллекции желанный экземпляр птицы, не сказал ей поэтому ни слова о своем проекте охоты с ними на другой день.

Они встретились, и он вернулся в тот же вечер с парой желтых ласточек. Увлекаемый своею страстью к птицам и возбужденный охотой, бедный мальчик забыл в тот день всякое чувство отвращения, даже и не заметил, как часто его руки приходили в соприкосновения с руками курумбов, которые его несколько раз трогали. Под предлогом похвалы его клетчатому, яркого цвета пиджаку они проводили несколько раз по его спине. Бедный мальчик, он был еще ребенком. Имея до того времени весьма мало сношений с туземцами, которых его приучали презирать с малых лет как идолопоклонников и «негров», он, вероятно, и не слыхивал, до какой степени боятся опасных карликов те, чья кровь текла на пятьдесят процентов и в его жилах.

Здесь следует рассказать, как курумбы ловят птиц. Для поверхностного наблюдателя эта операция весьма проста и незамысловата. Для внимательного она представляет любопытное явление.

Карлик берет небольшую жердочку и, повертев ее в руках, словно полирует ее, он ее прикрепляет фута на два¹⁸⁰ от земли на первом попавшемся кусте. Затем он ложится в нескольких шагах оттуда на землю спиной вверх и, устремив глаза на заранее выбранную им птицу, если она только скачет там, *где он ее может видеть*, курумб терпеливо ждет. Вот что рассказывает К.Бетлор, бывший не раз очевидцем такой *охоты*.

«В это время глаза курумба принимают странное выражение... Я замечал такое же только во взгляде змеи, когда она, поджидая добычу, устремляет его на жертву, *очаровывая* ее, а также в глазах черных жаб Майсура. Неподвижный, стеклянный взгляд этот сияет словно внутренним холодным светом, притягивает к себе и вместе отталкивает. За несколько рупий один курумб согласился дозволить мне присутствовать при его ловле. Птица порхает и чирикает, беззаботная, веселая, деятельная. Вдруг она останавливается и точно прислушивается. Склонив головку набок, она остается несколько секунд неподвижною; потом, встрепенувшись, видимо силится улететь. Она иногда и улетает, но весьма редко. Обыкновенно ее словно что-то притягивает в очарованный круг, и она начинает бочком приближаться к жердочке. Ее перышки взъерошены, она тихо и жалобно пищит, а все же подвигается маленькими, нервными скачками... Наконец, она возле «очарованной» жерди. Одним скачком она перепрыгивает на нее и – судьба ее свершилась!.. Она уже не может сдвинуться с жерди и сидит на ней точно приклеенная. Курумб бросается на бедное

¹⁷⁸ Анна – разменная индийская колониальная монета, равная 1/16 рупии.

Пайс (*англ.* pice) – мелкая монета в Индии до 1950 г., 1/64 часть рупии.

¹⁷⁹ атеистка (*фр.*).

¹⁸⁰ 0,6 м.

очарованное создание с быстротой, какой позавидовала бы любая змея; дайте ему только несколько медных грошей вдобавок условленной платы и он пожрет птицу живую на месте с когтями и перьями!...»¹⁸¹

Таким образом, двое курумбов поймали пару желтых ласточек для маленького Симпсона. Но они *поймали* вместе с этим и самого мальчика. Один из курумбов «очаровал» его, как очаровывал птиц. Он завладел его волей, стал управлять помышлениями, сделал из него положительно бессознательную вещь, которою и орудовал по воле, как гипнотизатор полицейским агентом. Вся разница между двумя процессами состояла в том, что доктор начинал с видимых пассов, употреблял научный метод магнетизации. Курумб не делал ничего подобного: он, вероятно, только *поглядел* на него во время ловли, *дотронулся* до него.

С того дня с мальчиком произошла видимая перемена. Он сделался скучным, вялым, перестал играть и бегать. Здоровье его не изменилось и аппетит оставался здоровым, но он как будто постарел на несколько лет, и домашние часто замечали, что он ходит точно во сне. Скоро в доме стали пропадать серебряные вещи, ложки, сахарницы, даже серебряное распятие, а затем и золотые вещи г-жи Симпсон. Между домашними поднялась тревога. Невзирая на все предосторожности и старание поймать вора, вещи пропадали одна за другою из крепко запертого железного шкафа, ключ от которого никогда не покидал старухи... Полиция, к которой обратились, оказалась бессильною напасть на след вора. Подозрение падало на всех и не могло остановиться ни на ком. Прислуга в доме была старой, и госпожа Симпсон ручалась за нее, как за самое себя.

Однажды вечером, получив из Мадраса пакет, в котором было тяжелое золотое кольцо, старуха, спрятав его в железный шкаф и положив ключ от него под подушку, решила не спать всю ночь. Для бóльшего успеха она даже отказалась выпить свой обычный стакан пива на сон грядущий. Она уже замечала некоторое время, что, выпив его, она как бы тяжелела и тотчас же засыпала.

Мальчик спал в чуланчике возле ее спальни. Часа в два пополуночи дверь из чулана отворилась и при свете ночника она увидела входившего племянника. Она чуть не спросила громко: что ему нужно, но разом спохватилась и со страшным замиранием сердца притаила дыхание. Он действовал точно во сне. Глаза его были широко раскрыты, а лицо имело, как она рассказывала на суде, выражение суровое, почти зверское. Он прямо подошел к ее кровати, тихо вынул ключ из-под подушки, так тихо и ловко, что она скорее видела, нежели чувствовала его руку под собою. Затем он отпер шкаф, пошарил в нем, запер, снова возвратил ключ под подушку и ушел в чулан.

Таково было присутствие духа у госпожи Симпсон, что она осталась неподвижною после этого еще несколько времени. Ее любимый племянник, ребенок – вор! Но куда же он девает украденные вещи? Она решила ждать до конца и узнать тайну во всей ее полноте.

Тихо и быстро одевшись, она заглянула в чулан. Племянника там не было, но дверь во двор была отворена. Последовав за ним по горячим следам, она тоже вышла и увидела его мелькающую тень у птичника. Ночь была лунная, светлая. Она ясно заметила, что нагнувшись у окна, он что-то зарывает в землю. Тогда она решила ждать до утра. «Мальчик – лунатик, – подумала она, – вероятно, и все остальные вещи там найдутся. Будить его и пугать теперь напрасно»...

Она вернулась к себе, но не прежде, чем убедилась, что ребенок тоже вернулся в свой чулан. Проходя мимо его каморки, она убедилась, что он спит крепко, хотя его глаза были так же широко открыты, как и тогда, когда он подошел к ее постели за ключом. Это ее изумило и страшно испугало. Она долго стояла над ним, но решение ее «ждать до утра» не покинуло ее.

На другое утро, призвав сыновей, она рассказала им подробно ночную сцену. Они отправились с нею к замеченному ею месту у птичника и скоро нашли свежеразрытое место. Но там ничего не оказалось. Очевидно у мальчика были сообщники.

Как только он вернулся из школы, умная старуха, поняв, что, расспрашивая его, она, вероятно, ничего не узнает и только затруднит еще более раскрытие темного дела, приняла его по обыкновению, накормила завтраком и только зорко наблюдала за ним. Вставая по окончании

---

¹⁸¹ Бетлор – известный охотник в Мадрасе, родом канадец. Вместе с У.Девидсоном они путешествовали несколько лет по поручению Орнитологического общества, см. журнал *Stray Feathers*, издаваемый этим обществом, и *Birds of India*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

завтрака, чтоб умыть руки, она сняла с себя кольцо и нарочно оставила его на столе. При виде золотой вещицы глаза мальчика загорелись, и, полуотвернувшись, г-жа Симпсон ясно видела, как он быстро препроводил кольцо в карман. Затем он встал и равнодушно вышел из дома. Но тут с поличным она его остановила.

– Где мое кольцо, Том? – спросила она. – Зачем ты взял его?..

– Какое кольцо? – равнодушно отвечал мальчик. – Я не видел вашего кольца...

– Но оно у тебя в кармане, маленький негодяй! – закричала она, дав ему пощечину. И бросаясь на спокойно стоявшего мальчика, она вынула кольцо из его кармана и показала ему. Мальчик не сопротивлялся.

– Какое же это кольцо?.. – сердито спросил он ее. – Это горсточка золотого зерна... Я взял его для своих птиц... За что вы бьете меня?..

– А все серебряные и золотые вещи, которые ты украл у меня за эти два месяца, тоже только зерна, по-твоему, негодный лгун и воришка? Куда ты их девал?.. Говори сейчас или я пошлю за полицией!.. – кричала старуха в ярости.

– Никаких вещей я у вас не крад... Я никогда ничего не брал без позволения, кроме немного зерна и хлеба... для птиц...

– Где ты воровал зерно?

– У вас в шкафу... Но ведь вы сами позволили мне брать его. Такого золотого зерна нет на базаре, иначе я и этого бы у вас не просил...

Мистрис Симпсон поняла, что она находится лицом к лицу с какою-то непонятною для нее загадкой, со страшною тайной, разъяснить которую она не может, но что мальчик – припадок ли то с ним безумия или хронического сомнамбулизма – говорит лишь правду или то, чему он сам вполне верит...

Она догадалась, что сделала промах. Тайна далеко не разъяснилась. У мальчика должны быть сообщники, и она их откроет... Она притворилась, будто ошиблась и сознает свою ошибку. Сердце ее обливалось кровью, но она довела свой опыт до конца.

– Скажи мне, Том, – начала она уже ласково, – ты не помнишь, когда я тебе дала позволение брать для твоих птиц золотое зерно из железного шкафа?..

– В тот день, когда я добыл своих желтых пташек, – объяснил сурово мальчик. – За что же вы побили меня?.. Вы сами сказали мне: бери ключ у меня под подушкой, когда тебе нужно; бери золотое зерно, оно здоровее для твоих птиц серебряного... Ну я и брал... Да его уж и мало осталось там, – добавил он с сожалением, – а без него мои птички все умрут!..

– Кто это тебе сказал?

– Он, тот, кто поймал для меня пташек и помогает мне кормить их.

– Кто же этот он?

– Не знаю, – с усилием отвечал ребенок, потирая себе лоб. – Не знаю... Он, вы же его много раз видели... Он был здесь и три дня тому назад во время обеда, когда я взял на тарелке дяди серебряное зерно, которое он положил на нее для меня... Он сказал: бери; дядя кивнул мне головой, я и взял.

Мистрис Симпсон вспомнила, что в тот день, то есть за три дня до того, таинственно пропали со стола десять серебряных рупий, которые ее сын только что вынул, чтобы заплатить счет. То была самая таинственная, необъяснимая из всех случившихся пропаж.

– Кому же ты отдал зерно?.. Ведь вечером не кормят птиц...

– Я его отдал ему за дверью. Он вышел до окончания обеда. Да ведь [в] тот день мы обедали днем, а не вечером...

– Как днем, в восемь часов вечера разве день?

– Не знаю, но то было днем... ночи совсем не было... да ее давно уже нет!

– Господи! – заплакала старуха, всплеснув руками в ужасе. – Ребенок сошел с ума, он совсем обезумел!..

Но вдруг ее озарила мысль.

– Ну так возьми и это золотое зерно, – сказала она, подавая ему свою брошку. – Возьми и покорми птиц, а я посмотрю...

Мальчик схватил брошку и радостно побежал в птичник. Там, по рассказу его тетки, произошла сцена, которая убедила ее окончательно в расстройстве умственных способностей ее

маленького племянника. Он бегал вокруг клеток и сыпал птицам воображаемое зерно. Многие из клеток были пусты. Вероятно, птицы часто кормились таким образом. Но мальчик, очевидно, не замечал отсутствия птиц; он *тер брошку* между пальцами, как бы сыпая с нее зерно, говорил с несуществующими птицами, свистал им и радовался.

– Теперь, *aunt* («тетя»), я отнесу остальное на сохранение *ему*... Он прежде велел зарывать остаток вот тут, под окном, но сегодня утром приказал принести ему туда... Только вы не ходите за мной... а то он не придет...

– Хорошо, мой друг. Ты пойдешь один, – притворилась старуха.

Задержав его под каким-то предлогом на полчаса, она послала тихонько от мальчика за базарным сыщиком и, посулив хорошую плату, приказала ему следовать незаметно за ребенком, куда бы он ни пошел.

– Если он что кому передаст, – распорядилась она, – то арестуйте того человека: он вор.

Сказано – сделано. Сыщик, призвав на помощь товарища, следовал целый день за мальчиком. Под вечер они увидели его идущим по направлению к чаще. Вдруг из-за кустарников выскочил уродливый карлик и поманил к себе мальчика, который направился к нему тотчас же, как автомат. Увидев, что ребенок *сыплет* ему что-то на руки, сыщики в свою очередь выскочили из своей засады и арестовали курумба с поличным в руках – золотой брошкой.

Курумб, впрочем, отделался несколькими днями ареста. Против него не было ни малейших улик, кроме брошки, которую мальчик, как он объявил, отдавал ему добровольно: по его уверению, «неизвестно по какой причине». На суде показания маленького Симпсона, который бредил про «золотое зерно» и не узнавал курумба, оказались неподходящими. Во-первых, он был малолетним, а затем врач объявил его *неизлечимым идиотом*. Его свидетельство, равно как и спутанные показания г-жи Симпсон, которая знала лишь то, что ей говорил этот же неменяемый мальчик, пошли за ничто. Даже свидетельство сыщика, которое имело бы вес, так как он знал этого курумба за укрывателя украденных вещей, не могло быть заявлено. В день ареста сыщик заболел, а чрез неделю, за несколько дней до суда, он умер. Видно, «селезенка лопнула»! Его товарищ, поставленный на очную ставку с курумбом, которого он же помогал арестовать, клялся и божился, что не видал ничего и ничего поэтому не может сказать. Сыщик приказал задержать человека, он и помог задержать. Кроме этого, он не мог показать ровно ничего. Так этим история и кончилась.

Мы видели несчастного мальчика, которому теперь, впрочем, лет двадцать. Когда его нам показали, мы увидели толстого с отвислыми щеками евразия, который, сидя на скамейке за воротами, стругал палочки для клеток. Птицы все еще его преобладающая страсть, как и прежде. Он кажется умственно здоровым в отношении всего, кроме денег, золотых и серебряных вещей, которые продолжает называть «зерном». Впрочем, после того как родные отправили его в Бомбей, где он провел под присмотром несколько лет, и эта мания начинает у него проходить. Не проходит только одно: его неудержимое желание *брататься* с курумбами. Он находится хотя и на свободе, но под строгим присмотром родных.

Кажется, было бы лишним доказывать, что «одурение», насылаемое курумбами на человека, и «гипнотизация» французского врача – *одна и та же сила*, пусть ее называют чем угодно.

Позволю себе кончить эту главу, напомнив читателю сказанное Вольтером¹⁸² в его *Dictionnaire philosophique*¹⁸³.

«Свидетельство о чем-либо должно считаться достаточным, когда оно основано:

1) На большом числе рассудительных очевидцев, заявляющих единодушно, что виденное ими они видели хорошо.

2) Когда эти очевидцы здоровы телесно и умственно.

3) Когда они выказали себя беспристрастными в этом деле и без всякого лицепрятия.

4) Когда они единодушно соглашаются.

5) Когда они серьезно подтверждают раз показанный факт».

Эти условия исполнены в нашем рассказе все до одного в отношении *чар* и *колдовства* муллу-курумбов.

¹⁸² Вольтер (наст. имя Франсуа-Мари Аруэ, 1694–1778) – французский философ.

¹⁸³ «Философском словаре» (*фр.*).

Посмотрим, однако, будут ли наши показания, подкрепленные свидетельствами стольких беспристрастных очевидцев, приняты скептиками. Или же публика за немногими исключениями все-таки по своему обыкновению пожелает остаться, невзирая на всю философию Вольтера, *plus catholique que le pape*¹⁸⁴ ...

---

¹⁸⁴ бóльшим католиком, чем сам папа (*фр.*).

Глава VII

Заключение.

Tempora mutantur et nos mutamur in illis¹⁸⁵.

«Ich bin der Geist der stets verneint».
Faust (Goethe)¹⁸⁶.

Наша сказка-быль окончена. Хотя собранных нами фактов о «колдовстве» на Голубых горах достало бы на три больших тома и хотя все такие случаи проверены, мы кончаем пока на этом. Наша цель заключалась не столько в воспевании тоддов и муллу-курумбов, как в том, чтобы, показав публике их *modus operandi* в делах «белой» и «черной» магии, лишить колдовство его сверхъестественного колорита. Мы старались доказать, что пословица «глас народа – глас Божий» не лишена основания. Все дело состоит в отсутствии предубеждений и лицеприятия, да в правильном воззрении на такие выходящие из ряда вопросы.

А теперь дадим и нравоучение фабулы. Постараемся показать, что материализм Бюхнера и Мошотта¹⁸⁷, позитивизм Гёксли¹⁸⁸ и других английских поклонников протоплазмы¹⁸⁹ и их немецкого барда Геккеля¹⁹⁰ если еще не находятся на смертном одре, то, во всяком случае, получили смертельную рану и носят в себе зародыш собственного и весьма скорого разложения.

Если лондонское «Психическое общество исследователей»¹⁹¹, во главе которого стоят столько членов «Королевского общества» и столько знаменитых ученых и литераторов, профессоров и философов, теперь уже смело стало печатать свои «Трансакции»¹⁹² и научные

¹⁸⁵ Времена меняются, и мы меняемся с ними (*лат.*).

¹⁸⁶ «Я дух, всегда привыкший отрицать». «Фауст» (Гёте) (*нем.*, пер. Б.Л.Пастернака).

¹⁸⁷ Людвиг Бюхнер (1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель, крупнейший представитель материалистического направления в европейской философии.

Якоб Мошотт (Moleschott, 1822–1893) – итальянский физиолог и философ, представитель вульгарного материализма.

¹⁸⁸ Томас Гексли (1825–1895) – английский зоолог, палеонтолог, эволюционист и агностик, считал материалистическое понимание жизни единственно плодотворной естественнонаучной гипотезой.

¹⁸⁹ Т.Гексли считал протоплазму «физической основой жизни».

См.: «Не так обстоит дело с теорией профессора Гексли из “Физической основы жизни”*. Невзирая на угрожающее большинство “нет” со стороны его германских собратьев-ученых, он создает универсальную *протоплазму* и дает назначение ее клеткам отныне стать священными источниками принципа всей жизни. Провозглашением идентичности последней в живом человеке, в “мертвой баранине”, в жалящей крапиве и в омаре; заключением жизненного принципа в молекулярную клетку протоплазмы и лишением ее божественного вдохновения, приходящего в течение последующей эволюции, он как бы запирает все выходы, не оставляя лазейки» (*Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Т. I. Гл. I).

* См.: *Huxley T.H.* On the Physical Basis of Life. New Haven, Connecticut. 1870.

¹⁹⁰ Эрнст Геккель (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ-позитивист. В книге «Естественная история творения» (1868) он высказал идею о зарождении жизни из неживого, о возникновении организмов не от предков, а в результате спонтанного их появления из некоего раствора. Утверждение Геккеля не было подкреплено никакими данными и представляло собой заявление чисто мировоззренческого характера. Геккель предположил, что должны существовать некие примитивные объекты, некое промежуточное звено между неживой материей и одноклеточными организмами. Он выдумал и нарисовал группу доклеточных протоплазменных организмов, которые он назвал «монерами».

¹⁹¹ «Общество психических исследований» (ОПИ; *англ.* «The Society for Psychical Research», SPR) – британская некоммерческая общественная организация, образованная в 1882 г. в Лондоне У.Барреттом и Э.Д.Роджерсом с целью научного изучения явлений и человеческих способностей, которые принято называть «психическими» или паранормальными. В числе основателей общества были известные ученые своего времени: Э.Герни, Ф.У.Г.Майерс, Г.Сиджвик, У.Крукс. Первым делом Общество создало шесть подкомитетов для изучения: а) передачи мысли (телепатии), б) месмеризма, гипнотизма и родственных явлений, в) «экстрасенсов» (Sensitives) и медиумов, г) видений и привидений всех типов, д) левитации, материализации и других видов физического медиумизма, е) для сбора информации и исторических сведений по всем этим предметам и темам.

¹⁹² См. *Transactions of the Society for Psychical Research**, журнал общества (Trübner**, London); см. *Proceedings of the S.P.R.*, книжка за июль, речь председателя Психического общества профессора Бальфура Стюарта***. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

* «Труды Общества психических исследований» (*англ.*).

** Николай Трюбнер (1817–1884) – немецко-английский издатель, книготорговец и лингвист-востоковед.

опыты над всевозможными психическими явлениями, то, быть может, пришло время и русским ученым взглянуть на трансцендентальные феномены медиумизма немного посерьезнее.

Повторяем: *abusus non tollit usum*¹⁹³. Грубые шутки и остроты над одной из самых непроницаемых тайн веков в настоящее время как бы вдруг замерли в лучших европейских журналах, а наука, по крайней мере, в Англии если еще и не сказала своего последнего слова, то, по крайней мере, начинает впервые серьезно присматриваться к так называемым феноменам психизма в человеке. Первые в мире авторитеты по части физиологии и биологии, даже доселе непоколебимый Гёксли, принуждены были один за другим сдаться пред следующим явлением: «передачей мысли», *thought transference*. Мысль невысказанная и охраняемая в тайнике мозгов экспериментатора вдруг передается, озаряет мышление другого человека без помощи которого-либо из известных нам пяти чувств. Эта способность почти что доказанный теперь факт в науке.

То, что еще несколько лет назад называлось *неученою* публикой «сверхъестественным», а *переученою* – сумбуром; то, что еще так недавно клеймилось как суеверие, бредни, обман, начинает приобретать права гражданства, мало-помалу прокрадывается в каталог научной терминологии. Ирвинг Бишоп¹⁹⁴ и его соперник Стюарт Кёмберланд¹⁹⁵ – оба шарлатаны, об этом не спорим, но что оба обладают способностью, особенно первый из них, читать мысли в головах самых скептических экспериментаторов – тоже *доказанный* факт.

Этими опытами весь заинтересованный психическими явлениями люд обязан вышесказанному обществу.

Но что такое «Психическое общество исследователей»?

А вот что. После того как вместо благодарности химик Крукс за свои трехлетние наблюдения и опыты с медиумами получил от своих «коллег» одну брань да оскорбления, в продолжение нескольких лет никто из известных ученых Англии не смел следовать его примеру. Но спиритические явления не прекращались, а шли не только своим чередом, но в своем разнообразии и количестве постоянно увеличивались. Несколько ученых под покровом ночи стали снова осторожно и неслышно пробираться в запрещенные официально наукой и общественным мнением лагеря. Серьезно исследовав некоторые явления, они объявили их действительностью: сперва под шумок, а затем и во всеуслышание. Получив опять отпор у «начальства», то есть у великих тузов Королевской академии, они решились на отчаянный шаг: они основали в своей среде общество и назвали его *Society for Psychical Research*.

Это было около трех лет тому назад. Главными деятелями общества явились профессора из Оксфорда и Кембриджа и профессор Баррет из Дублина. Мало-помалу общество стало приобретать членов. Учредились коллатеральные¹⁹⁶ общества; появились *commis voyageurs*¹⁹⁷ для разыскания всяких «психических» явлений; завелась корреспонденция сперва в одной Англии, затем почти во всех углах земного шара, даже нечто вроде *Comité de Surveillance*¹⁹⁸ был учрежден над главными медиумами. Все феномены спиритизма, месмеризма, ясновидения и так называемого «духовного зрения» (*second sight*¹⁹⁹ – дар, как всем известно, чрезвычайно обыкновенный в Шотландии) наблюдаются и записываются.

Приступают они к делу разумно и очень тщательно. Дабы уяснить и доказать реальность таких явлений, «Общество психических исследований», обладая большими средствами от годового взноса членов и пожертвований, учредило целую сеть интернациональных комитетов, составленных из людей беспристрастных, ученых и *не* спиритов. Спириты не принимаются в его комитет. Эти исследователи (*investigating committees*²⁰⁰) только и делают, что собирают сведения о

*** См.: Proceedings of the Society for Psychical Research, Vol. II, June 30, 1884. P. 187–188 (Записки Общества психических исследований, 1884, т. II, 30 июня. С. 187–188).

См.: General Meeting // Journal of the Society for Psychical Research, Vol. I, №6, July, 1884. P. 92 (Общее собрание // Журнал Общества психических исследований, 1884, т. I, №6, июль. С. 92).

¹⁹³ злоупотребление не отменяет употребления (*лат.*).

¹⁹⁴ Вашингтон Ирвинг Бишоп (1855–1889) – американский «чтец мыслей».

¹⁹⁵ Стюарт Камберленд (Cumberland, 1857–1922) – английский «чтец мыслей».

¹⁹⁶ побочные (*англ.* collateral).

¹⁹⁷ коммивояжеры (*фр.*).

¹⁹⁸ комитет по контролю (*фр.*).

¹⁹⁹ ясновидение (*англ.*).

²⁰⁰ следственные комитеты (*англ.*).

странных явлениях и случаях «двойников» не от спиритов или особ, склонных к спиритуализму, а от личностей, известных своею правдивостью, скорее заинтересованных доказать противное, от людей образованных, с положением в обществе, а главное от *очевидцев* таких явлений. Таким образом, собрано почти в первый год и в одной Англии до 7000 случаев.

Для разборки и проверки таких случаев наряжают над ними настоящие следствия, комиссии, в которых роль следователей играют ученые, адвокаты, судьи и особенно известные своею принципиальностью законники (*lawyers*²⁰¹). Затем протоколы передаются на рассмотрение главных ученых, которые, выбрав самые замечательные из явлений, анализируют²⁰² их, совершая лично научные опыты с медиумами *à la*²⁰³ Крукс и Цёльнер.

Сперва они действовали очень осмотрительно и осторожно, подвигаясь медленно, но верно. Бóльшая часть из ученых двигателей общества была пока только открыта убеждению: она выжидала. Но теперь есть много и таких, которые совершенно и вполне верят: они убедились²⁰⁴.

Психисты закончили тем, что одною силою фактов завербовали мало-помалу некоторых из первых английских и французских ученых. Теперь общество находится под председательством известных профессоров Бальфура Стюарта и Сиджуика (Sidgwick) из Кембриджа, и в нем работают профессор Оливер Лодж (восходящая звезда химии), профессор Баррет и пр. – все члены Королевского общества. А желаете знать, о чем они рассуждают, каким явлением занимаются преимущественно в настоящий год? Загляните в их ученый журнал за июль, и вы увидите: *собираем фактов от очевидцев о виденных ими привидениях*²⁰⁵!! Да, об этом вопросе, который Королевское общество не допустило бы еще так недавно проникнуть даже на свои кухни, английские ученые рассуждают, держат о нем прения так же серьезно, как бы вместо «материализованных» покойничков дело шло о лучистой материи Крукса! Знамение времени!

Хотя члены-корреспонденты и комитет Психического общества принимают по своим статутам свидетельства о разных констатированных явлениях только от очевидцев; хотя такие очевидцы должны быть обязательно: а) лицами хорошо известными и всеми уважаемыми в своих околотках; б) по возможности *не* спиритами (показания отъявленных поклонников «духов» если не во всяком случае отвергаются, то должны всегда быть приняты *cum grano salis*²⁰⁶), и с) особами почтенными во всех отношениях, но, невзирая на все эти ограничения, число собранных случаев о привидениях как *живых* лиц, так и *умерших* превысило ожидания самих «спиритов». Никому и в голову не приходило, чтобы в одной Англии являлось столько «привидений» вне спиритических кружков...

Психическое общество ученых исследователей заключило свою трехлетнюю деятельность собранием около 3000 вполне доказанных визитов не то *d'outré tombe*²⁰⁷, не то *двойников*. В последнем ежемесячном заседании общества в Лондоне в председании²⁰⁸ профессора Бальфура Стюарта читались протоколы, и лекторы рассуждали о характере таких явлений. Залы были битком набиты публикой, преимущественно аристократией, очень падкой в Англии на странствующих мертвецов. Кроме аристократии, было великое множество теософов и спиритов. Защитники теории о «духах» торжествовали; теософы молчали и выжидали.

Спич секретаря²⁰⁹ был знаменателен.

---

²⁰¹ юристы (*англ.*).

²⁰² анализируют (*фр. analyser*).

²⁰³ как (это делают) (*фр.*).

²⁰⁴ Многие из них, принадлежа в то же время к Теософическому обществу, приводят обе ассоциации в постоянное соприкосновение и сношения. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁰⁵ См.: Myers F.W.H. Specimens of the classification of cases for «Phantasms of the Living» // Journal of the Society for Psychical Research, Vol. I, №4, May, 1884 – №12, January, 1885 (*Майерс Ф.У.Г. Образцы классификации случаев «призраков живых»*) // Журнал Общества психических исследований, т. I, 1884, №4, май – 1885, №12, январь).

Фредерик Уильям Генри Майерс (1843–1901) – британский поэт, филолог, критик и эссеист, один из основателей Общества психических исследований.

²⁰⁶ с осторожностью (*лат.*).

²⁰⁷ с того света (*фр.*).

²⁰⁸ председательствовании (*устар.*).

²⁰⁹ Mr. Edmund Gurney. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Эдмонд Герни (1847–1888) – английский психолог, писатель, один из основателей Общества психических исследований.

– Мы ищем пока, – говорил он²¹⁰, – первопричинность таких явлений не в трансцендентальной физике, а в области физической психологии... Все наше внимание и исследования обращены в настоящую минуту на феномен *явлений призраков живых людей*, то есть на то, что мы все давно знаем под именем «двойников» (*Doppelgänger*). Мы оставляем на время случаи (они в меньшинстве) явления людей умерших... Мы должны выбирать между теориями спиритов и теософов. Одни видят в них духов умерших, другие – *двойников живых* или же только что умерших людей. До сих пор результаты наших исследований склоняются скорее к теориям и учению теософов, нежели к объяснениям спиритов²¹¹.

Этого нам только и надо. Научное доказательство существования *двойников* у живых людей должно установить и возможность показанных нами фактов о посещении курумбами в «астральном» теле своих жертв, а затем установить и реальность самого колдовства. Только тогда может оно, не теряя ни своего условного, ни своего фактического значения, перейти в сферу доказанных наукой психических фактов, быть вполне разоблаченным и понятным. То было бы огромным важным шагом вперед в истории всего человечества. Свет истины озарит тогда все темные углы векового суеверия. Много загадочных, необъяснимых и поэтому отвергаемых фактов из области так называемых «спиритических» явлений примут тогда более правдоподобный и естественный колорит. *Колдовство* с его темными чарами и ведьмами на первом плане явится тем, что оно есть: то есть психофизиологическим явлением, которое должно было бы давно уже, со времени первых стуков в столах и мебели, занять главное место в исследованиях биологов.

Допустим на одну минуту ради сравнения, что такой полуматериальный двойник существует в человеке²¹². Затем вспомним реальность и силу виданных многими гипнотических или месмерических явлений. Эти тоже, и почти во всей их полноте, доказаны научными наблюдениями. Теперь посмотрим, где, в чем существует *логическая невозможность* «колдовства» и его явлений.

Что такое в самом деле «колдовство»? Начнем с так называемого «глаза» или «порчи». Это просто передача невидимым и неуловимым способом болезней, несчастий, смерти людям и даже животным. Биологи и физиологи, отрицая такую возможность, имеют столько же права отвергать ее, как и другой параллельный ему факт, в который они, однако же, верят, а именно: в передачу столь же неуловимым и доселе весьма малообъяснимым ими процессом *прилипчивых болезней*. Допуская гипотезу невидимых зародышей в воздухе, бактерий и тому подобных предположений, почему им не допустить того же в области духовной или, как это называют, «психизма»? Если они допускают существование какой-то *психической* силы, исходящей из глаз и оконечностей одного человека, которая, будучи направлена им на другого человека, силой ли одной воли или при помощи металлов, завладевает его помышлениями и органами – то есть *гипнотизм*, – то какое же они имеют право, не рассмотрев и никогда еще не изучав приемы *колдовства*, отрицать возможность действия в нем той же силы?

Мы говорим прямо: зло, причиняемое так называемым колдовством (грубым месмеризмом или, по его настоящей кличке, гипнотизмом), не есть пустые басни. Оно существует и скоро будет доказано, как был доказан месмеризм, так долго отрицаемый и наконец принятый с переменной названия. А когда это свойство в человеке будет признано наукой, то и закон сумеет положить конец его злоупотреблениям. Есть сознательное, как и бессознательное колдовство. Сомнамбул действует двояким образом²¹³: под влиянием собственного и под давлением постороннего импульса, то есть *воли магнетизера*. Этот последний, если он злой, мстительный, порочный человек, может причинить своим *субъектам* совершенно безнаказанно и верно громадный вред.

---

²¹⁰ См. *Proceedings of the S.P.R.* за июль (Трюбнер, Лондон). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

См.: *Proceedings of the Society for Psychical Research*, Vol. II, June 30, 1884. P. 201–205.

²¹¹ «...They seem to favour more the doctrines of the Theosophists rather than those of the Spiritualists» (см. протокол заседания, книжка за июль). – *Примечание Е.П.Блаватской*.

²¹² *L'Humanité posthume* (d'Assier)* показывает позитивиста и материалиста вполне верующего в *двойник* всякого живого существа, даже у животных. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* См.: *D'Assier A. Essai sur l'humanité posthume et le spiritisme*. Paris, 1883 (*Дассье А.* Очерк о посмертном человечестве и спиритизме. Париж, 1883).

Адольф Дассье (1827–1889) – французский писатель.

²¹³ Сомнамбулы – те же гипнотики. Сила более могучая берет верх и управляет слабейшею как своею собственной. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Направив зараженную пороками мысль и силу воли на выбранную им жертву, особенно если она гораздо слабее его, магнетизер может возбуждать в ней какие угодно страсти, привить зародыш любой болезни, наконец, даже умертвить ее со временем. Если доказано, что гипнотизаторы овладевают совершенно мышлением субъектов, заставляя их видеть несуществующее, слышать воображаемое и т.д., что они могут заставить человека умственно и физически здорового вообразить, что стул есть лошадь, что он садится на нее, скачет, затем, что она понесла его и он падает с нее, ломая руки и ноги. Если все это может сделать на сцене простой гипнотизатор, то почему же и не сделать этого колдуну? Как мы не раз показывали во время нашего рассказа, разница между гипнотизатором и магнетизером, с одной стороны, и колдуном или природным гипнотизатором, с другой, только в количестве и качестве посылаемой ими силы или *тока*. Если один может действовать так сильно на органы мышления, что способен произвести временное умопомешательство, а другой, направив ток на зараженный орган, вылечить его, произведя благотворную в нем реакцию, то почему же, спрашивается, так нелегко верить, что *колдун* также способен, направив «змеиный взгляд» (тот же магнетический ток) на который-нибудь из жизненных органов выбранной им заранее жертвы и, безостановочно *портя* его, убить человека, так же как и зверя?

Затем вот новое доказательство, что разница между злым, порочным, мстительным магнетизером и колдуном только в имени.

Почему, спрашивается, у Др. Шарко и других ученых, которые убедились в действительности «животного магнетизма», как только переименовали его название на «гипнотизм», если здоровый магнетизер может уделить часть своей жизненной силы, *vitalité* (излишек того, о чем медики ничего не знают), своему пациенту, то почему бы ему наподобие вампира также и не вытянуть из своей жертвы ее последние силы? Если верить в одно, то нельзя не верить в другое. А раз поверив или, скорее, убедившись в обеих возможностях, невозможно не признать в колдовстве и действии гипнотизма одной и той же врожденной в человеке присущей ему силы.

Есть много таких *легально доказанных* случаев, когда магнетизер учинял преступления и долгое время безнаказанно совершал такие отвратительные проступки, пред которыми муллу-курумб, «испортивший» маленького Симпсона, простой шалун, школьник²¹⁴. Сила воли такого негодяя – то же колдовство, *порча*, а порочное воображение – те же чары, а если вдобавок одаренный такою силой человек власть имеет направлять на темные дела *двойник*, либо собственный, либо своей жертвы, то чем же он отличается от муллу-курумба? Зло, на которое он способен, может в таком случае принять положительно грандиозные размеры явлений Средних веков: «луденских бесноватых»²¹⁵ или «салемских ведьм» пуританской памяти в летописях Новой Англии²¹⁶.

Вследствие полного неведения науки о том, что такое «жизненная сила», что возбуждает ее проявление и что заставляет ее бесследно исчезать, а поэтому и токов или силы животного магнетизма, мы протестуем против решений науки в таких вопросах. Не изучив силы по причине ее неуловимости и незнания самой ее сути, никто не может судить о ее свойствах, функциях,

---

²¹⁴ Жюль Фавр* послал за три года до своей смерти на 20 лет на каторгу итальянца-магнетизера. Под предлогом лечения, а иногда и экспериментов, негодяй, выбирая девушек из богатых домов, приводил их в состояние полного транса, подчинял своей воле, а затем заставлял их обкрадывать родных в свою пользу и *затем забывать совершенное*. Вдобавок он *приказывал* им делать ночные визиты в дом и комнату, которую он занимал, где он и бесчестил их. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* Жюль Фавр (1809–1880) – французский политический деятель.

²¹⁵ Речь идет о судебном процессе в 1634 г., который прошел в связи с эпидемией одержимости бесом, охватившей общину урсулинок в Луденском монастыре (Франция). Жертвой этого процесса стал католический священник Урбен Грандье, приговоренный церковным судом к сожжению.

²¹⁶ См. *Salem Witchcraft*, by Upham*. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

* См.: *Upham C.W. Salem Witchcraft: With an Account of Salem Village, and a History of Opinions on Witchcraft and Kindred Subjects*. Vol. I–II. Boston, 1867 (*Апхэм Ч.В.* Салемское колдовство: с описанием деревни Салем и историей мнений о колдовстве и сходных предметах. Т. I–II. Бостон, 1867).

Чарльз Вентворт Апхэм (1802–1875) – американский государственный деятель, историк Салема и судебных процессов Салемской ведьмы 1692 г.

Речь идет об одной из самых знаменитых охот на ведьм в истории: судебном процессе, проходившем в американском городе Салем с февраля 1692 по май 1693 г. По обвинению в колдовстве 19 человек было повешено, один мужчина был раздавлен камнями и от 175 до 200 человек заключено в тюрьму (не менее пяти из них умерли).

степени, менее же всего о ее размерах и могуществе. Мы настаиваем на том, что современные ученые, физики, химики и биологи не имеют права называть невеждами и суеверными глупцами верующих во многое такое, чего помянутые ученые еще сами не знают, а главное, положительно отказываются узнать, то есть заняться такими вопросами. Будучи решительно не в состоянии объяснить нам, что такое «жизненная сила» даже в ее принципе, и не имея понятия о ее протеевских способностях, как могут они требовать от нас повиновения их авторитету или уважения к их решениям в таких случаях? Мы знаем одно: эта сила грозит не только развенчать их материю, но и залить весь земной шар волной суеверного безумия, если наука не построит вовремя крепких плотин, а пока ученые этого не сделают, мы отрицаем требуемое ими право сидеть над нами ареопагом.

Все затруднения господ, стоящих во главе науки, заключаются в опасении, как бы новые учения так или иначе не опрокинули их излюбленной теории *материального начала* вселенной. Не позволять ни врагу, ни другу, ни своему, ни чужому искать ключ к явлениям жизни и мышления вне тесных рамок физиологических и физических законов – вот их главная задача и вся причина упорства против серьезного исследования феноменов спиритизма и прочих *суеверий*. Суеверия, положим, в отношении ко всем таким таинственным явлениям есть достаточный процент, но кто же в этом виноват? Все те же ученые. Видя, что их излюбленный метод никогда не может привести к полному решению проблем как внутренней, так и внешней жизни, общество, получая постоянно отпор и одни отрицания фактов, которые для него сделались давно неоспоримую действительностью, наконец, весьма естественно взбунтовалось. Оно само стало искать решения задач и, судя поверхностно, как то делают массы вообще, оно, конечно, искало вкривь и вкось, пока не доискалось и не вышло из этого умопомрачения и сумбура.

Нам передавали лица из Петербурга, что еще недавно на сеансах спиритического кружка в Царском Селе являлся материализованный дух пьяницы, который начинал с того, что требовал водки и пил ее. Затем обычную посетительницей этих сеансов было жившее несколько лет тому назад «погибшее, но милое создание», какая-то не оставившая и по сие время своих вкусов и привычек куртизанка. Наконец, дело дошло до того, что в кружке появилась материализация того самого осла, на котором Иисус Христос въезжал в Иерусалим! Если это было так, то по нашим теориям последнее явление было эмблематическим отражением, *au figuré*²¹⁷, присутствующих.

То же происходит и во Франции, и в Англии. Покаявшийся, умерший на кресте разбойник, воплотившись в сапожника-спирита, узнает своего товарища «непокаявшегося» в маркизе Сен-Жерменского предместья, тоже спирите. Маркизу такое публичное признание не понравилось, и он дает «первому разбойнику» затрещину. Tableau²¹⁸: обоих отправили в полицию.

В Европе и в Америке более двадцати миллионов спиритов и спиритуалистов, людей более или менее образованных. Первые верят, что Лудовик XV²¹⁹ воплощен ныне в madame Babelin, их парижском медиуме, а покойный Allan Kardec²²⁰ собственноручно ведет счетные книги спиритического общества; что бабушка г. А. сделалась его меньшим сыном, а сам г. А. может воплотиться в короля на Юпитере. Спиритуалисты же, отвергая доктрину *реинкарнации*, верят в умерших, не разнящихся ничем от живых; в загробную жизнь духа нетленного на лад жизни земной; что духи умерших отправляются жить в страну где-то среди Млечного пути, где они едят, спят и женятся и чуть ли не играют в винт (см. сочинение Andrew Jackson Davis *Stellar Key*²²¹).

Всеми такими бреднями, именуемыми у спиритов «философией», человечество обязано ученым. Настаивая на том, что *все* факты медиумизма и феномены спиритизма – один обман или галлюцинация, они заставили образованные массы следовать влечению ума и сердца, неудовлетворенных все разбивающей наукой, и удовольствоваться одною обманчивою наружною стороною явлений. Вытесняя систематически из среды человечества мысль даже об отвлеченном божестве и убивая в нем всякую веру в бессмертный дух человека, современная наука собственноручно толкнула алчущих и жаждущих веры в жизнь загробную прямо в

²¹⁷ образом (*фр.*).

²¹⁸ Ну и картина (*фр.*).

²¹⁹ Людовик XV (Ludovik, 1710–1774) – король Франции (с 1715 г.).

²²⁰ Аллан Кардек.

²²¹ См.: Davis A.J. *Stellar Key to the Summer Land*. New York, 1867 (*Дэвис Э.Д.* Звездный ключ к Стране Лета. Нью-Йорк, 1867).

Эндрю Джексон Дэвис (1826–1910) – американский медиум и ясновидящий, писатель.

идолопоклонство. Теперь поправлять зло уже поздно. Вера в богов, теней человечества, в *larvae*²²² древних римлян, часто в собственный *двойник*, отражающий образы, созданные если не памятью, то воображением в полумраке спиритических *сеансов*, сделалась теперь *религией*. Только теософы смело разоблачают «духов», срывая с них иногда сознательные, чаще бессознательные маски. Несмотря на эту прямую помощь науке, теософы получают такой же отпор от ее жрецов, как и спириты. Большинство ученых все еще отворачивается от нежелательных фактов: только меньшинство спохватилось, основав «Психическое общество» ученых исследователей.

Эти допускают идею, что в человеческой машине есть, *быть может*, две лицевые стороны, телесная и духовная. Их *ересь* против положительной науки дошла до того, что они даже соглашались с ведантистами, что тело не более как подкладка души, ее «ножны», нечто вроде земного мундира, который как забрало, кольчуга и латы средневековых рыцарей скрывает *настоящего* человека с головы до ног. Многие из них вполне убедились, что при особенных психофизиологических условиях *этот* человек, то есть оригинал, тело которого одна грубая копия с него или двойник, может отделяться от своей телесной скорлупы и являться воочию, объективно, на несколько минут людям *до* и *после* смерти...

Воистину, знамение времени! Шарко с его сотнями последователей в Париже! Психическое общество с его тысячами в Лондоне!

Эти ученые, из коих некоторые верят еще пока в «привидения», держат себя, однако, в отношении к спиритам хотя и ласково, но на расстоянии, желая внушить им, как и нам, чувство своего превосходства. Разница между нами действительно огромная. То, что мы по простоте душевной зовем «колдовством» и «глазом», они именуют «зловредным психическим влиянием», *evil psychic influence*. Оно, положим, и звучит как-то нежнее (хотя и непонятнее), кажется и учнее, и внушительнее. Но ведь, право, называя дворняжку *львом*, мы ее этим не превратим в царя пустыни, а останется она для всех зрячих тою же шафкой²²³. Вся разница между нами только в терминах: наши названия – хотя народные, зато понятные, а их – то, что русские барышни в губерниях зовут *экивоком*²²⁴ да «жалкими словами». Как уже заявлено, многие психисты принадлежат и к нашему обществу. Но сознаваясь в этом открыто как частные лица, часто пользуясь нашей помощью и объяснениями как «члены ученого общества», психические исследователи вряд ли сознаются в этом, предпочитая надевать на наши вульгарные, но зато всем понятные названия «фальшивые носы» из греческого и латинского лексиконов.

Вот наглядный пример.

Недавно, а именно в конце июля²²⁵, в гостиную мистрис Т*** приятельницы «О.К.» (О.А.Новиковой)²²⁶, собралось человек тридцать ученых и аристократов. Сэр А.Ф*** рассказывал мне во всеуслышание и даже похвалялся о своем фатальном даре *убивать людей на расстоянии и одною недоброю мыслию*. Он назвал в присутствии ученых профессоров-психистов несколько хорошо известных в лондонском обществе лиц, которых он, к своему сожалению, *умертвил нечаянно* только потому, что, рассердясь, пожелал им «нехорошего». В трех различных случаях приятели-скептики делали с ним опыты и убедились в его силе. Одна молодая, здоровая и очень красивая дама лучшего общества, которую он тут же и назвал, желая помешать ему быть выбранным в парламент, стала клеветать на него. Узнав об этом, он воскликнул в ярости: «Женщина, обладающая таким ядовитым языком, достойна смерти!» По собранным справкам она в тот же день заболела, а чрез месяц умерла.

---

²²² Лярва (*лат. larvæ*) – в древнеримской мифологии душа (дух) умершего злого человека, приносящая живым несчастья и смерть.

«Лярва (лат.). Животная душа. Лярвы суть тени живших и умерших людей» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь, М., 1998. С. 237).

²²³ шавкой (*разг.*).

²²⁴ двусмысленностью (*фр. équivoque*).

²²⁵ 1884 года в Лондоне.

²²⁶ Ольга Алексеевна Новикова (урожд. Киреева, 1840–1925) – писательница, публицист; с 1868 г. жила в Англии, имела свой салон в Лондоне, который посещали многие видные британские интеллектуалы, религиозные и политические деятели, дипломаты и журналисты, активно печаталась в английской прессе, приобрела репутацию «русского агента» – негласной представительницы России перед английской публикой; подписывала свои статьи псевдонимом «О.К.» («Ольга Киреева»).

– Да это чистое колдовство, черная магия по-нашему! – воскликнула я в негодовании. – Это ужасно!..

– Извините, – учтиво перебил меня сидевший возле меня кембриджский профессор-«психист», – мы не верим в Европе в колдовство, тем менее в *магию*... Если это было так, как сэр А*** рассказывает, а у нас записано много таких случаев, то мы называем такое действие на расстоянии *зловредным психическим током*, действующим наподобие месмерических токов...

Разувившись в Индии великосветским манерам, я чуть было не расхохоталась почтенному профессору в лицо.

Английский ученый, верящий в возможность действия *nefarious psichical current*²²⁷ на расстоянии, не имеет права критиковать веру в колдовство.

Но дело не в названии, а в неоспоримой тождественности изучаемых нами явлений.

Ученые, дующиеся на Психическое общество, но не смеющие идти открыто против стольких собратий, явно презирующие спиритуализм и зовущие теософов «неолунатиками» (попросту сумасшедшими), объясняют свои враждебные чувства ко всему отвлеченному тем, что точные, математические науки не принимают ничего на веру, отвергая существование всего, что не может быть проверено при помощи научных аппаратов одним из наших пяти чувств и пр. и пр.

На это мы могли бы ответить многое. Мы могли бы, например, заметить им, что ведь принимают же они на веру эфир пространства, вещество, ускользящее от наблюдения нашими *чувствами* гораздо более любого на сеансе духа. Но они положили верить в светоносный эфир, потому что никакие усилия их воображения не могли выработать ничего лучшего этой гипотезы, объясняющей явление света, а их научные заключения касательно этого самого «света» на основании физики?.. Давно ли они пришли к ним? Еле прошло несколько лет с того времени, как счастливая мысль, что свет и есть качество этого самого гипотетического эфира и зависит от его вибраций, озарила их головы, но зато и перевернула вверх дном все их прежние атомистические теории о свете...

Мир состоит не из одних атомов, и сами же ученые, как это всем известно, должны были определить материи второстепенное место, а силе, о которой они тоже ничего не знают, первое. Если ученые находят логичным и в гармонии с духом индуктивных наук верить в эфир пространства и в закон тяготения, зачисляя эти невидимые, неосязаемые вещество и силу в каталог естествознания, то почему же им этого не сделать и в отношении к душе человека? Но они отказываются допустить такую ересь, как душа, и отвергиваются даже от *полуматериального* призрака, который мы называем «двойником». Если обе вышеупомянутые гипотезы возникли вследствие длинного ряда вполне доказанных и неопровержимых научных фактов, обязанных своим открытием индуктивному способу, то ведь все-таки сами они, невзирая на все заключения, не более как гипотезы. Правильность заключения в силлогизме отнюдь не доказывает правильности первой посылки. Душа заявляла не менее эфира и тяготения свое присутствие и существование со времен первого человека, а двойник, как это доказывают 3000 констатированных Психическим обществом явлений, заявляет себя не менее объективно, чем «лучистая материя», *четвертое* состояние материи, так недавно еще осмеянное гг. учеными. Как эта материя может быть сделана *видимой для всех* лишь вследствие известных комбинаций газов и электричества, так и «двойник» может быть усматриваем только при известных психофизиологических условиях. Как бы там ни было, а если не удастся доказать, что как все 3000 помянутых случаев, так и показания спиритов, а вместе с ними и ученые наблюдения химика Крукса над двойником «Katie King» – один обман и галлюцинация, то ведь придется же *volens nolens*²²⁸ ученым признаться и «привидениями».

Вследствие всего этого мы и говорим: если суровый закон индукции позволяет последователям *точных* наук, вследствие вибраций света да упавшего яблока, предполагать, а теперь и возводить на высоту непреложной истины существование как эфира, так и закона тяготения, то почему бы им и не допустить, хотя бы тоже пока под видом гипотезы, не только «двойник», но и самую душу человека? Неужели проявления души менее очевидны, нежели эфир пространства и тяготение, а сама душа еще неосязаемее или гипотетичнее последних? Если ученые имеют основание назначать светоносному и для них все еще гипотетическому эфиру роль

²²⁷ зловредного психического тока (англ.).

²²⁸ волей-неволей (лат.).

физической души макрокосма (нашей солнечной системы или их мира), существование которой заявляется ее явлениями света, тепла и пр., то и мы имеем такое же, если не гораздо большее основание относить к существованию души, которая есть светоносный эфир *микрокосма* или человека, все наши так правильно названные «душевные» проявления...

Если нам на это возразят, что одно принадлежит физическому миру, а стало быть и подлежит точным наукам, а другое к миру отвлеченностей и есть прямое достояние метафизики, не допускаемой материалистами в разряд их наук, то мы напомним ученым, что такое разделение есть дело их же умов. Но не природа, а они сами начертили такую разделяющую линию, да и начертили-то они ее не имея на это ни основания, ни права. Разве они знают, что такое материя, что нематерия, позволяя себе так своевольно распоряжаться в области природы? Готовы ли они сказать нам, где кончается вещество и где начинается чисто духовная область, или даже то, что они теперь величают «силой», произнося это слово как попугай, не понимая сами значения придуманного ими термина? Впрочем, пусть они называют вещи какими им угодно именами, но пусть только перестанут уверять публику, что их световой эфир, например, менее гипотетичен, нежели отвергаемая ими душа в человеке. Этим они только морочат добрых людей, подают им камень вместо хлеба и бросают их прямо в объятия грубого суеверия.

Когда, благодаря усилиям более благоразумных и честных их собратьев, реальность «двойника», или той внутренней и во всех нормальных проявлениях нашего повседневного существования невидимой оболочки души, в которую мы верим, станет доказанным в науке физиологии явлением, тогда все мы, вероятно, узнаем что-нибудь более о веществе этого призрака. Но до тех пор нам остается довольствоваться тем, что мы знаем (или думаем, что знаем, что опять-таки равняется положению ученых) об этом полуматериальном существе. Пока мы полагаем, что «двойник» есть *внутренняя* тень человека, отражающая его в свете души, как тень земная отражает его фигуру в свете солнечном, *наружно*; что эта тень остается обыкновенно невидимой и неосознательной, но что вследствие сильного душевного сотрясения или желания, полного разгара страстей (дурных, как и хороших) или в минуту смерти и даже большой опасности эта тень может отделяться от физического тела и проявлять себя независимо от физических органов...

Вот что мы думаем теперь, нисколько, впрочем, не называя, как то делают наши ученые, своих предположений и умозаключений последним словом *нашей* науки, как и не выставляя их непогрешимыми. Только следя за наукой и часто весьма изумительными парадоксами ее избранных жрецов, мы чувствуем за собой такое же право, как и они, довольствоваться собственными выводами и утверждать, что наша гипотеза ничуть не слабее их собственных. Доказательством этому служит то, что они мечутся как угорелые между рогами созданных ими самими и, как мы это тотчас докажем, *совершенно безвыходных* дилемм.

Через несколько лет, когда такие случаи двойников и привидений станут доказанными в физиологии фактами благодаря одному лагерю ученых, что тогда скажет другой лагерь, ярые материалисты? Какой отпор они придумают фактам? Как ответят они или объяснят то, что при их настоящем взгляде и успехах в биологии, — откуда они изгоняют *все*, кроме протоплазмы, — останется совершенно необъяснимым?

Заставить их включить душу человека в каталог ученых терминов, конечно, трудно. А вот «двойник» так им, наверное, придется еще анализировать. Само собою разумеется, что они выйдут из затруднения, объявив, что «двойник» вовсе еще не доказывает бессмертия души, что если он и есть, то это лишь показывает, что на этой земле все-таки умирает только физическое тело человека, которое, быть может, и существует еще несколько времени в своем астральном или эфирном виде. Это, например, всякий биолог готов будет сделать, даже не отбрасывая своего чисто материалистического воззрения на человека, когда неведомое ему теперь (и поэтому считаемое им несуществующим, невозможным) станет ему известным, он признает его вполне возможным, даже совершенно естественным. Ввиду именно такой возможности мы и советуем ученым биологам приготовиться. Сделать это не трудно. Биологу только стоит сбросить с себя мантию непогрешимости, отрешиться от своего заносчивого *non possumus*²²⁹, покаяться пред фактами и смириться пред неизбежным. Если ему так приятна мысль считать себя после смерти на одном уровне с дохлой крысой или замученной им на вивисекции собакой, то он может

²²⁹ не можем (*лат.*) — формула категорического отказа.

смириться и подчиниться, нисколько не веруя для этого в бессмертный дух человека, а просто допуская, как сказано, продолжение его сознательной (или иначе) посмертной жизни в полуматериальной оболочке. Пусть биолог только покается, сознавшись, что он ровно ничего не знает о тайнах жизни и смерти и что он доселе отвергал то, о чем он положительно находился в таком же неведении, в каком находится всякий папуа²³⁰ касательно протоплазмы!..

Готов ли материалист на такое покаяние? Есть, впрочем, великие ученые, которые неоднократно заявляли всенародно свое невежество касательно первопричинности атома и даже самого его существования, например, Тиндаль²³¹, Конт²³², Бальфур Стюарт и даже сам великий Гёксли. Но такие минуты героической честности не мешают остальным ученым, и даже самому Гёксли, спекулировать на счет «жизненного принципа» и, зная еще так мало о физической машине человека, делать выводы и заключения о начале человека, о первобытном атоме, о жизненном принципе и тому подобных безделицах.

Нам кажется, что они сделали бы умнее, изучая *все* явления, все феномены жизни и смерти, не пренебрегая ни одним, даже из области самого глупого, по их мнению, суеверия. Если только единодушное показание достаточного числа свидетелей, разумных и беспристрастных, доказывает биологу-материалисту, что собранные факты о «двойниках» живых людей (и даже о *привидениях* умерших) не могут быть всегда объясняемы «случайностью» и «совпадением», то нам кажется, что прямая обязанность ученых исследовать даже *колдунов* и *привидения*. Посмотрим, однако, на чем основано их почти общее предубеждение против существования души и духа в человеке и, стало быть, против его *двойника*.

В заключение мы ставим биологам, именно тем, что отрицают *все* вне материи, прямой вопрос: что и сколько они знают, например, о жизненной силе или «принципе»? Ответ нетруден: ровно ничего. Но они учат о нем, невзирая на свое невежество; и вот что именно учат:

Всем известно, что этот «принцип», таинственный, загадочный, невидимый и неосозаемый, ускользающий от всех наблюдений точных наук, дается им пока в руки столько же, сколько *эликсир жизни*, над которым они еще до сих пор смеются, давался в руки средневековым алхимикам. Все так же хорошо знают, что их математики не успели открыть его в известных им измерениях пространства; что их физики напрасно гонялись за ним в области ускользающих от них атомов, а химики не нашли его еще пока ни в одной из знакомых им молекулярных комбинаций... Но такой неуспех весьма мало смущает их. Они прямо отвергают существование жизненной силы *вне* материи или даже в относительной независимости от нее; и на наш вопрос: «Так где же она, что такое, наконец, этот пресловутый принцип, по их мнению?» – отвечают нам, указывая на протоплазму!!

Биология, *наука жизни*, по нашему смиренному мнению, величайший парадокс современной науки. Это чванный апофеоз собственному невежеству, памятник мифу, на котором профессор Гёксли и построил свою великую репутацию, объясняя протоплазмой все явления, как и все тайны жизни и смерти.

Взглянем, как ловко биологи объясняют нам этот вопрос. «Разве физика, – говорят они нам, – не *доказала* всему ученому миру, что во вселенной не существует *ничего*, кроме *материи в движении*; химия – что протоплазма именно и есть эта материя, а биология – что жизненный принцип, или *сила*, только один из способов или функций этого вездесущего божества, материи, в ее состоянии как *perpetuum mobile*^{233?}»

Этот аргумент, повторяемый на все лады знаменитейшими учеными, напоминает нам логику великого русского мыслителя Кузьмы Прутков²³⁴. Нашим изобретателям «химико-физической теории жизни», таким образом, и в голову не приходит вся нелепость сопоставления их «химико-физической теории жизни» с их двумя главными аксиомами отрицания, которые так

---

²³⁰ папуас (*нем.* Papua).

²³¹ Джон Тиндаль (1820–1893) – английский физик.

²³² Огюст Конт (1798–1857) – французский философ, родоначальник позитивизма.

²³³ вечный двигатель (*лат.*).

²³⁴ Козьма Петрович Прутков – литературная маска, под которой в русской периодической прессе выступали в 50–60-е годы XIX века поэты А.К.Толстой, братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы (фактически – коллективный псевдоним всех четверых). Сатирические стихи, афоризмы Козьмы Пруткова и самый его образ высмеивали умственный застой, политическую «благонамеренность», пародировали литературное эпигонство.

диаметрально противоречат ей, а именно: 1) с теорией вечного движения и 2) теорией произвольного зарождения²³⁵.

«Теория первая, – они нас учат, – *немыслима*, вторая – абсурд. Произвольное зарождение не было еще доказано наукой ни в одном случае».

Но что же такое их «космос материи в движении», как не прямое представление *вечного движения*? Разве это не *perpetuum mobile* «глупых», по их мнению, поэтому и видевших глупые сны средневековых алхимиков? А их химико-физическая теория о жизни? Разве это не другое название для «произвольного зарождения», величаемого ими «абсурдом»?

Выходит, что наша современная наука просто-напросто села на мель. А сев, принялась выдумывать спасательные теории; затем и придумала фантастическую машину в вечном движении, без начала, как и без конца, – машину, к тому же, которая, видимо, изобрела сама себя и сама собою дала себе импульс, хотя так как ее способность движения без начала в вечности, то и время, когда был ею дан этот первый импульс, должен заставить математиков сильно призадуматься... Но в глазах науки это безделица. Коль скоро ученые открыли в бездонной пропасти своего молекулярного мозгового пространства такую машину, остальное не представляет никакого затруднения. Собрав ее по частям, наш ученый атеист представляет свою чудную самоизобретенную «космос-машину» публике и просит поверить ему на слово, что она, вдобавок, снесла самовылупляющееся же яичко...

У биологов это зовется «доказанным и неопровержимым фактом науки», последним плодом их древа познания. Тайна жизни открыта в этом запрещенном плоде, имя же ему *протоплазма*. Это химическое вещество и есть – не угодно ли видеть? – доселе ускользавший от ученых биологов «принцип» или жизненная сила: *ergo*²³⁶, «жизнь есть свойство протоплазмы». И так это все просто, и естественно, и мило, что нам остается лишь добродушно посмеяться над глупостью как собственной, так и наших праотцов, бредивших о какой-то *душе*, *духе* и подобных *антинаучных* предметах. Так прокричим же ура! «Нет бога кроме протоплазмы, и Гёксли пророк его!» Теперь им остается только выдумать *биометр* для измерения кубического содержания *души* и *духа*, и современная наука может спокойно опочить на заслуженных лаврах...

Но что делает во время такого преподнесения ей атеистом самозарождающегося *космоса* образованная публика? Публика кланяется, умиляется и благодарит. На то и авторитет науки, чтобы держать профанов, *οί πολλοί*²³⁷ естествознания, в повиновении и страхе. Публика тут уж ровно ничего не понимает, но чем менее она понимает, тем более растет ее уважение к науке. Так приказало-де начальство... Кому же лучше знать? Начальство запретило верить в факты, в «глас народа», в душу и бессмертие человека; ну вот те, что посмирнее, да лезут в амбицию, туда же за грозную наукой, и слушают ее...

О милая, легковверная публика! Как часто она нам напоминает шотландскую бабушку одного молодого моряка, который, желая занять и развлечь ее, рассказывал ей о чудесах, виденных им во время кругосветного путешествия. Не успел внучек упомянуть ей о красивых летучих рыбах Красного моря, как старая леди гневно прервала его «непозволительную ложь»:

– Где же, когда и кем видано, чтобы сотворенная для плавания в воде рыба – летала!

---

²³⁵ Вс. С.Соловьев* находился вместе с Е.П.Блаватской в немецком городе Эльберфельде с 26 августа по 1 сентября 1884 г., помогая Блаватской редактировать ее повесть «Загадочные племена». В одной из записок она спрашивала его: «Всеволод Сергеич, милый, найдите мне, Бога ради, по-русски перевод термина *génération spontanée*** – ну как это по-русски, “мгновенное зарождение”, что ли? Черт бы побрал ученых, которые выдумывают слова, а в диксионарах*** их нет. Прошу вас, найдите и сейчас же, немедля, дайте знать, мне нужно для моей катковской статьи, которая, наконец, кончается. Спасите, родной... Ваша Е.Блаватская» (Цит. по: Тюриков А.Д. Клеветническая кампания Всеволода Соловьева против Е.П.Блаватской в 1886 году. Хмельницкий, 2020. С. 44).

* Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) – писатель, поэт, критик, брат философа Владимира Соловьева, автор клеветнической книги против Е.П.Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

** самозарождение (*фр.*).

*** словарях (*фр. dictionnaire*).

²³⁶ следовательно (*лат.*).

²³⁷ толпу (*греч.*).

Зато когда, круто свернув со столбовой дороги *фактов*, внук стал забавлять было расшвырявшую бабку описанием *виденного им самим остова* кита, проглотившего Иону²³⁸, то набожная старушка, умилившись, заметила со слезами на глазах:

– Вот это совсем другое дело, мой дружок! Это факт всем хорошо известный... Как жаль, что ты не привез мне кусочек косточки кита на память!

Вообще всякая публика горазда отплевываться от мошки, чтобы затем добровольно проглотить слона...

Наша оправдательная и защитительная речь кончена. Пусть решит беспристрастно читатель, что из двух составляет худший абсурд: вера ли в трансцендентальную в человеке силу, в медиумические явления и даже в колдунов, их двойников и чары – так, как мы верим в них; или же вера в волшебный «космос-курицу», зародившийся в самом себе и вылупившийся из собственного им же снесенного яичка.

Мы приглашаем неверующих в Индию, особенно в Мадрасское президентство на «Голубые горы». Пусть они поживут там несколько месяцев и познакомятся с «загадочными племенами» Нильгири, главное, с муллу-курумбами. Пусть познакомятся со старожилками и войдут в их доверие, потому что иначе страх современной науки и публичного мнения зажмет рот даже старожилкам с весьма малыми исключениями. А затем, вернувшись из Индии в Европу, пусть скептики отвергают, если могут, действительность колдовства и его чар...

Но Голубые горы представляют и кроме колдовства много заманчивого для путешественника. Когда настанет тот счастливый час, если ему когда-нибудь суждено настать, что наши друзья с туманных берегов «предательского», а потому и вечно подозревающего Альбиона перестанут усматривать в каждом невинном русском путешественнике, начиная с ученого академика и кончая гешефтствующим жидом²³⁹, опасного политического шпиона, то, быть может, и русские начнут тогда появляться чаще в Индии, нежели они появлялись до сей поры. Тогда заглянут, вероятно, и отечественные натуралисты в описанную нами горную Фиваиду²⁴⁰. Мы совершенно уверены, что для этнолога, географа и филолога, не говоря ничего о психологах, наши Голубые горы или, как их здесь зовут, Нильгирийские холмы окажутся неисчерпаемым кладом для научных исследований каждого специалиста²⁴¹.

---

²³⁸ Иона – древнейший из еврейских пророков. В Книге пророка Ионы повествуется, как по повелению Божию его проглотил кит, и пробыл Иона во чреве кита три дня и три ночи.

²³⁹ В XIX веке слово «жиды» широко употреблялось в русском языке в значении иудеи (исповедники иудаизма) и не несло отрицательных коннотаций.

²⁴⁰ См.: Шапошникова Л.В. Тайна племени Голубых гор. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969.

²⁴¹ Считаю нелишним оговориться касательно употребленной нами транскрипции речения *déva*, неоднократно встречавшегося в этих рассказах о нильгирийских племенах. Мы позволили себе удержать для помянутого речения именно ту форму, в какой оно с тем же значением сказалося в славянском языке, именно *див* (*и* здесь долгота, равносильная элементу *ѣ*). В этом смысле речение *див* встречается, например, в *Слове о полку Игореве*: «Див кличет верху древа»*. – *Примечание редакции журнала «Русский вестник»*.

* «Див кличет на верху древа» – слова из «Слова о полку Игореве» в переводе поэта В.А.Жуковского (1783–1852).